

Вопросы ЭКОНОМИКИ™

www.vopreco.ru

В НОМЕРЕ :

**Перспективы восстановления
экономического роста в России**

Стратегия низкоуглеродного развития РФ

Социокультурные факторы в экономике

**Может ли доверие быть условием
экономического роста?**

7

2 0 2 0

ВСЕРОССИЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Вопросы ЭКОНОМИКИTM

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С 1929 г.

ИЮЛЬ

7

2020

Редакционная коллегия

О. И. Ананьин, Р. С. Гринберг, Н. И. Иванова, А. Я. Котковский (исполняющий обязанности главного редактора), **Я. И. Кузьминов, В. А. Мау, А. Д. Некипелов, Р. М. Нуреев, Г. Х. Попов, С. Н. Попов** (ответственный секретарь), **Вад. В. Радаев, А. Я. Рубинштейн, Д. Е. Сорокин, Е. Г. Ясин**

Х. Канамори (Япония), **Гж. Колодко** (Польша), **Л. Конг** (Китай), **Л. Чаба** (Венгрия),
М. Эллман (Нидерланды), **М. Эмерсон** (Великобритания)

МОСКВА

Voprosy Ekonomiki

[Issues of Economics]

Since 1929

July

7

2020

EDITORIAL BOARD

Oleg Ananyin

National Research University
Higher School of Economics,
Russian Federation

Ruslan Grinberg

Institute of Economics, Russian Academy
of Sciences, Russian Federation

Natalya Ivanova

Primakov Institute of World Economy and
International Relations, Russian Academy
of Sciences, Russian Federation

Andrey Kotkovsky (Executive Editor)

NP “Voprosy Ekonomiki”,
Russian Federation

Yaroslav Kouzminov

National Research University
Higher School of Economics,
Russian Federation

Vladimir Mau

Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Russian Federation

Alexander Nekipelov

Moscow School of Economics,
Lomonosov Moscow State University,
Russian Federation

Rustem Nureev

National Research University
Higher School of Economics,
Russian Federation

Gavriil Popov

International University in Moscow,
Russian Federation

Sergey Popov (Executive Secretary)

NP “Voprosy Ekonomiki”,
Russian Federation

Vadim Radaev

National Research University
Higher School of Economics,
Russian Federation

Alexander Rubinstein

Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Dmitry Sorokin

Financial University under
the Government of the RF,
Russian Federation

Evgeny Yasin

National Research University
Higher School of Economics,
Russian Federation

Hisao Kanamori (Japan), **Grzegorz Kolodko** (Poland), **Li Cong** (China), **László Csaba** (Hungary),
Michael Ellman (Netherlands), **Michael Emerson** (Great Britain)

AIMS AND SCOPE

Voprosy Ekonomiki is a leading Russian economic journal. It publishes the top theoretical and empirical research on macroeconomic policies and institutional reforms in Russia. The journal also welcomes more general submissions dealing with the political economy of institutional change as well as economic sociology, economic history, regional economic studies, analysis of particular markets and industries, international economics, and history of economic thought. *Voprosy Ekonomiki* serves as an important forum for the Russian economic community. All articles are subject to a rigorous peer-review process.

ISSN 0042-8736. Frequency: published monthly—12 Issues per year.

Publisher: NP “Redaktsiya zhurnala ‘Voprosy Ekonomiki’”.

Homepage: www.vopreco.ru. Email: mail@vopreco.ru

© 2020 NP “Voprosy Ekonomiki”. All rights reserved.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

- Н. В. Акиндинова, М. Домбровски, А. А. Широ, Д. Р. Белоусов, И. Б. Воскобойников, Е. Т. Гурвич** — Перспективы восстановления экономического роста в России (*По материалам круглого стола в рамках XXI Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ*) 5

-
- И. А. Башмаков** — Стратегия низкоуглеродного развития российской экономики 51

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- А. А. Аузан, А. И. Бахтигараева, В. А. Брызгалин, А. В. Золотов, Е. Н. Никишина, Н. А. Припузова, А. А. Ставинская** — Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка 75
- А. И. Бахтигараева, А. А. Ставинская** — Сможет ли доверие стать фактором роста экономики? Динамика уровня доверия у российской молодежи 92
- В. А. Брызгалин, Е. Н. Никишина** — Существует ли региональная социокультурная специфика в России? Возможности использования социокультурного подхода в экономике 108
- А. В. Золотов, Н. А. Припузова** — Воспроизводство социальных норм в России 127

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- Н. В. Гаврилова** — Практики инициативного бюджетирования в российских регионах 142

-
- Russian Journal of Economics 157
- Мобильное приложение «Вопросы экономики» 158
- Льготная подписка на журнал «Вопросы экономики» 159

CONTENTS

ECONOMIC POLICY

- N. V. Akindinova, M. P. Dabrowski, A. A. Shirov, D. R. Belousov, I. B. Voskoboynikov, E. T. Gurvich** — The prospects of Russian economic growth recovery (*Proceedings of the roundtable discussion at the XXI April international academic conference on economic and social development*) 5

-
- I. A. Bashmakov** — Russian low carbon development strategy 51

INSTITUTIONAL STUDIES

- A. A. Auzan, A. I. Bakhtigaraeva, V. A. Bryzgalin, A. V. Zolotov, E. N. Nikishina, N. A. Pripuzova, A. A. Stavinskaya** — Sociocultural factors in economics: Milestones and perspectives 75
- A. I. Bakhtigaraeva, A. A. Stavinskaya** — Can trust become a factor of economic growth? Dynamic changes in the level of trust of Russian youth 92
- V. A. Bryzgalin, E. N. Nikishina** — Is there a regional culture in Russia? Opportunities of using a sociocultural approach in economics 108
- A. V. Zolotov, N. A. Pripuzova** — Reproduction of social norms in Russia 127

RESEARCH NOTES

- N. V. Gavrilova** — Analysis of initiative budgeting practices in Russian regions 142

-
- Russian Journal of Economics 157
- Mobile App “Voprosy Ekonomiki” 158

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Перспективы восстановления экономического роста в России

*(По материалам круглого стола в рамках XXI Апрельской
международной научной конференции НИУ ВШЭ)*

На обсуждение участников круглого стола были вынесены следующие вопросы: может ли помочь опыт восстановления российской экономики после кризисов 1998 и 2008 гг. сегодня; какие отрасли российской экономики были драйверами роста в предшествующее десятилетие и могут ли они выполнять эту роль в ближайшие годы; какими могут быть темпы роста российской экономики в 2021 г. и почему; как можно скорректировать национальные проекты, нацеленные на стимулирование роста. Кроме того, в ходе подготовки материалов круглого стола к печати его участники выделили ключевые факторы, определяющие динамику производительности труда и производства в России, предложили способы поддержки экономики в период «коронакризиса», сформулировали меры экономической политики, способные ускорить рост российской экономики.

Ключевые слова: экономический рост, долгосрочные факторы роста, производительность труда, структурные сдвиги, экономическая политика.

JEL: E6, H11, O1, O4, P4.

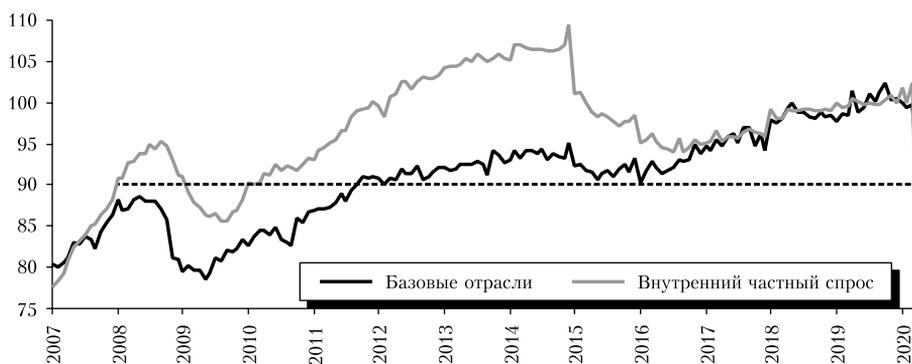
Участники дискуссии: *Акиндинова Наталья Васильевна* (nakindinova@hse.ru), директор Института «Центр развития» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (Москва); *Домбровский Марек* (mdabrowski@hse.ru), проф. НИУ ВШЭ (Москва), н. с. центра Брейгель (Брюссель, Бельгия), н. с. CASE — Центра социально-экономических исследований (Варшава, Польша); *Широв Александр Александрович* (schir@ecfor.ru), д. э. н., чл.-корр. РАН, замдиректора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН) (Москва); *Белоусов Дмитрий Рэмович* (DBelousov@forecast.ru), к. э. н., руководитель направления анализа и прогнозирования макроэкономических процессов Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, завлабораторией ИНП РАН (Москва); *Воскобойников Илья Борисович* (ivoskoboynikov@hse.ru), PhD in Economics, вед. н. с. Научно-учебной лаборатории «Исследование проблем инфляции и экономического роста» Экспертного института НИУ ВШЭ (Москва); *Гурвич Евсей Томович* (egurvich@eeg.ru), к. ф.-м. н., руководитель Экономической экспертной группы, руководитель Центра бюджетного анализа и прогнозирования Научно-исследовательского финансового института Минфина России (Москва).

Н. В. Акиндинова. Мировой кризис, связанный с пандемией коронавируса, драматически повлиял на состояние и перспективы российской экономики. Падение спотовых цен на нефть URALS до 16 долл./барр. в апреле 2020 г. напомнило о конъюнктуре 1990-х годов. Хотя заключение новых договоренностей в рамках ОПЕК+ уже в мае привело к восстановлению цены на нефть до уровня 30 долл./барр., это оказалось вдвое ниже среднегодовой цены 2019 г. — 64 долл./барр. При этом России пришлось взять на себя обязательство сократить добычу нефти на 2,5 млн барр. в сутки. Радикальное снижение нефтегазовых экспортных доходов сопровождалось падением цен и спроса на другие товары российского экспорта из-за общего спада в мировой экономике, ставшего следствием отчасти развития дезинтеграционных процессов в мире (Brexit, торговые войны), а непосредственно — введения противоэпидемических ограничительных мер, блокировавших или существенно затруднивших деятельность ряда отраслей экономики.

По примеру других стран, пострадавших от пандемии, Россия с конца марта 2020 г. ввела комплекс противоэпидемических мер, ограничивающих социальные контакты и экономическую активность. В целом под влиянием внешних и внутренних факторов в апреле производство в базовых отраслях экономики, по предварительной оценке, сократилось на 11% год к году. При этом внутренний частный спрос, для оценки которого мы используем средневзвешенный индекс оборота розничной торговли, платных услуг населению и строительства¹, снизился как минимум на 22% год к году (рис. 1а).

Уже можно сказать, что основные экономические потери от «коронакризиса» пришлись на II кв. 2020 г., когда действовали самые строгие ограничения экономической активности, а в дальнейшем по мере их ослабления экономика будет восстанавливаться. Согласно консенсус-

Индикаторы экономической активности в России
(сезонность устранена, в %, 2019 г. = 100%)

Источники: CEIC Data (Росстат); Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Рис. 1а

¹ Динамика строительства используется для предварительной оценки инвестиционного спроса в отсутствие помесечных данных о динамике инвестиций.

Основные параметры макропрогноза на 2020–2021 гг.

Показатель	Факт	Прогноз	
	2019	2020	2021
Цена нефти Urals, долл./барр.			
базовый сценарий Института «Центр развития»	64,0	35,0	44,0
консенсус-прогноз (6–12 мая 2020 г.)	64,0	34,9	43,7
Курс доллара, среднегодовой, руб.			
базовый сценарий Института «Центр развития»	64,7	71,9	69,9
консенсус-прогноз (6–12 мая 2020 г.)	64,7	74,2	72,2
ВВП, реальный рост, %			
базовый сценарий Института «Центр развития»	101,3	94,8*	103,1
консенсус-прогноз (6–12 мая 2020 г.)	101,3	95,7	103,0
Инфляция, на конец года, %			
базовый сценарий Института «Центр развития»	3,0	4,2	4,1
консенсус-прогноз (6–12 мая 2020 г.)	3,0	4,7	3,8

* Оценка пересмотрена в июне 2020 г. (Кондрашов, 2020).

Источники: базовый сценарий – Центр развития, 2020; консенсус-прогноз – Смирнов, 2020b.

прогнозу Института «Центр развития» НИУ ВШЭ, составленному по итогам опроса 6–12 мая 2020 г. (Смирнов, 2020b; табл. 1а), падение экономики во II кв. 2020 г. составит 10,7% год к году, в III и IV кв. – 4,0 и 2,8% соответственно, отрицательные темпы роста сохранятся и в I кв. 2021 г. (–2,1%), а восстановление экономики до предкризисного уровня произойдет не ранее середины 2022 г.

Неопределенность относительно дальнейшего развития пандемии и во многом неэкономический характер текущего кризиса затрудняют использование исторических аналогий при оценке скорости восстановления и влияния правительственных антикризисных мер на экономическую динамику. Тем не менее интересно сравнить текущую ситуацию с последствиями спада 2015 г., который был вызван наложением эффекта падения цен на нефть и политических (санкционных) ограничений на экономическую деятельность. В 2015–2018 гг. адаптация российской экономики к более низкому, чем в предшествующие годы, уровню цен на нефть и ограничениям в доступе к финансовым ресурсам происходила во многом за счет эффектов ослабления рубля и сокращения реальных доходов населения. На стадии восстановления снижение относительного уровня издержек в экономике открыло возможности для роста в секторе торгуемых товаров и расширения экспорта, который в этот период стал основным драйвером увеличения ВВП. Ограничения на импорт продуктов питания создали определенные возможности для импортозамещения в сельском хозяйстве и пищевой промышленности. Динамика потребительского спроса на фоне стагнации реальных доходов населения, которые по итогам 2019 г. оставались на 7,4% ниже уровня 2013 г., поддерживалась расширением кредитования. Тем не менее опросы предприятий регулярно фиксировали низкий внутренний спрос как ключевое ограничение для расширения производства. Склонность к инвестированию оста-

валась низкой. Темпы роста ВВП в 2017–2019 гг. без учета разовых факторов не превышали 1,5–2,0%.

В ситуации 2020 г. снижение доходов населения из механизма адаптации становится ключевым риском для восстановления экономической динамики и инвестиционной активности в частном секторе. Во II квартале многие организации продолжали работать (частично в удаленном режиме) или, по крайней мере, платить зарплату. Тем не менее уже в апреле (и тем более в мае) данные опросов фиксировали снижение как уровня доходов, так и занятости массовых групп населения (Мисихина, 2020). Особенно упали доходы занятых в МСП, ИП, самозанятых и неформально занятых. Вместе с тем, столкнувшись с сокращением спроса, разрывом сложившихся цепочек поставок, ростом издержек на выполнение санитарных требований, часть предприятий, сохранивших зарплаты и занятость в первые недели кризиса, снизила их позднее. В определенной степени это касается не только частного сектора, но и бюджетной сферы, где возможности предоставлять услуги (в частности, образования и здравоохранения) и получать внебюджетные доходы сократились. В целом можно ожидать, что по итогам 2020 г. реальные доходы населения упадут сильнее, чем официальные зарплаты и экономика в целом (по нашим оценкам, не менее чем на 8,5% (Центр развития, 2020; табл. 1б). Принятые антикризисные меры окажут позитивное влияние на динамику доходов, но не изменят ситуацию радикально (Мисихина, 2020).

Взаимосвязь сокращения реальных доходов населения с экономической динамикой во время текущего кризиса имеет и сходство, и свою специфику по сравнению с эффектами падения цен на нефть и обесценения рубля, которые российская экономика испытывала в прошлом. Во-первых, это более резкое принудительное сжатие сектора услуг (по итогам апреля 2020 г. объем платных услуг населению сократился на 38% год к году), который служит генератором существенной части как доходов населения, так и внутреннего потребления.

Т а б л и ц а 1б

Доходы населения в реальном выражении
(базовый сценарий Института «Центр развития» НИУ ВШЭ,
в % к предыдущему году)

Показатель	2019	2020	2021
Доходы	101,5	91,5	101,2
Доходы от предпринимательской деятельности	101,3	75,8	102,9
Оплата труда наемных работников	101,5	90,9	101,4
работники организаций	103,9	94,3	100,9
небюджетных	105,7	93,0	102,2
бюджетных	99,0	97,8	97,5
прочие занятые	95,8	81,6	103,2
Социальные выплаты	101,1	104,4	100,7
Доходы от собственности	97,1	87,8	103,6
Другие доходы	98,4	84,0	99,0
(-) обязательные платежи и взносы	104,3	89,4	101,6
Располагаемые доходы	100,8	91,8	101,2

Источник: расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Во-вторых, это смещение структуры потребления товаров в сторону продовольствия и предметов первой необходимости, что означает удар не только по торговле, но и по производству отечественных товаров длительного пользования (автомобилей, бытовой техники, строительных материалов и т. п.). В краткосрочном периоде потери отдельных производителей можно компенсировать активизацией госзакупок, однако если процесс восстановления доходов населения затянется, то можно будет говорить о сокращении не только малых и средних, но и ряда крупных производств, что, в свою очередь, будет означать новые потери рабочих мест и доходов.

Активная поддержка доходов и восстановления потребительского спроса, а также предпринимательской активности в сфере торговли и услуг на этапе постепенного выхода из карантинных ограничений выступает фактором «мягкой» адаптации структуры экономики к изменившимся условиям и росту издержек осуществления отдельных видов деятельности и в конце концов — восстановления инвестиционной активности в частном секторе, ориентированном на внутренний спрос. При этом инвестиционные планы, сформированные накануне пандемии и падения цен на нефть, вряд ли адекватны сложившейся ситуации и будущим трендам развития мировой и российской экономики, относительно которых сохраняется заметная неопределенность, и нуждаются в пересмотре.

В отличие от ситуации 2015–2018 гг., когда мировая экономика росла, на фоне разворачивающейся рецессии и ожидаемого замедления роста в ведущих странах (Пухов, 2020) возможности заместить вклад в рост внутреннего потребительского спроса увеличением экспорта значительно уменьшились. Также существенно ограничены возможности переориентировать имеющийся потребительский спрос на отечественную продукцию путем импортозамещения, поскольку в России отсутствует производство многих сложных товаров (например, цифровых устройств) без определяющего вклада импортных компонентов, а для развития таких производств необходимо использовать импортные технологии и оборудование, которые при этом стремительно устаревают. Пространство для импортозамещения и локализации сохраняется в части производства более простых товаров и ряда торговых услуг, и здесь ограничение масштабов трансграничной торговли в условиях пандемии дает определенные (хотя и временные) возможности. В целом в силу сложившихся предпочтений спрос на импортные товары и услуги имеет тенденцию восстанавливаться по мере формирования тренда к укреплению рубля после волны обесценения (даже на фоне стагнации доходов, как в 2017–2018 гг.).

Роль бюджетной политики в кризисные периоды традиционно возрастает. Стабилизационные механизмы в российской экономике (в частности, действующее бюджетное правило) настроены на сглаживание эффектов от волатильности нефтяных цен и связанных с этим колебаний валютного курса и не предполагают компенсировать за счет накопленных резервов кризисные последствия иного рода. Однако в 2020 г. мы сталкиваемся с ситуацией, когда ключевые риски несут не только выпадающие нефтегазовые доходы, но и сокращение налого-

**Оценка потребности в дополнительных ресурсах бюджетной системы
в базовом сценарии Института «Центр развития» НИУ ВШЭ (трлн руб.)**

Показатель	2020	2021
Объем компенсации выпадающих базовых нефтегазовых доходов из ФНБ по бюджетному правилу	1,1	0,2
Выпадающие нефтегазовые доходы федерального бюджета	1,6	1,5
Выпадающие доходы дотационных регионов	0,7	0,6
Выпадающие доходы внебюджетных фондов	1,0	0,9
Допустимые объемы поддержки экономики и населения за счет дополнительных расходов и мер налогового стимулирования	4,0	2,5
Общая потребность в ресурсах	8,4	5,7
<i>в % ВВП</i>	8,4	5,3

Источник: расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

вой базы и соответственно выпадающие нефтегазовые доходы федерального бюджета, а также региональных бюджетов и внебюджетных фондов (табл. 1с). Оказание поддержки бизнесу и населению, в свою очередь, требует как увеличения бюджетных расходов, так и дополнительных налоговых доходов.

В 2020 г., согласно принятым поправкам², выпадающие доходы федерального бюджета могут быть компенсированы за счет использования ресурсов ФНБ (в рамках бюджетного правила и за счет прибыли от сделки с акциями Сбербанка), прочих остатков на счетах бюджета и дополнительных заимствований, что позволяет профинансировать утвержденные объемы расходов и принятых антикризисных мер. Однако остаются проблемы с источниками финансирования выпадающих доходов других уровней бюджетной системы. Как и на уровне федерального бюджета, оптимизация их расходных обязательств нежелательна из-за высокой доли социальных обязательств и в силу стабилизирующей роли бюджетного сектора для доходов и занятости в период рецессии и на выходе из нее. В 2021 г. расходы федерального бюджета, согласно действующему бюджетному правилу, должны сократиться относительно уровня 2020 г.

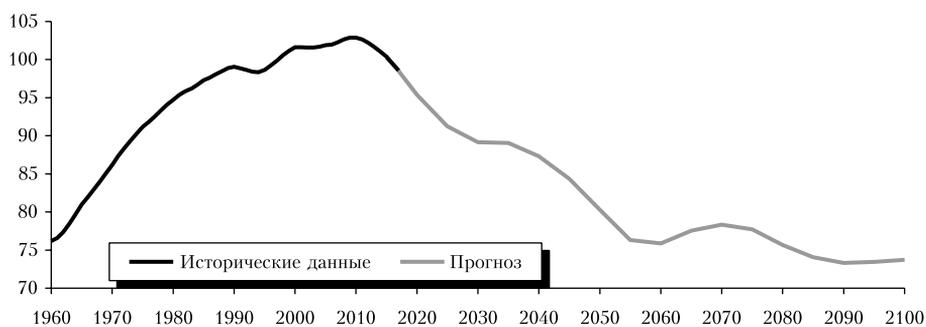
В этой ситуации целесообразно уточнить или приостановить действие бюджетного правила. С учетом большой вероятности сценария, предполагающего сохранение в среднесрочной перспективе низких цен на нефть, допустимо использовать для купирования краткосрочных последствий кризиса около половины накопленных ликвидных ресурсов ФНБ, сохранив оставшиеся ресурсы на последующие годы — для сглаживания траектории бюджетных расходов одновременно с их реструктуризацией для поддержки восстановления экономики после спада. Наряду с этим можно расширить масштабы долгового финансирования бюджетного дефицита, в том числе за счет приобретения крупнейшими банками обращающихся на рынке ОФЗ.

² Федеральный закон от 01.04.2020 № 103-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О приостановлении действия отдельных положений Бюджетного кодекса Российской Федерации и установлении особенностей исполнения федерального бюджета в 2020 году“».

М. Домбровски. Мой анализ концентрируется на долгосрочных барьерах экономического роста в России, имеющих демографический и институциональный характер (Dabrowski, 2019). Он основан на неоклассической теории роста (Solow, 1956), которая учитывает три главных фактора: рабочую силу, инвестиции, совокупную факторную производительность.

Последствия демографического кризиса. С начала 2010-х годов количество рабочей силы в трудоспособном возрасте (15–64 года) в России стало сокращаться, и эта тенденция сохранится почти до конца нынешнего столетия, а в резкой форме — до 2060 г. (рис. 2а). Это результат сильного падения рождаемости начиная с середины 1970-х — тенденции, наблюдаемой почти во всех странах Европы, Северной Америки и Восточной Азии (так называемый второй демографический переход).

Население России в трудоспособном возрасте, 1960—2100 гг.
(15–64 года, млн человек)

Источники: исторические данные — World Bank (<https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.1564.TO.ZS?locations=RU&view=chart>); прогноз — данные ООН (<https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/>).

Рис. 2а

Такое существенное изменение динамики предложения трудовых ресурсов не могло не повлиять на темпы экономического роста в 2010-е годы. При прочих равных условиях, резкое изменение демографических тенденций означало, что в последние десять лет российская экономика не могла расти темпами, к которым многие привыкли в 2000-е годы. Для дальнейшего роста ВВП на душу населения требуется повысить совокупную факторную производительность. К сожалению, многие экономисты и политики не понимают наличия этого фундаментального барьера, продолжая мечтать о возврате к устойчиво высоким темпам роста.

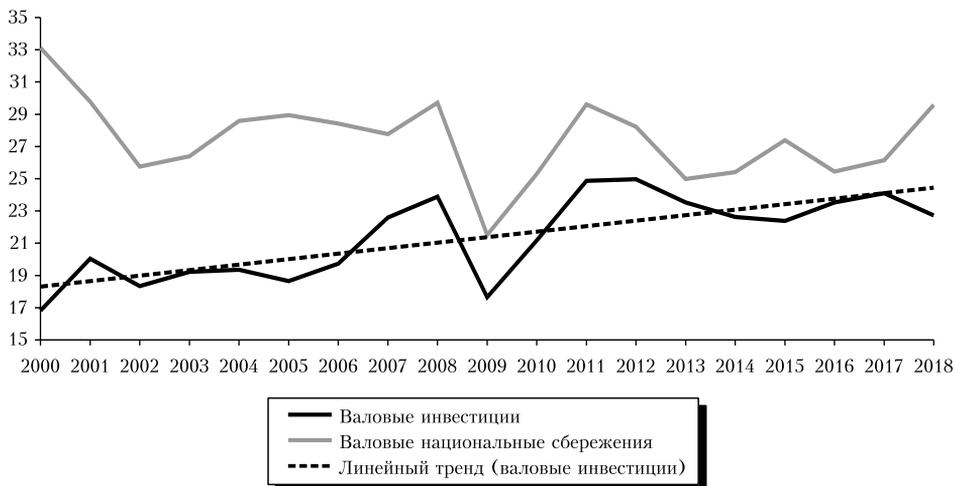
В будущем ситуация на рынке труда станет еще более драматической. К 2060 г. российская экономика потеряет около $\frac{1}{4}$ трудовых ресурсов, существовавших в 2010 г. Каждый год численность трудоспособного населения будет сокращаться приблизительно на 500–600 тыс. человек.

Конечно, с помощью мер экономической и социальной политики можно частично компенсировать убыль трудоспособного населения,

что и делается в России. Я имею в виду активную политику привлечения трудовых мигрантов и повышение пенсионного возраста (это последнее решение, хотя политически непопулярно, но экономически вполне рационально). Однако даже самые радикальные меры в этой области не смогут полностью компенсировать действие неблагоприятных демографических трендов. Демографический переход связан также с постепенным старением общества, что может отрицательно сказаться на производительности труда и государственных финансах.

Инвестиции. На рисунке 2b представлено отношение валовых инвестиций и валовых национальных сбережений к ВВП на протяжении последних двух десятилетий. Из него следует, что ни общий объем капиталовложений, ни источник их финансирования (валовые национальные сбережения) не должны считаться ограничителем темпов экономического роста в России.

Россия: валовые инвестиции и валовые национальные сбережения, 2000–2018 гг. (в % ВВП)

Источник: IMF World Economic Outlook database, October 2019.

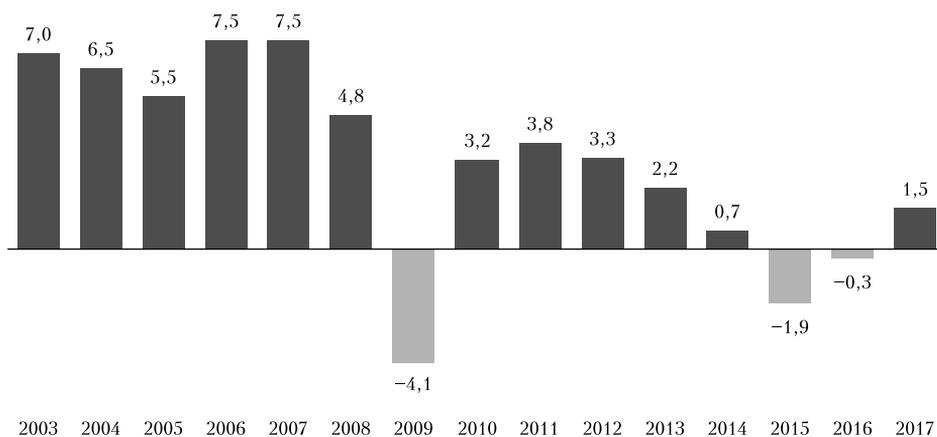
Рис. 2b

Несмотря на конъюнктурные колебания (например, последствия макроэкономических кризисов 2008–2009 и 2014–2015 гг.), доля валовых инвестиций в российском ВВП медленно растет. Хотя она намного ниже, чем в некоторых быстрорастущих экономиках Азии (например, в Китае и Индии превышает 40%), но не отстает от соответствующего показателя в развитых странах и многих странах с формирующимся рынком. Устойчивое превышение доли валовых национальных сбережений над долей валовых инвестиций в ВВП (положительное сальдо текущего счета платежного баланса) надо интерпретировать как отсутствие ограничений на стороне внутренних источников финансирования капиталовложений, в отличие от многих стран Центральной и Восточной Европы или Латинской

Америки. Скорее, проблема в недостаточной или даже снижающейся эффективности инвестиций. Это связано со структурной особенностью российской экономики (доминирование сырьевого сектора), неблагоприятным деловым и инвестиционным климатом и структурой собственности.

Совокупная факторная производительность. Дефицит рабочей силы может, хотя бы частично, компенсироваться ростом совокупной факторной производительности. Однако, согласно результатам проекта KLEMS Россия (Voskoboynikov, 2017), он замедлился с середины 2000-х годов, а эффективность аллокации рабочей силы ухудшилась. Эти результаты находят подтверждение на рисунке 3b, который показывает, что рост производительности труда был относительно высоким в начале и середине 2000-х годов, когда российская экономика более эффективно задействовала имеющиеся средства производства, в том числе трудовые ресурсы, высвобожденные в ходе посткоммунистической трансформации в 1990-е годы. Однако затем темпы роста производительности труда замедлились до менее 2% в год. Во время рецессии 2009 и в 2015–2016 гг. они даже стали отрицательными.

**Рост производительности труда в российской экономике,
2003–2017 гг. (в % к предыдущему году)**

Источники: Trading Economics (tradingeconomics.com); Росстат.

Рис. 2с

Отметим ряд институциональных факторов, которые негативно влияют на конкурентоспособность российской экономики и рост совокупной факторной производительности.

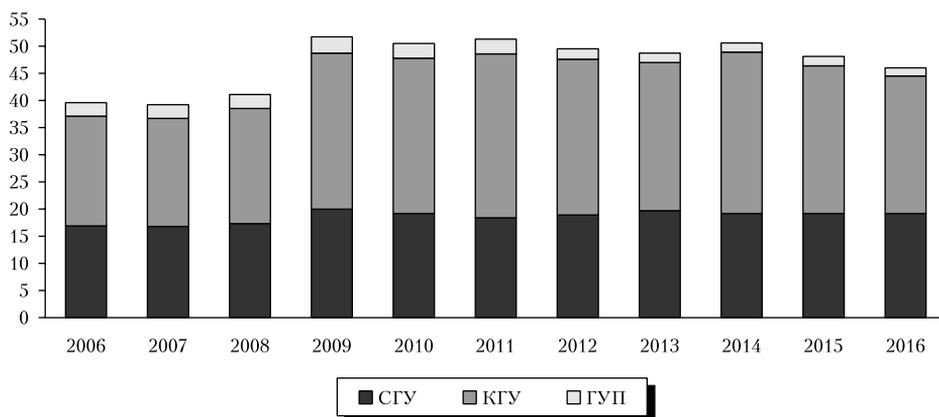
Ренационализация российской экономики. В результате массовой приватизации в начале 1990-х годов в России появился большой частный сектор. Согласно оценкам Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), его вклад в ВВП России составлял около 70% в начале 2000-х годов³.

³ См.: <http://www.ebrd.com/downloads/research/economics/macrodata/sci.xls>

Начиная с национализации нефтяной компании «ЮКОС» в 2003–2005 гг., доля госсектора опять стала расти. Кроме сознательной политики ренационализации, к увеличению доли госкомпаний привели глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. и кризис 2014–2016 гг. (эффект резкого падения цен на нефть и западных санкций), в результате которых многие предприятия и банки были вынуждены обращаться к правительству за господдержкой, а она нередко вела к увеличению доли государства в капитале компаний.

Согласно оценке Института Гайдара, в 2007–2011 гг. доля госпредприятий в ВВП выросла более чем на 10 п. п. (рис. 2d). Небольшое снижение этой доли в 2015–2016 гг. связано с падением цен на нефть и газ. В 2017 г. госсобственность доминировала⁴ в транспортировке и хранении (83%), добыче сырой нефти и природного газа (74,4%), энергетическом секторе (70,9%), машиностроении, электронике, оптике и производстве электрооборудования (55,6%), финансах и страховании (46,8%) (ИЭП, 2018. С. 228–230).

**Доля государственного сектора в ВВП РФ,
2006–2016 гг. (в %)**

Примечание. СГУ – сектор государственного управления; КГУ – компании с государственным участием; ГУП – государственные унитарные предприятия.

Источник: ИЭП, 2018. С. 226.

Рис. 2d

Согласно планам приватизации, принятым в 2010-е годы, многие госпредприятия должны были быть приватизированы. Однако эти планы реализованы лишь частично, а степень их амбициозности постепенно снижалась (ИЭП, 2018, 2020).

Деловой и инвестиционный климат. Международные обзоры, анализирующие разные аспекты делового и инвестиционного климата в России, рисуют противоречивую картину. Сравнительное исследование «Ведение бизнеса» Всемирного банка (World Bank, Doing Business

⁴ В скобках указана доля госпредприятий в выручке 100 крупнейших компаний данного сектора или отрасли.

project) от 2020 г. дает России хорошее 28-е место среди 190 стран и 78,2 балла по шкале от 0 до 100. При этом рейтинг России систематически улучшался, начиная с 2013 г.⁵

Согласно дезагрегированным показателям (табл. 2а), самые хорошие оценки получены в следующих категориях: «Подключение к системе электроснабжения» (97,5), «Регистрация предприятий» (93,1) и «Регистрация собственности» (88,6); самые худшие — в категориях «Защита миноритарных инвесторов» (60,0) и «Разрешение неплатежеспособности» (59,1).

Т а б л и ц а 2 а

**Россия: рейтинг и баллы
в обзоре «Ведение бизнеса» Всемирного банка 2020 г.**

Категория	Место в рейтинге	Балл
Регистрация предприятий	40	93,1
Получение разрешений на строительство	26	78,9
Подключение к системе электроснабжения	7	97,5
Регистрация собственности	12	88,6
Получение кредитов	25	80,0
Защита миноритарных инвесторов	72	60,0
Налогообложение	58	80,5
Международная торговля	99	71,8
Обеспечение исполнения контрактов	21	72,2
Разрешение неплатежеспособности	57	59,1
Общая оценка	28	78,2

Источник: World Bank (<https://www.doingbusiness.org/en/data/exploreconomies/russia#>).

Два других глобальных обзора — индекс экономической свободы (ИЭС) Heritage Foundation и индекс восприятия коррупции (ИВК) Transparency International — не так оптимистичны. ИЭС 2019 ставит Россию на 98-е место среди 180 стран и дает 58,9 балла по шкале от 0 до 100⁶. Несмотря на некоторое улучшение рейтинга за последние годы, Россия все еще принадлежит к группе стран «в большинстве несвободных». Самые лучшие оценки получены в категориях «Фискальное здоровье» (86,6), «Налоговая нагрузка» (89,4) и «Свобода торговли» (77,8); самые плохие — «Свобода инвестирования» (30,0), «Финансовая свобода» (30,0) и «Честность правительства» (36,6). Согласно ИВК 2018, Россия занимает 138-е место среди 180 стран с тенденцией к ухудшению по сравнению с предыдущими годами⁷.

Неэффективное госуправление. Неблагоприятный деловой и инвестиционный климат обусловлен неудачей политических и институциональных реформ в России. Демократизация политической системы осталась незавершенной в 1990-е годы, а после 2000 г. произошел постепенный возврат к авторитарной форме правления. Обзор «Нации

⁵ Отметим, что методология этого обзора многократно модифицировалась, усложняя сравнимость результатов, получаемых в отдельные годы.

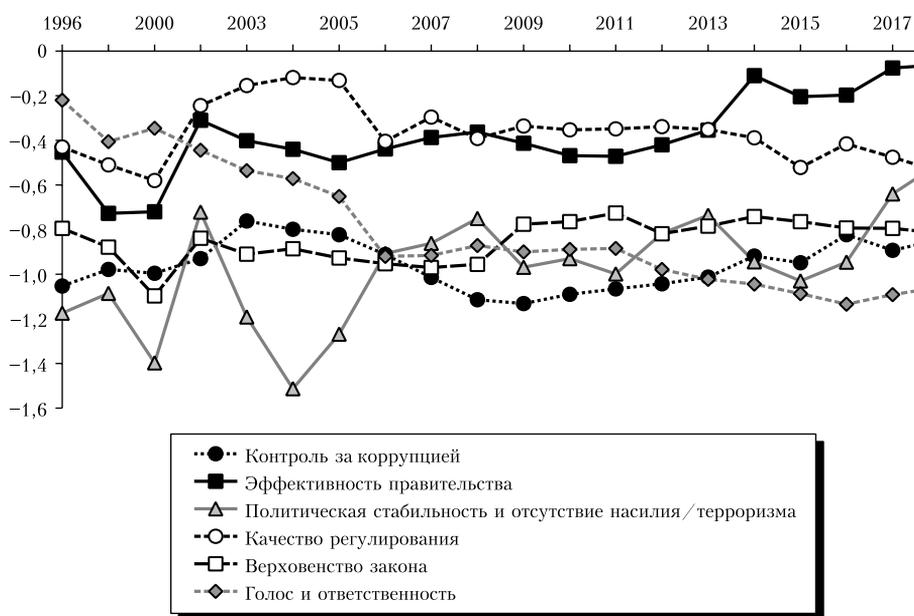
⁶ См.: <https://www.heritage.org/index/country/russia>

⁷ См.: <https://www.transparency.org/ru/cpi/2018/results/rus>

в процессе трансформации» Freedom House от 2020 г. оценивает политическую систему в России как «консолидированный авторитарный режим»⁸.

Показатели госуправления Всемирного банка (World Governance Indicators — WGI) также рисуют не очень оптимистическую картину (рис. 2e). С самого начала публикации этого рейтинга (1996 г.) Россия никогда не получала положительных баллов ни по одной из шести оцениваемых характеристик⁹. Показатель «Голос и ответственность», который на самом деле оценивает уровень демократизации и подотчетности правительства воле избирателей, систематически ухудшался за весь анализируемый период. Лишь в двух более «технократических» категориях — «Качество регулирования» и «Эффективность правительства» — показатели немного отличаются в лучшую сторону.

Россия: показатели WBWGI, 1996–2018 гг. (в баллах)

Источник: World Bank (<https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=worldwide-governance-indicators#>).

Рис. 2e

В общем, получается картина гипертрофированного и сверхцентрализованного (учитывая федеративный характер страны) госаппарата, который в значительной мере продолжает старые советские практики чрезмерного вмешательства в деловую активность и жизнь населения, но одновременно не способен предоставить основные общественные блага хорошего качества. Административное сверхрегу-

⁸ См.: <https://freedomhouse.org/country/russia/nations-transit/2020>

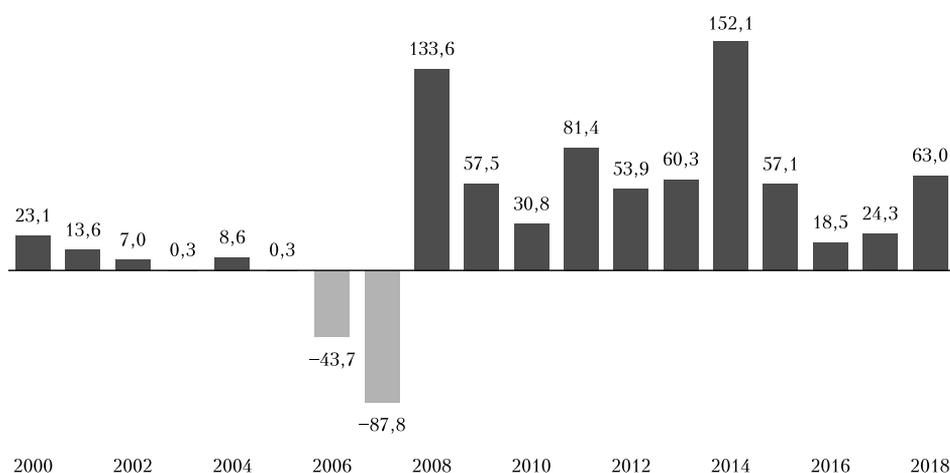
⁹ Обзор WGI использует баллы по шкале от +2,5 (хорошее госуправление) до -2,5 (плохое госуправление) по каждой из шести анализируемых категорий.

лирование и репрессивный Уголовный кодекс дают многочисленным правоохранительным органам возможность преследовать частный бизнес в корыстных целях.

Незащищенность прав собственности. Практики «государственного рэкета», коррупции и политически мотивированной национализации частных бизнес-активов подрывают стабильность прав собственности и повышают степень риска бизнес-проектов. Именно эти практики прежде всего определяют плохой деловой и инвестиционный климат в России. Их не всегда успешно учитывают международные обзоры, особенно «Ведение бизнеса» Всемирного банка, которое сконцентрировано на простоте и скорости чисто административных процедур.

Системную незащищенность прав собственности не в состоянии компенсировать качественная бюджетная и денежная политика, низкие и относительно простые налоги и даже многочисленные попытки упростить процедуры в области регистрации бизнеса, уплаты налогов, регистрации собственности и судопроизводства. В результате Россия периодически сталкивается, особенно во время внешних и внутренних экономических и политических шоков, с массированным оттоком капитала (рис. 2f), что само по себе выступает дополнительным источником макроэкономической нестабильности.

Россия: чистый приток (–) и отток (+) частного капитала, статистика платежного баланса, 2000–2018 гг. (млрд долл.)

Источник: http://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/bop/outflow.xlsx

Рис. 2f

Экономика России не может больше расти темпами, как в 2000-е годы, поскольку и мировая, и российская экономики находятся на другой стадии развития¹⁰, и резко поменялась демографическая ситуация в стране. Однако экономический рост мог быть несколько выше, чем

¹⁰ Мы не рассматриваем последствия глобального экономического кризиса, который возник в первом полугодии 2020 г. в результате эпидемии коронавируса.

в 2017–2019 гг., если бы удалось устранить структурные и институциональные проблемы, выйти из режима экономических санкций и активизировать участие во внешнеэкономическом сотрудничестве, особенно в области торговли, инвестиций и научно-технических связей. Но для этого требуются новые экономические, институциональные и политические реформы.

А. А. Широ. Низкие темпы экономического роста, отмечавшиеся в России в последнее десятилетие, актуализировали дискуссию о долгосрочных факторах экономического роста. Ее узловые точки были связаны с выбором оптимальной модели экономического развития (Мау, 2019), оценкой долгосрочного потенциала экономического роста с учетом ограничений по капиталу и трудовым ресурсам, разработкой механизмов финансирования экономического роста (Кудрин, Соколов, 2017). Итогом этой дискуссии стали изменения в бюджетной и денежно-кредитной политике, интенсификация действий по реализации национальных проектов. Однако пандемия коронавируса COVID-19 радикально изменила социально-экономическую повестку дня, сместив фокус на действия оперативного, краткосрочного характера.

Разразившийся кризис беспрецедентный в обозримой истории. Наряду с шоком на мировых товарных рынках и экономическим спадом в крупнейших странах — потребителях российской экспортной продукции он сопровождался директивным закрытием целых секторов внутренней экономики в рамках карантинных мероприятий. По нашим предварительным оценкам, спад ВВП в результате комплекса негативных факторов, сложившихся в российской экономике в 2020 г., составит 5–6%. Наиболее существенное влияние кризис окажет на доходы и спрос населения (снижение на 6–7%) и инвестиции в основной капитал (снижение на 8–12%). Ситуация осложняется уменьшением физического и стоимостного объема экспорта, что резко ухудшит параметры торгового и платежного балансов.

Если масштабы падения экономики в 2020 г. примерно понятны, то в отношении перспектив 2021–2025 гг. возможна реализация альтернативных сценариев. Первый исходит из того, что по мере сокращения резервов произойдет постепенный возврат к политике макрофинансовой стабилизации, характеризующейся умеренно жесткой денежно-кредитной политикой и низким дефицитом бюджета. В рамках второго предполагается активная поддержка экономики с постепенным перераспределением ресурсов для достижения среднесрочных целей развития.

Риски реализации первого сценария связаны с сохранением стагнационной модели развития экономики после окончания кризиса. По нашим оценкам, восстановление объема ВВП в данном случае займет до трех лет, а потребление домашних хозяйств и инвестиции в основной капитал восстановятся к 2024–2025 гг.

Реализация второго сценария потребует более активной экономической политики государства. Выбор модели с лидирующей ролью государства в создании точек роста и структурной перестройке экономики содержит определенные риски. Основные из них: постепенное

снижение уровня резервирования, возможная неэффективность вложений в развитие секторов экономики, а также повышение требований к качеству управления.

В условиях, которые сложились на внешних рынках, при выборе направлений экономической политики в среднесрочной перспективе с высокой вероятностью придется опираться на внутренний спрос. Соответственно в любом сценарии значительное внимание нужно уделять дополнительным мерам по его поддержке.

Факторы средне- и долгосрочного развития экономики. Проанализируем, насколько изменились условия, в которых будет функционировать российская экономика после окончания острой фазы нынешнего кризиса (табл. 3а). Отметим, что они ухудшились. В среднесрочной перспективе перед ней стоит все та же задача ускорения темпов роста ВВП за счет модернизации базового ядра экономики с последующим наращиванием экспорта. Однако решать эту задачу предстоит в условиях снижения потенциала инерционного роста и сокращения резервов.

Т а б л и ц а 3а

Основные факторы развития экономики в среднесрочной перспективе до начала пандемии и в настоящее время

До кризиса	В текущих условиях
<i>Мировая экономика</i>	
Регионализация мировой экономики, темпы роста мирового экспорта равны или ниже темпов роста ВВП, ухудшение условий выхода на мировые рынки, ограничение возможностей для наращивания традиционного российского экспорта	Регионализация мировой экономики, темпы роста мирового экспорта равны или ниже темпов роста ВВП, ухудшение условий выхода на мировые рынки, ограничение возможностей для наращивания традиционного российского экспорта, <i>дополнительное ограничение спроса, усложнение трансграничных операций</i>
<i>Внутренние факторы</i>	
Демографические ограничения, умеренный рост соотношения иждивенцев и работающих граждан, сокращение организационной компоненты роста производительности труда	Демографические ограничения, умеренный рост соотношения иждивенцев и работающих граждан, сокращение организационной компоненты роста производительности труда, <i>структурная безработица</i>
Наличие конкурентоспособных незагруженных мощностей в производствах, ориентированных на внутренний спрос, отсутствие механизмов эффективного перераспределения ресурсов	<i>Увеличение</i> объема конкурентоспособных незагруженных мощностей в производствах, ориентированных на внутренний спрос, <i>рост зависимости от спроса со стороны государства</i>
Большой объем перекрестного резервирования в финансовой системе	<i>Сокращение</i> общего объема резервов

Примечание. Изменения выделены курсивом.

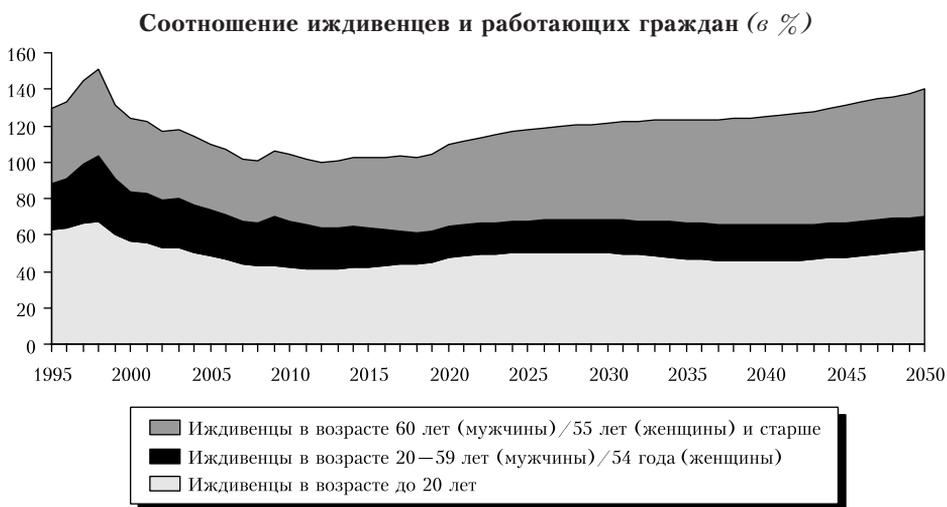
Источник: составлено автором.

Перед началом кризиса на основе расчетов по макроструктурным моделям экономики России (Широв, Янтовский, 2014, 2017) мы оценивали потенциальные среднесрочные темпы прироста ВВП до 2025 г. выше 4,5% (Ивантер, 2019). Теперь под воздействием кризиса наши оценки снизились на 1 п. п. Со стороны спроса потенциальный прирост ВВП может формироваться за счет вклада потребления домашних хозяйств — 0,9 п. п.; валового накопления — 2,0 п. п.; государственного

потребления — 0,4 п. п.; чистого экспорта — 0,2 п. п.; всего — 3,5%. Со стороны производства рост будет обеспечен вкладом модернизации машиностроения — 0,5 п. п.; дополнительным вводом жилья — 0,6 п. п.; развитием производственной инфраструктуры — 0,9 п. п.; ростом эффективности экспорта — 0,3 п. п. С учетом экономической инерции, которую в текущих условиях мы оцениваем в 1,2 п. п., потенциальный прирост ВВП также составляет 3,5%.

Ограничения экономического развития и направления экономической политики. Выбор стратегических направлений развития экономики предполагает последовательный анализ факторов экономического развития в средне- и долгосрочной перспективе. Традиционно важнейшим фактором долгосрочного экономического роста выступает демографическая ситуация. В ряде работ констатируется существенный отрицательный вклад демографического фактора в формирование экономической динамики (Иванова и др., 2017).

В целом Россия находится на длительном тренде ухудшения демографических показателей. Будет расти нагрузка на работающих граждан со стороны иждивенцев (неработающих граждан; рис. 3а). Однако рост демографической нагрузки на экономику будет почти полностью обусловлен увеличением численности пожилых иждивенцев. Реагировать на неизбежное старение населения необходимо, в том числе мерами экономической политики.

Источник: Росстат; расчеты ИНП РАН.

Рис. 3а

Отметим, что даже в 2050 г. уровень демографической нагрузки на российскую экономику будет ниже, чем при пиковых значениях начала 2000-х годов, и существенно ниже значений, которые сейчас отмечаются в ряде европейских стран (например, в 2018 г. в Польше — 131,8% , во Франции — 164,1%). Следует также учитывать фактор роста производительности труда. Устойчивый рост российской экономики невозможен без изменений в структуре производства. Ожидаемое

повышение в ней доли реального сектора и снижение доли сельского хозяйства, оптовой и розничной торговли могут добавить к росту производительности труда до 0,5 п. п. к 2035 г.

Наши расчеты показывают, что если в 2020–2040 гг. среднегодовой темп прироста производительности труда в российской экономике будет равен 1% (для сравнения: в 2002–2018 гг. он составил 3,2%), то реальный эффективный коэффициент демографической нагрузки в 2040 г. будет ниже уровня 2019 г. Можно исходить из того, что ограничения со стороны трудовых ресурсов могут возникнуть только в условиях длительной консервации структуры российской экономики (Широв, Потапенко, 2018).

Вопрос изменения уровня социальных расходов связан с объемом доходов, которые генерирует экономика. Согласно статистике ОЭСР, по отношению социальных расходов расширенного правительства к ВВП (11,6% в 2019 г.) наша страна находится на среднемировом уровне. Казалось бы, существенных возможностей наращивать социальные расходы нет. Однако это не совсем так. Если рассмотреть соотношение совокупных расходов расширенного правительства и ВВП, то выясняется, что этот показатель в России один из самых низких (на уровне 34% при максимальном 56% во Франции и среднем 40–42%). Таким образом, потенциал наращивания государственных расходов, в том числе на социальную политику, имеется. Вопрос в том, за счет каких инструментов он может быть реализован.

Главная цель возможного временного увеличения совокупных расходов расширенного правительства — выход экономики на траекторию устойчивого роста, предполагающего опережающее направление инвестиций в технологическое обновление производства. Технологическое отставание России от развитых и быстрорастущих развивающихся стран трансформируется в высокую зависимость от импорта промежуточной и инвестиционной продукции. Устойчивое развитие экономики с опорой на внутренний рынок в среднесрочной перспективе предполагает ослабление этой зависимости на базе расширения технологической кооперации и модернизации базового ядра реального сектора отечественной экономики.

Наши расчеты показывают, что обеспечить необходимое снижение зависимости от импорта (снижение импорта комплектующих и инвестиционных товаров на 25%) можно при норме накопления не меньше 25%. Более низкая норма накопления с высокой вероятностью не обеспечит необходимого увеличения эффективности экономики (совокупной факторной производительности). При этом важно иметь качественно иную структуру инвестиций как в отраслевом, так и в технологическом отношении.

В последние годы в технологической структуре инвестиций наметилась устойчивая тенденция в пользу строительно-монтажных работ (Воскобойников и др., 2020). Если по отношению к 2013 г. совокупный физический объем инвестиций в 2019 г. сократился на 3%, то в отношении машин и оборудования — на 14,3%. Такая динамика стала результатом как ослабления курса рубля, так и увеличения доли инвестиционных проектов по развитию инфраструктуры и строительства

жилья. Однако это также сигнализирует об определенном торможении процессов технологической модернизации экономики.

Структурные сдвиги в российской экономике. Достоинство инвестиционно-ориентированного развития состоит в том, что оно, влияя на текущие параметры спроса, одновременно повышает средне- и долгосрочный потенциал экономического роста. Главный канал, по которому происходит изменение качественных характеристик и потенциала роста, — изменение структуры затрат за счет использования более современных технологий. Ключевые изменения, способные оказывать наиболее значимое влияние на параметры развития экономики, должны происходить в технологиях в энергетике, автомобильном транспорте, сельском хозяйстве, использовании конструкционных материалов. Процессы автоматизации производства обладают значительным потенциалом изменения характеристик трудоемкости и отраслевой занятости. Внедрение новых технологий в области цифровизации может существенно менять пропорции торговых и транспортных наценок в структуре цены.

Количественно оценить влияние новых технологий на экономическую динамику непросто. Однако при всех вариантах таких расчетов речь идет об эффективности влияния новых технологий как на финансово-экономические показатели, так и на производительность труда (Единак, 2019). Технологическая модернизация за счет внедрения прорывных технологий замещает одни виды затрат другими. Например, развитие парка электромобилей способствует снижению спроса на моторное топливо и увеличению потребления электроэнергии. В структуре производства автомобилей снижаются затраты на производство двигателей внутреннего сгорания, и они заменяются производством электрических батарей (Милякин, 2019).

Существуют три варианта моделирования изменения коэффициентов затрат и межотраслевых взаимодействий с использованием методологии «затраты—выпуск» (Саяпова, Широ́в, 2019). Первый — эконометрическое моделирование коэффициентов затрат, но этот способ имеет ограничения для оценки эффектов от внедрения перспективных технологий. Второй — использование пропорции затрат, соответствующих различным технологическим этапам внедрения новых технологий. Этот подход хорошо использовать для развивающихся стран, которые внедряют уже готовые технологии. Третий вариант предполагает использование дополнительных балансов (энергетических, материальных), которые достаточно подробно описывают технологические процессы (Shirov, Kolpakov, 2019).

Использование описанных выше методов, интегрированных в межотраслевые макроструктурные модели, позволяет определить значимость внедрения новых технологий для экономической динамики. В перспективе до 2030 г. были рассмотрены варианты внедрения технологий цифровизации (сокращение затрат на транспортировку, логистику, услуги торговли при увеличении затрат на информационно-коммуникационные технологии); расширения доли электромобилей в парке до 25% (рост спроса на электроэнергию, снижение спроса на нефтепродукты, увеличение спроса на цветные металлы, химическую продукцию, электрическое оборудование при снижении спроса на продукцию транспортных средств и оборудование и чер-

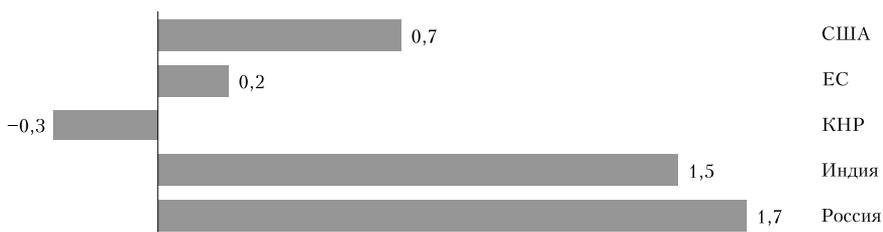
ные металлы) (Ксенофонтов, Милякин, 2018); внедрения новых конструкционных материалов (уменьшение спроса на черные и цветные металлы, а также продукцию деревообработки за счет увеличения доли композитов и пластмасс в структуре используемых конструкционных материалов до 50%); экологизации сельского хозяйства (рост удельных затрат на минеральные удобрения и средства защиты растений, на нефтепродукты при увеличении механизации; снижение удельных затрат на семена и корма при переходе к современным интенсивным технологиям) (Ксенофонтов и др., 2018).

Наибольшие эффекты, по нашим оценкам, будут связаны с процессом цифровизации: они выражаются в значительном увеличении спроса на услуги отраслей «Телекоммуникации» и «Программирование» на 20–40% в развитых странах, на 60–130% в развивающихся при одновременном снижении торговой и транспортной наценки. Сокращение спроса на услуги этих секторов не превышает 10–40%.

В развитых странах (США, ЕС) в период до 2030 г. заметные изменения в выпуске вызывает распространение электромобилей: выпуск электроэнергии прирастает на 19–32%; в Индии — на 56%; в России и Китае эффект слабый — 3–8%. В то же время производство нефтепродуктов существенно снижается в США, ЕС и Индии (на 14–21%) и незначительно в Китае и России (на 3–8%). При этом общее негативное влияние на сектор добычи полезных ископаемых от развития электромобилей оценивается в совокупном снижении выпуска в США на 5%, в ЕС — на 2, в Индии — на 3%.

Общий вывод, который можно сделать в результате анализа значимости распространения новых технологий в мировой и российской экономике, состоит в том, что ожидания тектонических сдвигов от их внедрения, по-видимому, преувеличены (рис. 3б).

Изменение валового выпуска под воздействием новых технологий по отношению к базовому сценарию в 2030 г. (в %)

Источник: расчеты ИНП РАН.

Рис. 3б

Конечно, в ходе развития новых производств возникнут дополнительные эффекты, связанные с инвестициями в производство, которые обеспечивают технологические сдвиги. Однако с точки зрения влияния на динамику производства эффекты будут достаточно скромными, во всяком случае, если рассматривать ограниченный набор новых технологий. При этом позитивный эффект в наибольшей степени будет сформирован для экономики стран, которые отстают

в технологическом развитии. Отрицательный результат структурных сдвигов для экономики КНР определяется прежде всего снижением запасов в связи с более точной балансировкой спроса и предложения товаров в рамках использования цифровых технологий. Для России эффект структурных сдвигов не превышает 2% к 2030 г., что, с одной стороны, свидетельствует о том, что за счет современных технологий можно получить определенный макроэкономический эффект, а с другой — демонстрирует недостаточность этого эффекта для устойчивого развития экономики. Необходима масштабная технологическая модернизация в базовом ядре промышленности, которая усилит внедрение новых технологий.

Еще одним структурным фактором неопределенности в долгосрочной перспективе станет глобальная политика климатического регулирования (Порфирьев, 2019). По нашим оценкам, в результате реализации сценариев агрессивного низкоуглеродного развития, предусматривающих снижение добычи и экспорта углеводородов, усиление зависимости от низкоуглеродных импортных технологий и рост цен на электроэнергию, введение ограничений и специализированных налогов, среднегодовые темпы прироста ВВП в России в период до 2030 г. могут снизиться с 3,5 до 2,5%. Альтернативный сценарий предполагает сокращение выбросов не за счет жестких действий по ограничению эмиссии парниковых газов, а вследствие технологической модернизации производств и развития современных технологий в энергетике. Реализация такого сценария позволит обеспечить обязательства России в рамках Парижского соглашения (даже с условием повышения их амбициозности) и сохранить темпы роста ВВП на уровне 3,0–3,4%.

Российская экономика находится в условиях кризиса новой формации, который значительно ухудшил позиции нашей страны при реализации программы структурной модернизации экономики. Несмотря на понесенные потери, ресурсы, которые имеются в распоряжении всех экономических властей, позволяют ее осуществить. Требуется проверить, какие направления могут быть эффективными для использования потенциала внутреннего, а затем и внешнего спроса. Для этого необходим комплексный макроэкономический и отраслевой анализ, учитывающий текущую и перспективную системы взаимодействий в российской экономике.

Д. Р. Белоусов. Нынешний «коронавирусный» кризис, нанеся мощнейший удар по динамике и самому механизму функционирования мировой экономики, породил две иллюзии. Одна — что случившееся не имеет собственно экономического измерения и текущий кризис — абсолютно «внешний» шок для экономики. Вторая — что «краткосрочное довлеет над долгосрочным»: это быстрота текущего кризиса, связанного, казалось бы, с действием сугубо ситуационных факторов, абсолютно необычных для мировой экономики и тем более для России. Поэтому обсуждать что-то за пределами ближайшего года «пока» бессмысленно, очень велика неопределенность. Неверно и то, и другое.

Шок пандемии замаскировал уже приближавшийся циклический кризис мировой экономики. К моменту начала пандемии COVID-19 она находилась в состоянии циклического перегрева: на чрезмерные показатели роста долговой нагрузки и индикаторы перегрева указывали многие международные организации, в том числе Всемирный банк. Первые признаки «сбоя» в мировой экономике возникли еще в 2018–2019 гг. — обострилась проблема закредитованности ряда развивающихся и промышленно развитых стран, риски финансового кризиса на рынке корпоративных долгов и (или) дефолтов отдельных стран (заметим, что полоса «ползучих дефолтов» уже началась — дефолтами по долгам Ливана и Аргентины). Отметим и наличие «пузырей» на рынках финансовых активов высокотехнологичных компаний.

«Системный» избыток предложения на рынке нефти возник примерно в начале — середине 2019 г.; его маскировали кризис в Венесуэле и уход этой страны с рынка нефти. В конце 2019 г. начался «размен» на бирже между ценами на золото (резервный актив, рост) и медью (инвестиционный товар, спад).

Наконец, экономическая конкуренция США и Китая имеет системный характер и будет, очевидно, частью «повестки дня» и в среднесрочной перспективе.

С высокой вероятностью нынешний кризис запустит как минимум циклическую «расчистку долгов и перепотребления», как максимум — структурную коррекцию. Вероятность первой резко возрастет в случае «второй волны» заболевания, второй — при обострении американо-китайского конфликта. В то же время именно сейчас — причем, видимо, не только в нашей стране, — закладываются основы для экономической стратегии на следующие 10–15 лет.

Так, нынешний «коронавирусный шок» резко усилил ориентацию компаний большинства стран на развитие биотехнологий и дистанционных/малолюдных производств. В дальнейшем можно ожидать разработки нескольких групп технологий. Повысится роль дистанционных и малолюдных (робототехника) технологий, беспилотного (в том числе с использованием искусственного интеллекта) транспорта, частичной виртуализации перемещений (в первую очередь туризма). Приоритетом становится широкий спектр технологий поддержания и контроля здоровья, возможно — на основе конвергенции биотехнологий и ИТ. Возможно использование (прежде всего в ЕС) экологических и углеводородных стандартов как инструментов вытеснения конкурентов с маргинальных рынков и продолжения развития природосберегающих и природоподобных технологий. В традиционных отраслях, видимо, усилится акцент на эффективности, в первую очередь в области производительности труда и ресурсоэффективности, в том числе за счет адаптации новейших технологий.

В итоге, вероятно, спрос на углеводороды и цены на них в мире будут медленно возрастать; при этом объем потребления угля будет постепенно снижаться (в том числе в силу действия Парижского соглашения), нефти — почти стагнировать, газа — постепенно расти. Как часто происходит при активном развитии новых технологических

ких направлений, можно ожидать вытеснения «старых технологий» в развивающиеся страны с дешевым трудом и молодым населением.

Россия: ситуация на старте. Специфика ситуации в нашей стране определяется несколькими факторами.

1. Сочетание затяжной стагнации в российской экономике со слабыми признаками начала нового подъема на фоне завершения ее адаптации к новым условиям работы (санкции, повышение НДС и пенсионного возраста). Завершение подготовки к реализации системы национальных проектов, наличие политически значимого обязательства по формированию интенсивно развивающихся новых секторов «нефтеяной» экономики и развитию российской экономики на новой базе.

2. Масштабные потери ряда отраслей (в автопромышленности спад в 2020 г. может составить почти 40%!) от кризисных процессов уже в текущем году.

3. Ограниченная возможность развития за счет природной ренты. Нужно создавать механизмы долгового финансирования развития, соответственно вовлекать бизнес в проекты в качестве равноправных партнеров. Это, в свою очередь, означает потребность в «пространстве доверия» между государством и бизнесом и внутри самого бизнес-сообщества.

4. Необходимо самостоятельно поддерживать компетенции по жизнеобеспечивающим ресурсам не только в сфере обороны, но и в области важнейших биомедицинских технологий, ИКТ и т. д.

5. Требуется одновременно решать задачи по преодолению кризиса и созданию потенциала будущего развития (нацпроекты), обеспечивающие реализацию запроса общества на структурную модернизацию экономики. Это предполагает заблаговременное выявление и расшивку узких мест (кадры, инфраструктура, финансы и т. д.).

Развитие без ренты. Даже до кризиса, в относительно благоприятных условиях, Россию с точки зрения масштаба экономики и нефтяного сектора нельзя отнести к устойчивым «нефтяным экономикам». Так, по душевому экспорту нефти она вдвое уступает Канаде и Казахстану, в пять раз — Норвегии, в шесть — Саудовской Аравии, почти в восемь раз — ОАЭ, при этом наша нефть более тяжелая и предполагает большее транспортное плечо. Нет оснований ожидать роста спроса на углеводороды и соответственно цен на них, но себестоимость добычи и транспортировки нефти в перспективе будет лишь расти по мере движения к более сложным в геологическом и природно-экологическом отношении месторождениям.

Проблема демографической нагрузки. В отличие от сопредельных стран, Россия не имеет запаса прочности с точки зрения демографии. Если в Киргизии и Казахстане ожидается «демографическое окно» — уникальная ситуация, когда к трудовой деятельности приступает еще многочисленное поколение рожденных ранее, население в целом молодое, при этом происходит демографический переход, обуславливающий снижение рождаемости (по мере урбанизации, например) и демографической нагрузки на занятых со стороны детей, то в России ситуация совершенно иная. Из-за старения населения демографическая

нагрузка на трудоспособное население будет непрерывно расти. Это, в свою очередь, означает неизбежность высоких расходов на медицину и пенсионное обеспечение и соответственно относительно высокую налоговую нагрузку на экономику.

«Запас неэффективности» и «ловушка» низкой зарплаты. «Запас неэффективности» в большинстве российских компаний весьма велик; по производительности труда в ряде неэнергетических отраслей Россия отстает от уровня наиболее развитых стран в 2–2,5 раза, от уровня менее развитых стран — в 1,5 раза и от стран Центральной Европы — на 20–30%. Отчасти проблема связана с технологическим отставанием российской экономики, отчасти — с действием социального фактора, неготовностью властей субъектов РФ к масштабному высвобождению занятых (что в отсутствие резервов для территориальной и профессиональной мобильности для «старопромышленных» регионов действительно будет означать социальный кризис).

Вопреки расхожим представлениям, в России, скорее, скрытый избыток (неэффективно используемых) занятых, чем их дефицит, — и в перспективе эта проблема только обострится. Соответственно любое ускоренное развитие означает использование неэффективных занятых как ресурса и снятия «социальных ограничений» на труд (доступное жилье, переобучение, финансовый «запас прочности» у занятых для смены места работы).

Сформировалась «ловушка»: отсутствуют возможности для сокращения занятых — низкая производительность — избыточные трудовые издержки — экономия на оплате труда — низкая трудовая мотивация — низкая производительность. При этом конкуренция со стороны импорта (в том числе дешевого — из стран ЕАЭС и АТР) ограничивает в рамках сложившейся модели возможность повысить зарплату занятым, а низкий уровень внутреннего спроса и дефицит доходов компаний дестимулируют частные инвестиции и обновление производственного аппарата. Еще одна проблема состоит в сочетании вынужденного (из-за ужесточения бюджетных ограничений) расширения привлечения к труду пожилых людей и объективного увеличения масштабов высвобождения занятых в ходе реализации политики, направленной на повышение конкурентоспособности российской экономики.

Проблема структурной бедности. Кризис бедности (по крайней мере, перед текущим кризисом) имел не фронтальный, а структурный характер. Общей бедности «на старте кризиса» не было — базовые продукты питания потреблялись почти равномерно по социальным группам, однако еще до кризиса бедные существенно недопотребляли качественные (белково- и витаминосодержащие) продукты питания. Разрыв в потреблении этих видов продуктов — мяса, фруктов, яиц, молока — между десятой и первой доходными группами почти двукратный. В случае проведения эффективной политики борьбы с бедностью можно рассчитывать на возникновение (в том числе стимулируя производство дешевой продукции в соответствующих отраслях) зон роста в ряде секторов сельского хозяйства и пищевой промышленности.

Характеристика возможностей интенсификации развития.

Суммарный потенциал роста российской экономики составляет сейчас около 2–2,5% в год. Еще примерно 1–1,5 п. п. ВВП в год Россия теряет из-за действия среднесрочных факторов (отставания в совокупной факторной производительности). Таким образом, при решении структурных проблем и модернизации экономики в среднесрочной перспективе темпы роста могут составить 3–3,5% в год.

Если осуществить такую модернизацию не удастся, то нас ожидает затяжной период низких темпов роста (порядка 1,5–2% с очень высокой чувствительностью к внешней конъюнктуре). На практике это, видимо, будет означать, в силу нехватки ресурсов, череду локальных кризисов в социальной сфере, инфраструктуре, науке и т. д.

С точки зрения развития ключевой цикл — «экономический рост — производительность труда — инвестиции». В отсутствие масштабной ренты только он может обеспечить повышение реальной заработной платы и благосостояния населения.

Рост производительности труда, в свою очередь, позволяет осуществлять безинфляционное (и без последствий для обменного курса) увеличение заработной платы и потребительского спроса. Целевые параметры роста предполагают, с учетом сокращения трудоспособного населения, рост производительности на 3–4% в год по ВВП на одного занятого. Отсюда следует, что в ядре экономики — в нерентных отраслях и вне бюджетного сектора — производительность должна расти на 4–5% в год с постепенным выходом на среднеевропейский уровень.

Это требует соответствующего изменения логики управления и коррекции системы национальных проектов. В их ядре должен быть проект по повышению производительности труда, что послужит базой для роста реальной заработной платы и потребления населения, не разгоняющего инфляцию. Его непосредственное обеспечение — проекты по продвижению российской продукции на внутренние и внешние рынки. В предкризисные годы при расширении потребительского рынка на 1% потребительский импорт в среднем увеличивался на 0,2%, расширение инвестиционного рынка на 1% вызывало прирост импорта на 0,3%. В принципе есть возможность снизить соответствующую эластичность до 0,1–0,15 для потребительского рынка и до 0,2 для инвестиционного, что способно создать дополнительное пространство роста для российской экономики. Здесь необходимы комплексные программы освоения рынков (начиная с евразийского), которые включают импортозамещение как первый этап экспансии на внешние рынки.

Второй компонент — проект экспансии несырьевой продукции на внешние рынки, что, как минимум, предполагает кратное расширение поддержки экспорта по всем направлениям. Так, в России экспортируется всего 11% производимых машин и оборудования. Выстраивание полноценной системы поддержки экспорта может дать дополнительно 1–1,5 п. п. его динамики.

Следующий слой обеспечивающих мероприятий — система действий по интенсивному обновлению производственного аппарата. В рамках целевого («оптимистического») сценария прогноза динамика инвестиций должна в течение ряда лет составлять 4,5–5,5%. Для этого

требуется максимально возможная конверсия валовых национальных сбережений в накопление капитала.

Чтобы рост инвестиций не приводил к консервации технологической отсталости, необходима глубокая технологическая модернизация основных производств. Она имеет три взаимосвязанных аспекта: прорывное развитие на новых рынках (в рамках Национальной технологической инициативы), где сегодня отсутствуют стандарты продукции; развитие уже сложившихся компаний — технологических лидеров (включая госкорпорации технологического профиля); модернизация основной массы компаний, обеспечивающая повышение их эффективности.

С учетом высокой социальной нагрузки, связанной с высвобождением занятых, в рамках общей системы мер по модернизации российской экономики необходимо выделить социальный блок обеспечивающих мер:

— поскольку рост производительности труда означает высвобождение занятых, нужен отдельный нацпроект по развитию малого бизнеса, учитывающий потребность в балансировании местных и региональных бюджетов;

— в рамках масштабного межотраслевого перетока занятых из стагнирующих или сжимающихся секторов в растущие важен комплекс мероприятий по профессиональному переобучению, в том числе дистанционному;

— одновременно необходим территориальный маневр рабочей силы, что требует масштабного жилищного строительства. Нужен набор действий по общему обеспечению «операции развития». В первую очередь это меры по созданию долгосрочного потенциала экономического роста и ресурса для его устойчивого воспроизводства. К их числу относятся: развитие социального капитала; инфраструктурное «разблокирование» территорий; воспроизводство технологического потенциала (комплексная цифровизация экономики, развитие прикладной и фундаментальной науки и т. д.).

В целом для обеспечения ускоренного развития и модернизации российской экономики (при отсутствии ренты и усилении геополитической турбулентности в мире) требуется ряд глубоких изменений в базовых институтах; точнее, важны даже не сами институты, а возможность их создавать и демонтировать, как и форматы бизнеса («созидательное разрушение», по Шумпетеру). В конечном счете необходимо найти новый для нас баланс «проектов и институтов», порядка и свободы, уметь определять ключевые тренды и искать прорывные рынки, концентрировать ограниченные ресурсы и жестко выводить устаревшие элементы экономики, высвобождая ресурсы. Речь идет об умении создавать «экосистему» экономического и технологического роста и среду коммуникаций всех его участников.

В любом случае, управление будущим — это и задача формирования субъекта развития во взаимодействии государства, общества и бизнеса. В основе этого — баланс сильного порядка (основанного на сотрудничестве государства и бизнеса) и «творческой ризомы» (корневище), обеспечивающей постоянный приток инноваций «снизу».

Действия государства по проектному созданию ресурсов (технологических, образовательных и т. д.) и инфраструктуры должны стать основой для формирования новых бизнесов. «Дороги ради дорог» и даже технологии ради технологий уже не могут быть приоритетными в новой ситуации ограниченности ресурсов и усиления конкуренции между глобальными центрами силы, одним из которых и должна стать Россия.

И. Б. Воскобойников¹¹. Российская экономика переживает шок, вызванный глобальной пандемией коронавируса. Спад производства в 2020 г. составит, по разным оценкам, от 2 до 8% по сравнению с уровнем 2019 г.¹² Высока вероятность, что по своим масштабам этот шок превзойдет шоки 1998 и 2008 гг. За шоком неизбежно последует восстановление. Каким будет рост российской экономики после нынешнего кризиса? В какой мере нам поможет опыт ее восстановления после кризисов 1998 и 2008 гг.?

Может ли опыт восстановления российской экономики после кризисов 1998 и 2008 гг. помочь сегодня? На первый взгляд, прямая аналогия с прошлыми кризисами работать не должна, поскольку негативные шоки 1998 и 2008 гг. связаны с падением спроса, а нынешний спад производства — шок предложения. В то же время, если говорить о среднесрочной перспективе на период три—пять лет, то опыт восстановления и послекризисного роста представляется существенным. Рост после преодоления краткосрочных эффектов шока обусловлен действием источников долгосрочного роста. Такие источники не исчезают и не появляются одновременно. Они связаны со структурой экономики, ее конкурентными преимуществами и состоянием мирового хозяйства. Структура непосредственных источников экономического роста инертна и особенно хорошо наблюдаема между кризисами в период после преодоления краткосрочных последствий шока.

Однако структура роста все-таки постепенно меняется. Изменения структуры источников роста также удобно наблюдать, сопоставляя периоды относительно сбалансированного роста без заметных шоков. Анализ посткризисных периодов роста позволяет понять основные источники долгосрочного роста, а сопоставление таких периодов — изменения в его структуре. В целом этот подход обеспечивает общие контуры роста, на который российская экономика, вероятно, выйдет через три—пять лет.

Первичные источники экономического роста определяются географией, институтами и вовлеченностью национальной экономики в глобальные цепочки добавленной стоимости. Механизмам влияния этих источников на рост посвящена обширная литература. При этом все они воздействуют на него через *непосредственные* источники — труд, физический и человеческий капитал и совокупную факторную

¹¹ Использованы материалы доклада: Воскобойников и др., 2020.

¹² Используются оценки Института «Центр развития» НИУ ВШЭ (–2%) (Смирнов, 2020а), ЦМАКП (от –2,3 до –3,3%) (Белоусов и др., 2020), ИИЭ ВЭБ (–3,8%) (ВЭБ, 2020), ЦБ РФ (от –4 до –6%) (http://cbr.ru/press/pr/?file=24042020_133000Key.htm), ИИП РАН (2020) и председателя Счетной палаты РФ А. Л. Кудрина (от –7 до –8%) (<https://www.kommersant.ru/doc/4332279>).

производительность (СФП). Представление темпов прироста выпуска или производительности труда в виде суммы вкладов факторов производства — стандартный и востребованный сегодня инструмент (Jorgenson, 2018). Он восходит к пионерным работам Я. Тинбергена и Р. Солоу и позволяет без рассмотрения первичных источников делать выводы о структуре и устойчивости экономического роста.

В основе расчетов экономического роста лежит оценка вкладов экстенсивной и интенсивной компонент в темпы прироста выпуска. Если экономический рост формируется в основном за счет факторов производства, то со временем отдача от их прироста будет снижаться. Такой рост экстенсивный и неустойчивый. И наоборот, рост производительности может быть продолжительным. Он связан со снижением издержек на единицу выпуска, свидетельствует о совершенствовании технологий и повышении эффективности производства. Оценка роли экстенсивной и интенсивной компонент экономического роста как в экономике в целом, так и на уровне отдельных отраслей позволяет судить о его устойчивости.

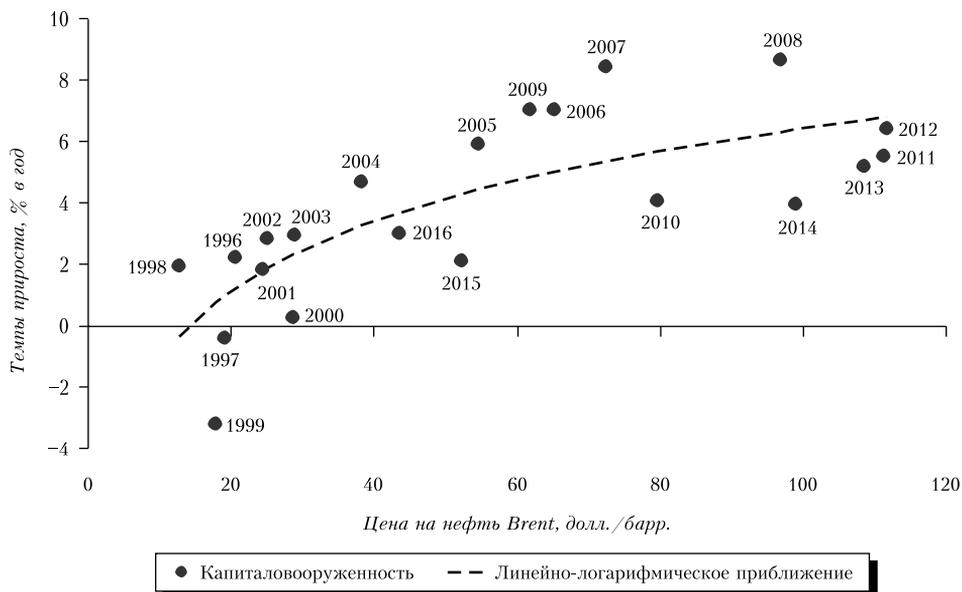
Роль экстенсивных факторов российского роста проявляется в корреляции темпов прироста капиталовооруженности и уровня цен на нефть, которая, вероятно, отражает связь притока в страну выручки от продажи энергоносителей и инвестиций в основной капитал. Такая зависимость с 1995 г. представлена на рисунке 4а. Если при цене почти 30 долл./барр. в 2000 г. капиталовооруженность росла на 0,3% в год, то при цене чуть меньше 80 долл./барр. в 2010 г. наблюдался рост на 4,1% в год.

Роль интенсивной компоненты на уровне экономики в целом заметна в «тучные» межкризисные 2002–2007 гг. Как видно на рисунке 4б, если в 2002 г. уровень производительности труда в России составлял 44% от уровня Германии, то к 2011 г. он вырос почти до 60%. К сожалению, в период стагнации после посткризисного восстановления в 2011–2019 гг. сближение уровней производительности труда России и Германии практически прекратилось.

Анализ вклада экстенсивной и интенсивной компонент за прошедшие десятилетия может дать ответ на вопрос, как будет выглядеть посткризисный рост производительности труда, если в экономике не произойдет существенных структурных изменений. Для российской экономики в 1995–2016 гг. такой анализ представлен на рисунке 4с. На нем видно, что, например, в 2002–2007 гг. среднегодовые темпы прироста производительности труда составили 6,5%. Из них на интенсивную компоненту — прирост СФП — приходится 3,5 п. п. В свою очередь, экстенсивная компонента складывается из прироста капиталовооруженности (2,3 п. п.) и качества рабочей силы (0,04 п. п.).

С точки зрения анализа долгосрочных и устойчивых источников роста, которые, вероятно, сохранятся и после 2020 г., интересно сопоставить два посткризисных периода сбалансированного роста — 2002–2007 и 2011–2016 гг. Именно в эти годы российская экономика оправилась от краткосрочных эффектов спроса, связанных с шоками 1998 и 2008 гг. В измерительном плане декомпозиция роста наиболее точно отражает его структуру. Главное изменение — в 2011–2016 гг.

**Среднегодовые темпы
прироста капиталовооруженности в 1995–2016 гг.
в зависимости от уровня цен на нефть (в %)**

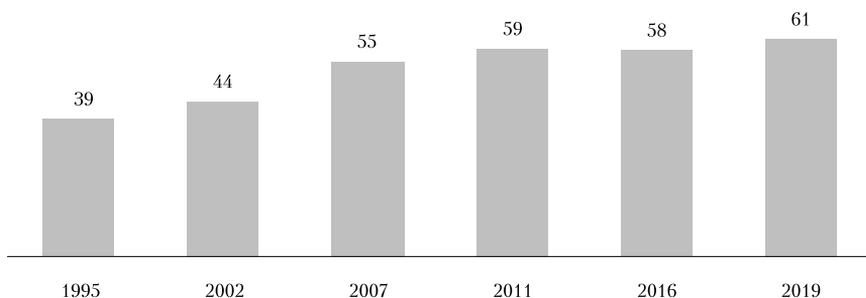

Примечание. Капиталовооруженность измеряется как отношение потока услуг капитала к отработанным часам. Система показателей Russia KLEMS представляет собой динамические ряды реальной добавленной стоимости, труда, капитала и производительности за период 1995–2016 гг. для 34 видов деятельности ОКВЭД. Методология построения показателей опубликована в работе: Voskoboynikov, 2012, и обеспечивает межстрановые сопоставления на уровне отдельных отраслей в рамках инициативы World KLEMS. Данные, методология и дополнительная информация о проекте доступны на сайте: <https://www.hse.ru/russiaklems>.

Источник: собственные расчеты по данным: Russia KLEMS, 2019. <https://www.hse.ru/russiaklems/dataklems>; Thomson Reuters. <https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=RBRT&f=A>

Рис. 4а

**Уровень производительности труда в России
по отношению к Германии (в %, Германия = 100%)**

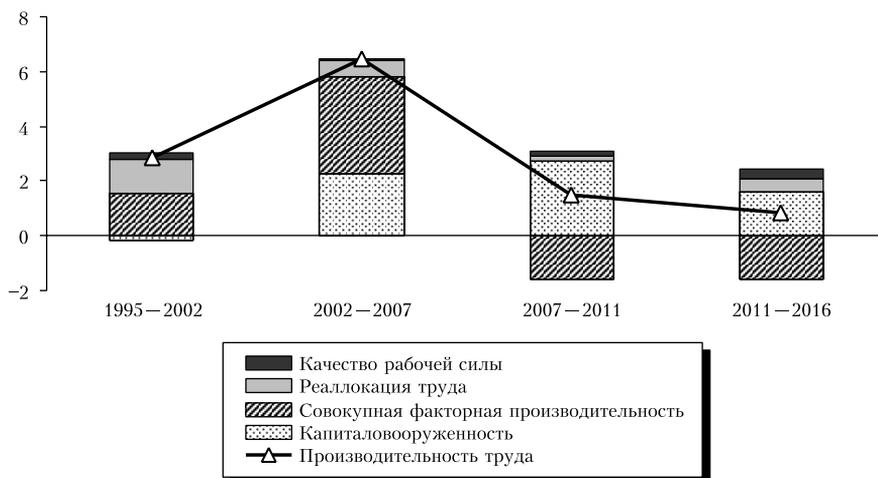

Примечание. Производительность труда определяется как ВВП на одного работника. ВВП измеряется в долл. США по ППС 2018 г.

Источник: The Conference Board. Total economy database (Adjusted version). <https://www.conference-board.org/data/economydatabase>

Рис. 4б

**Декомпозиция среднегодовых темпов прироста
производительности труда в российской экономике (в %)**

Источник: Russia KLEMS, 2019.

Рис. 4с

исчез положительный вклад интенсивной компоненты: вклад СФП в этот период упал до отрицательного показателя $-1,9\%$. Общее снижение СФП по сравнению с 2002–2007 гг. составило почти 7,1 п. п.! На этом фоне вклад экстенсивной компоненты практически не уменьшился. Сбалансированная траектория в эти годы оказалась значительно более экстенсивной, чем в 2002–2007 гг. — период бурного роста цен на нефть и широкой полемики по поводу нефтяной зависимости российской экономики.

Отметим, что усиление экстенсивного характера роста не столь заметно, если оперировать привычными показателями темпов прироста производительности труда. На рисунке 4с видно, что производительность труда в течение всего рассматриваемого периода продолжала расти, хотя и существенно замедлилась — с $6,9\%$ в год в 2002–2007 гг. до $0,9\%$ в год в 2011–2016 гг.

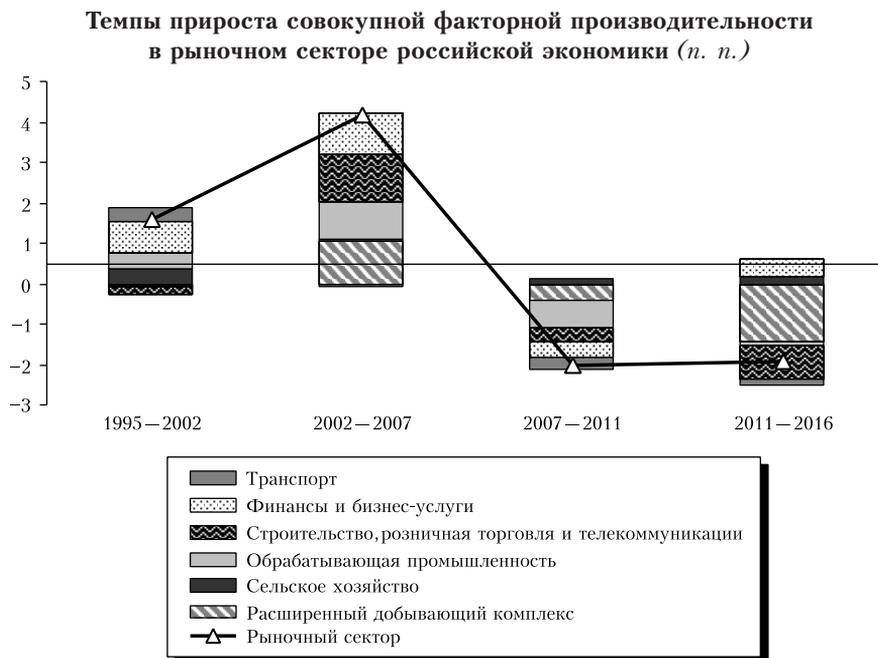
Агрегированный рост производительности труда формируется также структурными сдвигами, связанными с перераспределением работников между видами деятельности с разной производительностью. Роль структурных сдвигов в последние годы снижалась, что связано как с исчерпанием резерва «низкопроизводительного» фонда рабочего времени, так и со снижением разброса уровней производительности труда между отраслями. Это хорошо видно при сравнении относительных уровней производительности труда в секторах российской экономики в 2016 и 1995 гг.: если в 1995 г. их вариация составляла 1,09, то в 2016 г. она снизилась до 0,97.

Вклад реаллокации труда за рассматриваемый период вполне ощутим и составляет 0,6 п. п. Детальный анализ (см.: Воскобойников и др., 2020) показывает, что она связана с перераспределением отработанных часов из сельского хозяйства и некоторых отраслей обрабаты-

вающей промышленности в различные виды услуг. Одним из основных источников такого «низкопроизводительного» рабочего времени стали часы, которые затрачивались ранее на низкопроизводительную работу в личных подсобных хозяйствах (Капелюшников, 2006). Доля таких хозяйств в общем фонде рабочего времени остается заметной и до сих пор составляет более 7% общего объема затрат труда в России¹³.

Декомпозиция роста производительности труда для экономики в целом указывает на значительный спад СФП и важность экстенсивной компоненты как драйвера роста. Она показывает также общее снижение роли реаллокации труда после трансформационного спада как следствие снижения интенсивности структурных сдвигов.

В каких отраслях ждать источников долгосрочного роста российской экономики после 2020 г.? Учитывая, что на агрегированном уровне главный фактор замедления — это спад СФП, интересно понять, за счет каких секторов он произошел. Ответ на этот вопрос дает рисунок 4d, на котором представлена секторальная структура темпов прироста СФП рыночного сектора российской экономики.

Примечание. Рассматривается только рыночный сектор. Он включает все виды деятельности, за исключением государственного управления, образования, здравоохранения и операций с недвижимостью. Расширенный добывающий комплекс включает производство топливных материалов, добычу и оптовую торговлю; строительство, торговля и телекоммуникации включают розничную торговлю, автоторговлю, гостиницы и рестораны, связь и социальные услуги.

Источник: Russia KLEMS, 2019.

Рис. 4d

¹³ Согласно табл. 3.5 статистического сборника «Труд и занятость в России» за 2019 г., на трудовую деятельность по производству продукции для собственного использования в сельском хозяйстве было затрачено 11 050 млн часов, а общее количество отработанного времени составило 149 970 млн.

В 2002–2007 гг. основной вклад в рост СФП обеспечивали четыре сектора¹⁴: прочие рыночные услуги (строительство, розничная торговля и телекоммуникации и др.) (1,2 п. п.), расширенный добывающий комплекс (1,1 п. п.), финансы и бизнес-услуги (1 п. п.) и обрабатывающая промышленность (0,9 п. п.). Снижение темпов прироста СФП в 2011–2016 гг. по сравнению с 2002–2007 гг. составило 6 п. п. Из них $\frac{3}{4}$, или 4,5 п. п., приходится на расширенный добывающий комплекс (2,5 п. п.) и прочие рыночные услуги (2 п. п.). Соответственно $\frac{3}{4}$ спада в 6 п. п. связано с расширенным добывающим комплексом и прочими рыночными услугами. На этом фоне прекращение роста СФП в промышленности и замедление в финансах и бизнес-услугах выглядят не так плохо, а почти пятикратное ускорение в сельском хозяйстве — как большой успех¹⁵.

Масштабы падения СФП в расширенном добывающем комплексе заслуживают внимания. Вопросы эффективности российского нефтегазового комплекса обсуждались в конце 1990-х и в 2000-е годы, однако в последнее время отошли на второй план. О важности этого вопроса свидетельствует грубая оценка гипотетических темпов роста российской экономики в 2011–2016 гг., если бы в расширенном добывающем комплексе темпы снижения реальных издержек были такие же, как в годы наименьшего притока нефтегазовой ренты — в 1995–2002 гг., при прочих равных условиях. В этом случае темпы экономического роста российской экономики в целом в 2011–2016 гг. возросли бы с 0,8% до почти 2% в год!

Каков вклад экстенсивной компоненты? В 1995–2016 гг. на капиталовооруженность приходилось более $\frac{3}{5}$ прироста производительности труда за счет внутренних источников¹⁶. Если в 1995–2002 гг. ее прирост был практически не заметен, то в «тучные» годы она формировала $\frac{1}{3}$ прироста производительности труда (2,19/6,38), а после 2007 г. рост обеспечивался исключительно за счет капиталовооруженности, компенсируя снижение эффективности производства.

Прирост капиталовооруженности с начала 2000-х годов формировался за счет трех секторов: расширенного добывающего комплекса, прочих рыночных услуг и обрабатывающей промышленности. Лидером по этому показателю в 2002–2007 гг. стали прочие рыночные услуги, обеспечившие вклад 1,2 п. п. в агрегированный прирост 4,4% в год, то есть больше $\frac{1}{4}$. Такой прирост приходился на период бурного расширения отраслей сектора. Техническое перевооружение в торговле, строительстве и телекоммуникациях (прочие рыночные услуги) проявляется в высоких темпах прироста капиталовооруженности для трех видов капитала — машин и оборудования (15,7% в год), связанного с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) (9,7% в год), а также зданий и сооружений. Прирост для последних — второй по величине после расширенного добывающего

¹⁴ Полный отраслевой состав секторов представлен в приложении П1 (Воскобойников и др., 2020).

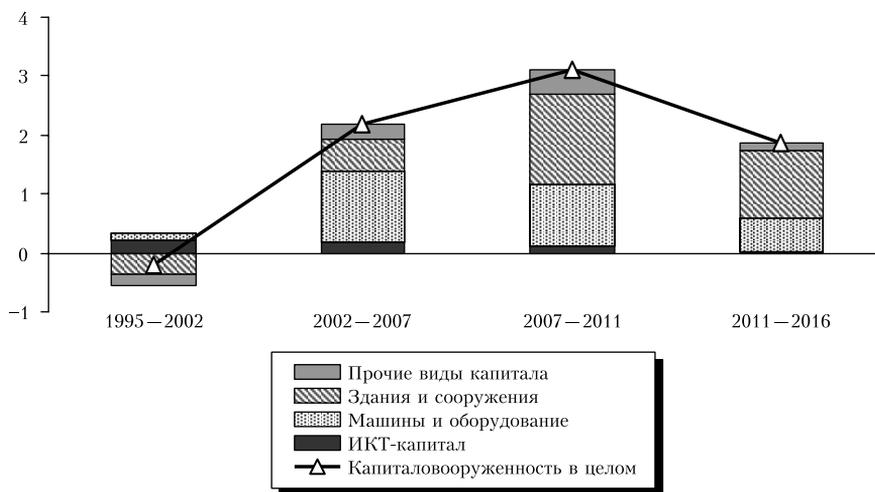
¹⁵ См. также: Воскобойников и др., 2020. Табл. 3Б.

¹⁶ $0,618 = 1,49/2,41$ (см.: Воскобойников и др., 2020. Табл. 3Б).

комплекса. В этот период бурно развивались новые тогда для России форматы розничной торговли — супер- и гипермаркеты, требующие значительных инвестиций.

В период стагнации 2011–2016 гг. рост капиталовооруженности сектора продолжился, хотя и меньшими темпами (рис. 4е). При снижении роли активной части капитала — машин, оборудования и информационно-коммуникационного капитала — возросла роль зданий и сооружений. Темпы прироста услуг в виде капитала «машины и оборудование» упали до 5,4% в год, а зданий и сооружений выросли до 3,3%. Возможности быстрого роста сектора за счет переоборудования, по-видимому, оказались исчерпанными.

**Темпы прироста капиталовооруженности
в рыночном секторе российской экономики (п. п.)**

Примечание. ИКТ-капитал — это капитал, связанный с информационными и коммуникационными технологиями. Он включает информационное и коммуникационное оборудование, а также вычислительную технику.

Источник: Russia KLEMS, 2019.

Рис. 4е

Примечательна динамика капиталовооруженности в сельском хозяйстве. Обновление машин и оборудования в 2002–2007 гг. также шло высокими темпами — рост составлял 8% в год — и продолжалось с заметной интенсивностью (3,8%) в годы стагнации. Однако незначительная доля сектора в добавленной стоимости всей экономики делает общий прирост в сельском хозяйстве не очень существенным для агрегированного показателя капиталовооруженности экономики в целом.

Какие источники роста предшествующих лет имеют шансы сохраниться после 2020 г.? После преодоления краткосрочных последствий шока российская экономика выйдет на новую сбалансированную траекторию роста. Он будет формироваться за счет источников двух типов — сохранившихся от предкризисной модели и новых. В таблице 4а представлены источники, действовавшие ранее.

**Непосредственные источники
роста производительности труда**

Компоненты роста производительности труда	1999–2007	2011–2020	После 2020?
Рост капиталовооруженности в ответ на рост спроса в России и в мире	Добывающий комплекс, ритейл	Добывающий комплекс	Добывающий и сырьевой комплекс в ответ на восстановление глобальной экономики
Технологическое намерствывание и рост эффективности	Промышленность, сельское хоз-во, бизнес-услуги, ритейл	Сельское хозяйство, бизнес-услуги	Сельское хозяйство: ожидается рост, но вклад небольшой
Структурный бонус: ускорение вследствие структурных сдвигов	Высвобождение труда из сельского хозяйства и промышленности	Нет	Скорее, нет.
Человеческий капитал	Да	Да	Да, вклад небольшой
ИКТ-капитал и нематериальные активы	Да	Нет	Скорее, нет

Источник: составлено автором.

В «тучные» годы рост был обусловлен и экстенсивной, и интенсивной компонентами. Рост капиталовооруженности обеспечивался за счет рыночных услуг и расширенного добывающего комплекса, а интенсивная компонента формировалась сельским хозяйством, промышленностью, бизнес- и финансовыми услугами. В стагнацию 2011–2016 гг. интенсивная компонента практически исчезла и сохранялась лишь в силу небольшого вклада сельского хозяйства и бизнес-услуг. При этом прирост капиталовооруженности остался, по сути, последним существенным драйвером роста.

Восстановление мировой экономики после шока приведет к росту спроса на сырье. В ответ, как после кризиса 2008–2009 гг., можно ждать восстановления сырьевого экспорта и прироста капиталовооруженности в российском расширенном добывающем комплексе. При ценах на нефть в диапазоне 40–50 долл./барр. прирост капиталовооруженности в экономике в целом может составить около 4% в год и обеспечить вклад порядка 1,5–2 п. п. в экономический рост. На этом фоне действие других возможных источников может быть не столь заметно. Скажем, сельское хозяйство обеспечит небольшой вклад в прирост СФП. Улучшение структуры рабочей силы также может дать вклад порядка 0,1–0,2 п. п. Долгосрочное снижение вариации уровней производительности труда и сравнительно медленное изменение отраслевой структуры занятости не позволяют надеяться на значимый положительный вклад реаллокации труда.

На этом фоне повышение эффективности в расширенном добывающем комплексе наряду с сокращением технологического отставания в промышленности могут придать дополнительный импульс росту. Именно эти два направления целесообразно положить в основу политики стимулирования долгосрочного роста.

Е. Т. Гурвич. Тема роста российской экономики сегодня актуальна как никогда. Во-первых, вызванные пандемией меры карантина и изоляции привели к беспрецедентному для мирного времени спаду производства: по прогнозу МВФ (IMF, 2020), мировой ВВП в 2020 г. сократится на 3%, Всемирный банк ожидает спада более чем на 5% (World Bank, 2020), а в ходе предыдущего крупного кризиса, в 2009 г., он составил символические 0,1%. Для России, согласно большинству прогнозов, глубина спада составит порядка 5%. Велики различия между странами и с точки зрения ожидаемой скорости восстановления экономики, зависящей как от ее структурных свойств, так и от политики, проводимой правительством и центральным банком. Таким образом, возможные способы минимизации спада российской экономики в период пандемии и скорейшего восстановления роста в последующий период требуют серьезного обсуждения. После решения этих краткосрочных и среднесрочных задач на первый план вновь выйдет долгосрочная проблема преодоления устойчивого замедления российской экономики в последнее десятилетие.

Прежде всего необходимо максимально полно проанализировать динамику производства, рассмотрев ее во всех измерениях: макроэкономическом, отраслевом и региональном. Далее, требуется определить, в какой мере экономическая динамика определяется внешними, экзогенными факторами, а в какой — внутренними свойствами российской экономики (и какими именно). Один из важных приемов такого анализа состоит в сопоставлении показателей со странами, относящимися к той же категории, что и Россия. Представительную выборку дают 10 крупнейших стран с формирующимся рынком, входящих в «большую двадцатку». В таблице 5а представлены средние темпы роста этих стран в 2000-е и 2010-е годы и прогнозы на ближайшие годы и долгосрочную перспективу. Для России после показателя в скобках приводится место в рассматриваемой десятке стран.

Отметим быстрое ухудшение показателей роста нашей экономики по сравнению с другими странами с формирующимся рынком. Если в 2000-е годы Россия уступала по темпам роста только Китаю и Индии, то в последнее десятилетие она опустилась уже на седьмое место, пропустив вперед Индонезию, Турцию и другие страны. Отметим, что Саудовская Аравия, где добыча нефти играет еще более важную роль, заметно опередила нашу страну в этот период. По показателям роста в период пандемии Россия занимает восьмое место по прогнозам МВФ и шестое — по оценкам Всемирного банка. Наконец, совсем мрачные перспективы рисует долгосрочный прогноз потенциальных темпов роста ОЭСР (Guillimet, Turner, 2018). Согласно ему, в период до 2030 г. российская экономика будет расти в среднем лишь на 0,5% в год. В этом случае суммарный рост за 13 лет составит менее 7%, то есть будет ниже годового роста в наиболее успешный период с 2000 по 2008 г. В последующие 30 лет рост несколько ускорится, но все равно будет оставаться очень низким, абсолютно худшим среди всех 46 стран, для которых были построены прогнозы. Этот список включает все развитые страны, которые, при прочих равных условиях, должны расти намного медленнее. Иными словами, Россия, как ожи-

Среднегодовые фактические и прогнозные темпы экономического роста по странам с формирующимся рынком — членам «большой двадцатки»

Страна	Фактические данные		Прогноз на 2020–2021 гг.		Прогноз ОЭСР	
	2000–2009	2010–2019	МВФ	Всемирный банк	2018–2030	2030–2060
Китай	10,3	7,6	5,1	3,9	4,2	2,2
Индия	6,9	7,2	4,6	–0,1	5,3	3,5
Россия	5,4 (3)	1,9 (7)	–1,1 (8)	–1,7 (6)	0,5 (9)*	1,2 (9)*
Индонезия	5,3	5,4	4,3	2,4	3,6	3,0
Турция	3,8	5,7	–0,1	0,5	3,6	2,5
ЮАР	3,6	1,7	–1,0	–2,2	1,5	2,1
Саудовская Аравия	3,4	3,4	0,3	–0,7	–	–
Бразилия	3,4	1,3	–1,3	–3,0	1,4	1,5
Аргентина	2,3	1,2	–0,8	–2,7	2,0	1,8
Мексика	1,4	2,7	–1,9	–2,4	1,7	1,9
Среднее без России	4,5	4,0	1,0	–0,5	2,9	2,3
Мировая экономика	3,9	3,8	–3,0	–5,2	3,4	2,4

Примечание. В скобках указано место России среди 10 крупнейших стран с формирующимся рынком. * 9-е место из 9 стран, для которых имеется прогноз.

Источники: Guillimet, Turner, 2018; IMF, 2020; World Bank, 2020.

дается, не только пропустит вперед другие страны с формирующимся рынком, но и еще больше отстанет от развитых.

Конечно, приведенные прогнозы ОЭСР — не «истина в последней инстанции», однако просто отмахнуться от этих неприятных для нас предсказаний нельзя. Во-первых, данный сценарий вписывается в тенденцию замедления российской экономики, зафиксированную в 2010-е годы. Во-вторых, он совместим с оценками потенциального долгосрочного роста российской экономики, полученными на основе так называемого «закона Тирлвола». Данный подход исходит из условий устойчивости платежного баланса, а полученные на его основе прогнозы демонстрируют высокую точность. Три работы, где закон Тирлвола применялся к российской экономике (Гурвич, Прилепский, 2013; Nassif et al., 2016; Tovar-García, Carrasco, 2019), в зависимости от спецификации дали оценки долгосрочных темпов роста от 0,5 до 2,2%. По всей видимости, на сегодня этот диапазон объективно соответствует потенциалу роста нашей экономики. В целом прогноз ОЭСР можно рассматривать как пессимистический сценарий, который может реализоваться, если не будут приняты энергичные меры, чтобы переломить ситуацию.

Влияние экзогенных факторов на российскую экономику в 2000-е годы можно оценить, сравнивая фактический рост с оценками потенциального, или «структурного» (очищенного от циклических факторов). Согласно данным: Okawa, Sanghi, 2018, средние темпы потенциального роста российской экономики в 2000–2009 гг. составляли 3,8%. По оценкам в: Дробышевский и др., 2018, структурные

темпы роста снижались с 5,5% в 2000 г. до 3,2% в 2010 г., то есть составляли в среднем 4–4,5%. Таким образом, примерно $\frac{1}{3}$ наблюдаемого в 2000-е годы роста определялась временными факторами (повышением цен на нефть, рекордно высоким притоком капитала в страны с формирующимся рынком и др.). В отличие от этого, в 2010-е годы фактические темпы роста российской экономики были близки к структурным (отчасти потому, что за данное десятилетие цены на нефть практически не изменились). Возвращаясь к таблице, можно заключить, что даже после коррекции на благоприятные внешние факторы в 2000-е годы темпы роста в России были не намного ниже среднего и выше медианного значения для 10 крупнейших стран с формирующимся рынком. В 2010-е годы темпы роста были уже вдвое ниже средних и существенно уступали медианному значению для этой группы стран.

Чем могло быть вызвано столь резкое замедление российской экономики? К числу потенциальных причин можно отнести факторы, способные существенно снизить темпы роста ВВП и характерные для второго периода, но не для первого.

1. *Исчерпание потенциала действия некоторых «разовых» факторов.* К началу 2000-х годов Россия подошла с унаследованным от СССР низким уровнем развития многих важных секторов и направлений деятельности. Это относится, в частности, к розничной торговле, банковской системе, розничному и ипотечному кредитованию. Подобные виды деятельности росли чрезвычайно быстро (хотя и от низкой исходной базы) — так, объем кредитов, выданных физическим лицам, за 2000-е годы вырос в реальном выражении в 38 раз (почти в 1,5 раза ежегодно). Однако это был «однократный эффект»: после достижения определенного уровня развития такие виды деятельности далее развивались примерно с той же скоростью, что и экономика в целом.

2. *«Сворачивание экономических реформ».* Во второй половине 2000-х годов активность в области проведения структурных реформ резко снизилась. С одной стороны, это можно объяснить тем, что очередь дошла до политически трудных реформ (как монетизация льгот). С другой стороны, быстрый рост экономики и уровня жизни (за 2000–2008 гг. реальные располагаемые доходы населения выросли в 2,5 раза) резко ослабил стимулы для продолжения преобразований. Отказ от реформ в подобных ситуациях часто наблюдается и в истории, и в современной международной практике. Фактически здесь совпали два мотива: опасения ослабить поддержку власти непопулярными реформами и самоуспокоенность в результате успехов, обусловленных ростом сырьевых доходов. В странах, подверженных «ресурсному проклятию», в подобной ситуации часто возникает иллюзия, что необходимые для устойчивого развития экономики условия уже созданы, поэтому в дальнейших усилиях нет необходимости.

3. *Расширение масштабов государственного сектора экономики.* В 2010-е годы прямое участие государства в экономике существенно выросло по сравнению с 2000-ми. По оценкам экспертов РАНХиГС, доля государственного сектора в ВВП повысилась с 31% в 2000 г. до

48% в 2009 г. и в дальнейшем оставалась близкой к этому уровню (Радыгин и др., 2019)¹⁷.

Контролируемые государством компании имеют ряд принципиальных недостатков по сравнению с частными. Во-первых, они существуют в условиях «мягких бюджетных ограничений» (МБО) (Корнаи и др., 2004). Как показывает международный опыт, государство часто компенсирует неэффективность работы таких компаний, предоставляя им в той или иной форме дополнительные ресурсы или льготы. В результате стимулы госкомпаний повышать свою эффективность оказываются ослабленными. Далее, госкомпании значительно больше, чем частные, подвержены коррупции (например, в отношениях со своими поставщиками), что также существенно снижает их эффективность (Baum et al., 2019). В силу этого преимущество частных компаний перед государственными оказывается особенно сильным в странах с высоким уровнем коррупции (Shaheer et al., 2019). Наконец, государство — это специфический собственник, интересы которого связаны не столько с капитализацией или рентабельностью своих компаний, сколько со сторонами деятельности, которые имеют прямое политическое измерение. В результате широко распространена практика ориентации госкомпаний на решение не экономических, а социальных (прежде всего поддержки занятости), геополитических и тому подобных задач. Это, естественно, негативно сказывается на собственно экономических результатах. Первым на это обратил внимание будущий главный экономист Всемирного банка Дж. Лин (Lin, Tan, 1999). Подобные примеры в российской практике приводятся в: Морозкина, 2019.

Эмпирический анализ не всегда дает однозначный ответ на вопрос, какие предприятия более эффективны: государственные или частные. Однако в случаях, когда первые демонстрируют лучшие результаты, за этим обычно кроются преимущества принадлежности государству (субсидии, льготы по налогам и кредитам, защита от конкуренции и т. д.; Lam et al., 2017).

Одно из последних масштабных исследований данной проблемы было проведено экспертами Азиатского банка развития (Phi et al., 2019). Изучив данные более 25 тыс. фирм по всему миру и используя широкий круг эконометрических методов анализа, авторы получили убедительные свидетельства того, что государственные предприятия имеют меньшую производительность, более высокие удельные расходы на труд и меньшую рентабельность. В Китае производительность государственных предприятий в 2000-е годы составляла лишь 30–40% показателя частных (Hsieh, Song, 2015). Наконец, анализ показателей 79 тыс. российских предприятий за 2003–2008 гг., проведенный Всемирным банком, подтвердил, что в нашей стране фирмы государственной и муниципальной форм собственности также имеют значительно худшие показатели производительности по сравнению с частными (Bogetic, Olusi, 2013).

4. *Введение санкций и контрсанкций.* По оценкам в: Gurchich, Prilepskiy, 2019, сокращение притока капитала из-за санкций в 2014 —

¹⁷ Расширение госсектора, возможно, следовало логике создания опорного для власти слоя бизнеса по аналогии с залоговыми аукционами (которые, вероятно, имели одной из целей формирование группы крупных собственников как союзников в борьбе со старыми «советскими» элитами).

2017 г. замедляло рост российской экономики на 0,3–0,6 п. п. в год. К такому краткосрочному эффекту необходимо добавить более отдаленные, но достаточно существенные эффекты, связанные с ослаблением процесса трансфера передовых технологий (в частности, это проявляется в падении прямых иностранных инвестиций). Наконец, санкции подтолкнули правительство перейти от последовательной интеграции в мировую экономику к постепенному повышению барьеров для импортных товаров. Тем самым снижается конкуренция и блокируется один из важнейших механизмов роста, связанный с вовлечением в международное разделение труда.

Разумеется, наивно полагать, что для восстановления прежних высоких темпов роста необходимо просто вернуться к ситуации 2000-х годов. Одни изменения невозможно «отменить», поскольку они стали результатом естественного развития экономики, другие — потому что их бенефициары обладают достаточным политическим влиянием, чтобы блокировать разворот, третьи — в силу того, что это потребовало бы кардинально реформировать всю сложившуюся экономическую и институциональную среду. Скажем, предложения по комплексу реформ «Стратегия-2020», разработанные в 2011–2012 гг. экспертами по поручению правительства (которое тогда возглавлял В. В. Путин), как и подготовленные в 2016–2017 гг. рабочей группой Экономического совета при Президенте РФ по его поручению, были в очень малой степени востребованы, большая их часть осталась лишь на бумаге. Что тогда могло бы реально ускорить рост российской экономики?

Ответить на этот вопрос сложно потому, что российское правительство уже бралось (без видимого успеха) за решение большей части задач, которые входят в стандартные рецепты достижения долгосрочного экономического роста. Приведем лишь несколько примеров.

1. В указах Президента РФ от 7 мая 2012 г. «О долгосрочной государственной экономической политике» ставилась цель повысить инвестиции до 25% ВВП к 2015 г. и 27% ВВП к 2018 г. Фактически в период с 2012 по 2019 г. доля инвестиций в основной капитал в ВВП не превышала 22% и в среднем оставалась на уровне 2011 г.

2. Для повышения инвестиционной привлекательности была поставлена задача улучшить условия для бизнеса, измеряемые позицией в рейтинге Всемирного банка «Ведение бизнеса» (Doing business). Здесь был достигнут впечатляющий прогресс: Россия поднялась в нем со 123-го места в 2011 г. на 28-е в рейтинге 2020 г. и сейчас опережает все страны с формирующимся рынком из «большой двадцатки» и многие развитые страны (включая Францию, Швейцарию и Нидерланды). Однако анализ показывает, что показатели этого рейтинга слабо связаны с темпами экономического роста. Причина, видимо, в том, что они отражают лишь количественно измеряемые первичные факторы (например, время и расходы на регистрацию новой фирмы), но не учитывают барьеры, которые потом приходится преодолевать предпринимателям для реального выхода на рынок, проблемы силового давления на бизнес, риски его рейдерского захвата и т. д. (Гурвич, 2019).

3. В 2011 г. правительство приняло Стратегию инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, на реализацию которой был направлен набор институтов развития и федеральных целевых программ. К сожалению, по основным направлениям ситуация в сфере инноваций за прошедшие годы мало изменилась, а важнейшие показатели далеки от целевых значений.

Так, доля промышленных организаций, осуществляющих технологические инновации, по данным Росстата, к 2017 г. выросла лишь до 9,6% по сравнению с 9,3% в 2010 г. и отставала от целевых показателей 20% на 2016 и 40% на 2020 г. Доля инновационных товаров в промышленном экспорте составила в 2018 г. 6,6% (при целевых значениях 12% в 2016 и 15% в 2020 г.). К 2016 г. Россия должна была войти в десятку ведущих стран в международном рейтинге развития информационных технологий, фактически она занимала в том году 43-е, а в 2017 гг. вернулась на 45-е место в рейтинге.

Аналогичная судьба постигла и другие важные задачи: дерегулирование экономики, активное заимствование передовых технологий, борьбу с коррупцией, защиту бизнеса от силового давления и др. В ситуации, когда стандартные подходы к ускорению роста либо не применяются, либо не работают, необходимо, не забывая о перечисленных проблемах, дополнительно рассмотреть механизмы роста, которые до сих пор не использовались в достаточной мере. Наиболее перспективными видятся два связанных между собой направления деятельности: активизация механизмов «созидательного разрушения» и серьезное изменение условий работы государственных предприятий и компаний.

«Созидательное разрушение» подразумевает постоянно идущий процесс отсева (ухода с рынка) неэффективных фирм с их заменой новыми, потенциально более эффективными, а также перемещение экономических ресурсов от менее производительных фирм к более производительным. Анализ показывает, что этот механизм вносит большой вклад в экономический рост. В работе: Foster et al., 2001, показано, что в США «естественный отбор» фирм по эффективности обеспечивал $\frac{1}{4}$ роста совокупной факторной производительности (СФП), в Ю. Корее и Чили в разные периоды, согласно данным: Asturias et al., 2019, — от $\frac{1}{4}$ до половины, а в Китае — 72% роста СФП (Brandt et al., 2012). В то же время исследования показывают, что в России «созидательное разрушение» работает сравнительно слабо.

Так, по оценкам в: Савин и др., 2020, вклад перетока трудовых ресурсов от менее производительных компаний к более производительным в общий рост СФП составляет лишь 8%. При этом среди крупных фирм доля рынка, вопреки экономической логике, перераспределяется в пользу менее производительных компаний, а среди малых предприятий перераспределение идет в правильном направлении, и этот механизм обеспечивает примерно $\frac{1}{3}$ роста производительности. Авторы делают вывод, что действие «созидательного разрушения» в России не затрагивает крупный бизнес (более того, там действует отрицательный отбор), возможно, в силу высокого удельного веса государственных компаний, тогда как малый и средний бизнес в основном действует в конкурентной рыночной среде. Е. Бессонова (2018) показала, что в 2000-е годы в российской экономике сформировалась большая группа предприятий-аутсайдеров, производительность которых не только все больше отставала

от лидеров, но и быстро падала. В изученной выборке 10% лучших предприятий за 2009–2015 гг. повысили СПФ на 30%, а 50% худших предприятий снизили этот показатель в 5 раз. Несмотря на усиливающуюся отсталость, такие предприятия остаются на рынке, играя роль обременительного балласта. В то же время обследования российских предприятий подтверждают более высокую динамику производительности у «молодых» фирм по сравнению со «старыми» (Симачев и др., 2020), что свидетельствует о большом потенциале механизма «созидательного разрушения» в нашей стране (если бы его удалось запустить).

В принципе процесс «созидательного разрушения» выступает естественным результатом действия рыночной среды, то есть его слабость говорит о нарушении работы рыночных механизмов в российской экономике. С чем это может быть связано?

Лежащая на поверхности причина — низкий уровень конкуренции. Здесь у России действительно слабые позиции: в рейтинге конкурентоспособности Международного экономического форума наша страна занимает 80-е место среди 141 страны по распространенности доминирования на рынке и 116-е место по открытости для внешней конкуренции. Вторая возможная причина — сохранение МБО. Как отмечает ряд авторов, в переходных экономиках (например, в Китае) типичный механизм их возникновения — неформальные отношения бизнеса с властями, которые часто распространяются не только на государственные, но и на частные компании. «Правильные» фирмы могут рассчитывать на поддержку, позволяющую выживать; другая ситуация — власти в одностороннем порядке спасают нежизнеспособные предприятия, чтобы не допустить роста социальной напряженности в случае их банкротства и закрытия.

При этом руководители госкомпаний часто объясняют слабые результаты деятельности решением поставленных правительством задач. Государство не всегда может (и хочет) отличить объективные причины от непрофессионализма и слабой мотивации государственных менеджеров, в результате соглашаясь снова спасать госкомпании с помощью субсидий, дополнительных взносов в капитал и т. д.

Наконец, еще одно условие формирования МБО — низкая мобильность трудовых ресурсов. Если локальные рынки изолированы друг от друга, то неконкурентоспособные фирмы могут выживать за счет дешевой рабочей силы, поскольку работники не имеют возможности переехать в регион с лучшей оплатой труда. Низкая мобильность рабочей силы в России подтверждается как значительной межрегиональной дифференциацией зарплаты и безработицы, так и систематическим сравнительным анализом (Вакуленко, 2020).

Не претендуя на исчерпывающее описание способов активизации «созидательного разрушения», отмечу несколько общих принципов, которым государство должно следовать:

- не препятствовать уходу с рынка несостоятельных фирм;
- не возлагать на коммерческие организации решение социальных или политических (геополитических) задач;
- не предоставлять льготы и преференции по налогам, кредитам, тарифам и т. п. каким-либо компаниям на индивидуальной основе;
- не вводить ограничения на импорт продукции;

– не создавать у менеджеров крупнейших компаний и банков опасного представления, что их компании слишком важны, чтобы обанкротиться.

Предложенный механизм легче реализовать, чем перечисленные выше, поскольку здесь требуется *не делать* чего-то. В то же время необходимо отказаться от многих широко распространенных и удобных практик управления. К тому же сохраняется проблема риска политики «созидательного разрушения». Однако нельзя забывать о том, что этому противостоит еще больший риск глубокой стагнации российской экономики, которая может затянуться на десятилетия. Представители всех ветвей власти должны помнить, что, нарушая представленные «заповеди», они каждый раз снижают и без того низкие темпы роста нашей экономики.

Список литературы / References

- Белоусов Д. Р., Солнцев О. Г., Пенухина Е. А., Михайленко К. В. (2020). О контурах конструктивного варианта прогноза. М.: Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. [Belousov D. R., Solntsev O. G., Penukhina E. A., Mikhailenko K. V. (2020). *Framing the constructive forecast*. Moscow: The Center for Macroeconomic Analysis and Short-term Forecasting (CMASF). (In Russian).]
- Бессонова Е. В. (2018). Анализ динамики совокупной производительности факторов на российских предприятиях (2009–2015 гг.) // Вопросы экономики. № 7. С. 96–118. [Bessonova E. V. (2018). Analysis of Russian firms' TFP growth in 2009–2015. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 96–118. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-7-96-118>
- Вакуленко Е. С. (2020). Анализ уровня межрегиональной и межсекторной мобильности трудовых ресурсов в России // Экономика региона. Т. 16, № 4 [в печати]. [Vakulenko E. S. (2020). Analyzing interregional and intersectoral mobility of labor resources in Russia. *Economy of Region*, Vol. 16, No. 4 [forthcoming]. (In Russian).]
- Воскобойников И. Б., Баранов Э. Ф., Бобылева К. В., Капелюшников Р. И., Пионтковский Д. И., Толokonников А. В., Роскин А. А. (2020). Источники роста производительности труда после шоков 1998 и 2008 годов в России в контексте перспектив восстановления экономики после кризиса COVID-19. Доклад к XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: Изд. дом ВШЭ. [Voskoboynikov I. B., Baranov E. F., Bobileva K. V., Kapeliushnikov R. I., Piontkovski D. I., Tolokonnikov A. V., Roskin A. A. (2020). *Sources of labor productivity growth in Russia after the shocks of 1998 and 2008 in the context of the COVID-19-related economic crisis*. Paper presented at the XXI April international academic conference on economic and social development. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- ВЭБ (2020). Тенденции развития российской экономики в условиях пандемии коронавируса и возможные антикризисные меры. М.: Институт исследований и экспертизы ВЭБ РФ. [VEB (2020). *Development trends of the Russian economy under the coronavirus pandemic and possible anti-crisis policies*. Moscow: Vnesheconombank Institute. (In Russian).]
- Гурвич Е., Прилепский И. (2013). Как обеспечить внешнюю устойчивость российской экономики // Вопросы экономики. № 9. С. 4–39. [Gurvich E., Prilepskiy I. (2013). How to secure external sustainability of the Russian economy. *Voprosy Ekonomiki*, No. 9, pp. 4–39. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-9-4-39>

- Гурвич Е. Т. (2019). Возможные источники и ограничения роста российской экономики в период до 2024 г. // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 30–45. [Gurvich E. T. (2019). Capabilities and limitations of growth of the Russian economy in the period till 2024. *Theoretical Economics*, No. 1, pp. 30–45. (In Russian).]
- Дробышевский С. М., Идрисов Г. И., Каукин А. С., Павлов П. Н., Синельников-Мурылев С. Г. (2018). Декомпозиция темпов роста российской экономики в 2007–2017 гг. и прогноз на 2018–2020 гг. // Вопросы экономики. № 9. С. 5–31. [Drobyshevsky S. M., Idrisov G. I., Kaukin A. S., Pavlov P. N., Sinelnikov-Murylev S. G. (2018). Decomposition of Russian GDP growth rates in 2007–2017 and forecast for 2018–2020. *Voprosy Ekonomiki*, No. 9, pp. 5–31. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-9-5-31>
- Единак Е. А. (2019). Моделирование межотраслевой занятости на базе таблиц затраты–выпуск // Актуальные вопросы экономики и социологии: Сб. статей по материалам XV Осенней конференции молодых ученых в новосибирском Академгородке / Под ред. О. В. Тарасовой, Н. О. Фурсенко. Новосибирск. С. 522–529. [Edinak E. A. (2019). Modeling of intersectoral employment based on input–output tables. In: O. V. Tarasova, N. O. Fursenko (eds.). *Actual issues of economics and sociology*. Proceedings of the XV Autumn conference of young scientists in Novosibirsk Akademgorodok. Novosibirsk, pp. 522–529. (In Russian).]
- Ивантер В. В. (2019). Возможности ускорения темпов экономического роста в России // Общество и экономика. № 7. С. 5–11. [Ivanter V. V. (2019). On accelerating rates of economic growth in Russia. *Obshchestvo i Ekonomika*, No. 7, pp. 5–11. (In Russian).] <https://doi.org/10.31857/S020736760005829-0>
- Иванова М., Балаев А., Гурвич Е. (2017). Повышение пенсионного возраста и рынок труда // Вопросы экономики. № 3. С. 22–39. [Ivanova M., Balaev A., Gurvich E. (2017). Implications of higher retirement age for the labor market. *Voprosy Ekonomiki*, No. 3, pp. 22–39. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-3-22-39>
- ИНИП РАН (2020). Прогноз индикаторов экономики РФ: 2020–2023 гг. (Квартальный прогноз № 47). М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. [IEF RAS (2020). *The forecast of main indicators of the Russian economy: 2020–2023* (Quarterly forecast No. 47). Moscow: The Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences. (In Russian).]
- ИЭП (2018). Российская экономика в 2017 году. Тенденции и перспективы. Вып. 39. М.: Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара. [IEP (2018). *Russian economy in 2017. Trends and outlooks*, Iss. 39. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy. (In Russian).]
- ИЭП (2020). Российская экономика в 2019 году. Тенденции и перспективы. Вып. 41. М.: Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара. [IEP (2020). *Russian economy in 2019. Trends and outlooks*, Iss. 41. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy. (In Russian).]
- Капельюшников Р. И. (2006). Занятость в домашних хозяйствах населения // Нестандартная занятость в российской экономике / Под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капельюшникова. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ. С. 224–280. [Kapeliushnikov R. I. (2006). Employment in households. In: V. E. Gimpelson, R. I. Kapeliushnikov (eds.). *Atypical employment in the Russian economy*. Moscow: HSE Publ., pp. 224–280. (In Russian).]
- Кондрашов Н. (2020). Макроэкономика. Апрель — дно, да не во всем // Комментарии о государстве и бизнесе. № 286. М.: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. [HSE Centre of Development Institute (2020). Macroeconomics. April is the bottom, but not everywhere. *Comments on Government and Business Activities*, No. 286. Moscow: HSE Centre of Development Institute. (In Russian).] <https://dcenter.hse.ru/mon/71896859/370033721.html>

- Корнаи Я., Маскин Э., Ролан Ж. (2004). Осмысливая феномен мягких бюджетных ограничений // Вопросы экономики. № 11. С. 4–33. [Kornai J., Maskin E., Roland G. (2004). Understanding the soft budget constraint. *Voprosy Ekonomiki*, No. 11, pp. 4–33. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-11-4-33>
- Ксенофонтов М. Ю., Милякин С. Р. (2018). Процесс автомобилизации и определяющие его факторы в ретроспективе, настоящем и будущем // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 92–105. [Ksenofontov M. Yu., Milyakin S. R. (2018). The motorization process and its determining factors in retrospect, present and future. *Problemy Prognozirovaniya*, No. 4, pp. 92–105. (In Russian).]
- Ксенофонтов М. Ю., Ползиков Д. А., Гольденберг И. А., Ситников П. В. (2018). Методологические проблемы формирования концепции продовольственной безопасности в России // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 127–136. [Ksenofontov M. Yu., Polzikov D. A., Goldenberg I. A., Sitnikov P. V. (2018). Methodological problems of the formation of the concept of food security in Russia. *Problemy Prognozirovaniya*, No. 5, pp. 127–136. (In Russian).]
- Кудрин А., Соколов И. (2017). Бюджетные правила как инструмент сбалансированной бюджетной политики // Вопросы экономики. № 11. С. 5–32. [Kudrin A., Sokolov I. (2017). Fiscal rules as an instrument of balanced budget policy. *Voprosy Ekonomiki*, No. 11, pp. 5–32. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-11-5-32>
- Мау В. А. (2019). Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018–2019 гг. // Вопросы экономики. № 3. С. 5–28. [Mau V. A. (2019). National goals and model of economic growth: New in the Russian socio-economic policy of 2018–2019. *Voprosy Ekonomiki*, No. 3, pp. 5–28. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-3-5-28>
- Милякин С. Р. (2019). Технологические сдвиги и их влияние на матрицу коэффициентов прямых затрат: эконометрический подход // Актуальные вопросы экономики и социологии: Сб. статей по материалам XV Осенней конференции молодых ученых в новосибирском Академгородке / Под ред. О. В. Тарасовой, Н. О. Фурсенко. Новосибирск. С. 550–559. [Milyakin S. R. (2019). Technological shifts and their impact on the matrix of direct cost coefficients: An econometric approach. In: O. V. Tarasova, N. O. Fursenko (eds.). *Actual issues of economics and sociology*. Proceedings of the XV Autumn conference of young scientists in Novosibirsk Akademgorodok. Novosibirsk, pp. 550–559. (In Russian).]
- Мисихина С. (2020). Население. Оценка падения доходов населения во втором квартале 2020 г.: что меняют новые данные в области занятости, зарплат и доходов, а также новые меры поддержки // Комментарии о государстве и бизнесе. № 284. М.: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. [Misikhina S. (2020). Households. Estimation of fall in household income in the second quarter of 2020: What new data about employment, wages and income, as well as new support measures change. *Comments on Government and Business Activities*, No. 284. Moscow: HSE Centre of Development Institute. (In Russian).] <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/369947599.pdf>
- Морозкина А. К. (2019). Национальные институты развития и бюджетные риски: международная и российская практика // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 175–192. [Morozkina A. K. (2019). National development institutions and budget risks: International and Russian practice. *Public Administration Issues*, No. 3, pp. 175–192. (In Russian).]
- Порфирьев Б. Н. (2019). Экономическое измерение климатического вызова устойчивому развитию России // Вестник Российской академии наук. Т. 89, № 4. С. 400–407. [Porfiriev B. N. (2019). Economic dimension of the climate challenge to Russia's sustainable development. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*, Vol. 89, No. 4, pp. 400–407. (In Russian).] <https://doi.org/10.31857/S0869-5873894400-407>

- Пухов С. (2020). Мировая экономика. Опережающие индикаторы: COVID-рецессия // Комментарии о государстве и бизнесе. № 287. М.: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. [Pukhov S. (2020). World economy. Leading indicators: COVID recession. *Comments on Government and Business Activities*, No. 287. Moscow: HSE Centre of Development Institute. (In Russian).] <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/371707048.pdf>
- Радыгин А. Д., Энтов Р. М., Абрамов А. Е., Чернова М. И., Мальгинов Г. Н. (2019). Приватизация: 30 лет спустя. М.: Дело. [Radygin A. D., Entov R. M., Abramov A. E., Chernova M. I., Malginov G. N. (2019). *Privatization: 30 years later*. Moscow: Delo. (In Russian).]
- Савин И. В., Мариев О. С., Пушкарев А. А. (2020). Оценка рыночного отбора в России: когда размер (фирмы) имеет значение // Вопросы экономики. № 2. С. 101–124. [Savin I. V., Mariev O. S., Pushkarev A. A. (2020). Measuring the strength of market selection in Russia: When the (firm) size matters. *Voprosy Ekonomiki*, No. 2, pp. 101–124. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-2-101-124>
- Саяпова А. Р., Шилов А. А. (2019). Основы метода затраты–выпуск. М.: Макс Пресс. [Sayarova A. R., Shirov A. A. (2019). *Fundamentals of the input–output method*. Moscow: Maks Press. (In Russian).]
- Симачев Ю. В., Кузык М. Г., Федюнина А. А., Юревич М. А., Зайцев А. А. (2020). Факторы роста производительности труда на предприятиях несырьевых секторов российской экономики. М.: НИУ ВШЭ. [Simachev Yu. V., Kuzyk M. G., Fedyunina A. A., Yurevich M. A., Zaitsev A. A. (2020). *Growth factors of labor productivity at enterprises of non-primary sectors of the Russian economy*. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- Смирнов С. (2020a). Консенсус-прогноз. Опрос профессиональных прогнозистов: перерыв постепенности // Комментарии о государстве и бизнесе. № 269. М.: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. [Smirnov S. (2020a). Consensus-forecast. Survey of professional forecasters: A break in gradualness. *Comments on Government and Business Activities*, No. 269. Moscow: HSE Centre of Development Institute. (In Russian).] <https://dcenter.hse.ru/data/2020/04/09/1554554589/Cf-2020-04.pdf>
- Смирнов С. (2020b). Консенсус-прогноз. Опрос профессиональных прогнозистов: умеренный пессимизм // Комментарии о государстве и бизнесе. № 276. М.: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. [Smirnov S. (2020b). Consensus-forecast. Survey of professional forecasters: Moderate pessimism. *Comments on Government and Business Activities*, No. 276. Moscow: HSE Centre of Development Institute. (In Russian).] <https://dcenter.hse.ru/data/2020/05/18/1548809003/Cf-2020-Q2.pdf>
- Центр развития (2020). Сценарный прогноз макроэкономической динамики и доходов населения до 2024 г. Апрель. М.: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. [HSE Centre of Development Institute (2020). *Scenario forecast: Macroeconomic dynamics and household income until 2024*, April. Moscow. (In Russian).] https://dcenter.hse.ru/data/2020/05/20/1548209626/DC%20HSE%20-%20forecast_macro_hh_income__2020_04.pdf
- Шилов А. А., Потапенко В. В. (2018). Рынок труда и качество человеческого капитала // ЭКО. № 2. С. 18–34. [Shirov A. A., Potapenko V. V. (2018). Labor market and the quality of human capital. *EKO*, No. 2, pp. 18–34. (In Russian).]
- Шилов А. А., Янговский А. А. (2014). Межотраслевая макроэкономическая модель как ядро комплексных прогнозных расчетов // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 18–31. [Shirov A. A., Yantovsky A. A. (2014). Input–output macroeconomic model as the core of complex forecasting calculations. *Problemy Prognozirovaniya*, No. 3, pp. 18–31. (In Russian).]
- Шилов А. А., Янговский А. А. (2017). Межотраслевая макроэкономическая модель RIM – развитие инструментария в современных экономических условиях // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 3–18. [Shirov A. A., Yantovsky A. A. (2017). RIM interindustry macroeconomic model: Development of instruments under current economic conditions. *Problemy Prognozirovaniya*, No. 3, pp. 3–18. (In Russian).]

- Asturias J., Hur S., Kehoe T. et al. (2019). Firm entry and exit and aggregate growth. *NBER Working Paper*, No. 23202. <https://doi.org/10.26509/frbc-wp-201903>
- Baum A., Hackney C., Medas P. et al. (2019). Governance and state-owned enterprises: How costly is corruption? *IMF Working Paper*, No. WP/19/253.
- Bogetic Z., Olusi O. (2013). Drivers of firm-level productivity in Russia's manufacturing sector. *World Bank Policy Research Working Paper*, No. WPS6572. <https://doi.org/10.1596/1813-9450-6572>
- Brandt L., Van Biesebroeck J., Zhang Y. (2012). Creative accounting or creative destruction? Firm-level productivity growth in Chinese manufacturing. *Journal of Development Economics*, Vol. 97, pp. 339–351. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2011.02.002>
- Dabrowski M. (2019). Factors determining Russia's long-term growth rate. *Russian Journal of Economics*, Vol. 5, No. 4, pp. 328–353. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.5.49417>
- Foster L., Haltiwanger J., Krizan C. (2001). Aggregate productivity growth: Lessons from microeconomic evidence. In: C. R. Hulten, E. R. Dean, M. J. Harper (eds.). *New developments in productivity analysis*. Chicago: University of Chicago Press, pp. 303–372.
- Guillimet Y., Turner D. (2018). *The long view: Scenarios for the world economy to 2060*. Paris: OECD.
- Gurvich E., Prilepskiy I. (2019). Western sanctions and Russian responses: Effects after three years. In: T. Becker, S. Oxenstierna (eds.). *The Russian economy under Putin*. Oxon: Routledge, pp. 30–47.
- Hsieh C., Song Z. (2015). Grasp the large, let go of the small: The transformation of the state sector in China. *NBER Working Paper*, No. 21006. <https://doi.org/10.3386/w21006>
- IMF (2020). *World economic outlook, April 2020: The great lockdown*. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Jorgenson D. W. (2018). Production and welfare: Progress in economic measurement. *Journal of Economic Literature*, Vol. 56, No. 3, pp. 867–919. <https://doi.org/10.1257/jel.20171358>
- Lam W., Rodlauer M., Schipke A. (eds.) (2017). *Modernizing China. Investing in soft infrastructure*. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Lin J. Y., Tan G. (1999). Policy burdens, accountability and soft budget constraint. *American Economic Review*, Vol. 89, No. 2, pp. 426–431. <https://doi.org/10.1257/aer.89.2.426>
- Nassif A., Feijo C., Araujo E. (2016). Structural change, catching up and falling behind in the BRICS: A comparative analysis based on trade patterns and Thirlwall's law. *PSL Quarterly Review*, Vol. 69, No. 278, pp. 373–421.
- Okawa Y., Sanghi A. (2018). Potential growth outlook and options for the Russian Federation. *World Bank Policy Research Working Paper*, No. 8663. <https://doi.org/10.1596/1813-9450-8663>
- Phi N., Taghizadeh-Hesary F., Tu C. et al. (2019). Performance differential between private and state-owned enterprises: An analysis of profitability and leverage. *ADB Working Paper*, No. 950. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3470070>
- Shaheer N., Jingtao Y., Sali L. et al. (2019). State-owned enterprises as bribe payers: The role of institutional environment. *Journal of Business Ethics*, Vol. 159, pp. 221–238. <https://doi.org/10.1007/s10551-017-3768-z>
- Shirov A., Kolpakov A. (2019). *Macroeconomic impact of the energy technologies changes in Russia: Input–output approach*. Unpublished manuscript. https://www.iioa.org/conferences/27th/papers/files/3616_20190430051_Shirov,Kolpakov_IIOA2019FullPaper.pdf
- Solow R. M. (1956). A contribution to the theory of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 70, No. 1, pp. 65–94. <https://doi.org/10.2307/1884513>
- Tovar-García E., Carrasco C. (2019). The balance of payments and Russian economic growth. *HSE Economic Journal*, Vol. 23, No. 4, pp. 524–541. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2019-23-4-524-541>

- Voskoboynikov I. B. (2012). New measures of output, labor and capital in industries of the Russian economy. *GGDC Working Papers*, No. GD-123. Groningen Growth and Development Centre, University of Groningen.
- Voskoboynikov I. B. (2017). Sources of long run economic growth in Russia before and after the global financial crisis. *Russian Journal of Economics*, Vol. 3, No. 4, pp. 348–365. <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.12.003>
- World Bank (2020). *Global economic prospects, June 2020*. Washington, DC.
-

**The prospects of Russian economic growth recovery
(Proceedings of the roundtable discussion at
the XXI April international academic conference on
economic and social development)**

Participants: Natalia V. Akindinova¹, Marek P. Dabrowski^{1,2,3},
Alexander A. Shirov⁴, Dmitry R. Belousov^{4,5},
Iliya B. Voskoboynikov¹, Evsey T. Gurvich^{6,7,*}

Participants affiliation: ¹National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); ²Bruegel (Brussels, Belgium);

³CASE — Center for Social and Economic Research (Warsaw, Poland);

⁴Institute of Economic Forecasting, RAS (Moscow, Russia);

⁵Center for Macroeconomic Analysis and Short-term Forecasting (Moscow, Russia);

⁶Economic Expert Group (Moscow, Russia); ⁷Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation (Moscow, Russia).

*Corresponding author, email: egurvich@eeg.ru

The issues to be discussed at the panel included: can past experience of economy recovery following crises of 1998 and 2008 be helpful at present; what sectors were driving growth of the Russian economy in the last decade, and are they able to perform this role in the future; what growth rate is feasible in 2021; what amendments to the national projects aimed at boosting growth are likely. In addition to that the panel participants specified key factors affecting productivity and output trends in Russia, suggested ways to support economy in the course of “coronacrisis”, and pointed out to economic policy measures that could accelerate economic growth.

Keywords: economic growth, long-term growth factors, labor productivity, structural changes, economic policy.

JEL: E6, H11, O1, O4, P4.

Стратегия низкоуглеродного развития российской экономики

И. А. Башмаков

Центр энергоэффективности – XXI век (Москва, Россия)

В статье представлены основные результаты сценарных прогнозных расчетов, составивших базу для разработки Стратегии долгосрочного развития экономики Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, включая анализ возможного национального вклада России в сфере контроля за выбросами парниковых газов, оценку затрат, выгод и влияния на ВВП. Низкоуглеродная трансформация экономики России представлена как потенциальный драйвер экономического роста со значительным потенциалом рыночных ниш для низкоуглеродной продукции к середине века. Альтернативы переходу на низкоуглеродную модель роста экономики мира нет. Отставание в этой технологической гонке означает угрозу безопасности и технологической отсталости России.

Ключевые слова: низкоуглеродное развитие, низкоуглеродные технологии, парниковые газы, Парижское соглашение, экономический рост.

JEL: E17, O1, O4, Q3, Q4, Q5.

Введение

В 2020 г. российское правительство подготовило проект Стратегии долгосрочного развития экономики Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года (далее – Стратегия; Правительство РФ, 2020). При ее разработке возникли объективные и субъективные трудности. Это первый стратегический документ России с таким далеким горизонтом планирования. Временной горизонт всех остальных стратегий заканчивается в 2030–2035 гг., а разработанного МЭР (2018) Прогноза долгосрочного социально-экономического развития России – в 2036 г. Практика формирования официальных прогнозов развития экономики или ее секторов

Башмаков Игорь Алексеевич (bashmako@co.ru), д. э. н., генеральный директор ЦЭНЭФ-XXI.

на перспективу 30 лет в России появилась благодаря требованию Парижского соглашения.

Принятые в Стратегии ориентиры по контролю за выбросами парниковых газов (ПГ) — удержание в 2030 г. нетто-выбросов ПГ на уровне на 33% ниже значения 1990 г. — более амбициозны, чем объявленные в 2015 г. в Париже — удержание выбросов на уровне на 25–30% ниже значения 1990 г., но менее, чем предложения, подготовленные большой группой российских ученых в обосновывающих материалах к ней¹. При разработке низкоуглеродных стратегий многие страны выявляют траектории движения к сформулированной амбициозной цели по контролю за выбросами. Например, Великобритания первой из крупных экономик приняла в 2019 г. закон о достижении углеродной нейтральности к 2050 г. В таких случаях задача решается методом бэк-кастинга — обратного прогноза с выявлением возможных (разных) траекторий движения к установленной цели в будущем из нынешнего состояния. Для таких условий выбор цели наиболее важен. Меры политики становятся производными от него, а их набор может меняться по мере выявления эффективности одних и проблем с реализацией других.

В России практически нет подобного опыта долгосрочного прогнозирования. К субъективным сложностям формирования таких документов можно отнести: культурную особенность России — слабую ориентацию на будущее (поиск выходов на новые рынки) при стремлении удержать то, что есть (борьба влиятельного крупного бизнеса за сохранение традиционных рынков) (Башмаков, 2008); инерционность мышления и слабую уверенность в возможности существенных изменений; нехватку знаний, смелости, фантазии и инициативы, а также зашоренное видение будущего начальством, которое сопротивляется переменам, опасается экспериментов, не владеет навыками социального обучения и не хочет знать истинное положение дел. Отчасти это также отражает ограниченный опыт управления процессами масштабных социально-экономических трансформаций и опасение лишиться рычагов управления (Burch et al., 2014).

Определенная осторожность правительства объясняется отсутствием значимого общественного запроса на изменение политики в направлении низкоуглеродного развития, хотя большинство россиян (52%; Львов, 2020) верят в серьезность проблемы глобального потепления (несмотря на ограниченность адекватной информации). Еще более значима другая причина: в России важную роль в принятии решений играет крупный бизнес, который преимущественно старается удержать или расширить ниши на традиционных рынках, масштабы которых снижаются по мере низкоуглеродной трансформации мировой экономики.

¹ЦЭНЭФ-XXI. Основные направления стратегии долгосрочного развития экономики Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. Шифр темы: 0501-13-19. В работе принимали участие ученые широкого круга специальностей: д. э. н. И. А. Башмаков, В. И. Башмаков, к. т. н. К. Б. Борисов, В. Ю. Вертянкина, к. г. н. В. А. Гинзбург, И. Л. Говор, д. т. н. Т. В. Гусева, М. Г. Дзедзичек, к. т. н. В. В. Донченко, д. б. н. Д. Г. Замолодчиков, к. т. н. А. А. Лунин, д. физ.-мат. н. В. М. Катцов, к. т. н. А. Е. Копылов, к. б. н. В. Н. Коротков, к. т. н. В. И. Ливчак, к. э. н. И. А. Макаров, А. Д. Мышак, к. т. н. О. В. Лебедев, к. т. н. В. Н. Папушкин, д. м. н. Б. А. Ревич, д. т. н. Ю. В. Трофименко и д. г. н. Е. А. Шварц.

Хотя технологическая гонка в сфере низкоуглеродных технологий уже в разгаре, Россия в значительной степени не готова к решению ни экологических, ни экономических проблем. В рамках совместного проекта Международного дискуссионного клуба «Валдай» и ВЦИОМ (2019) сформирован «Индекс готовности к будущему» среди стран G20. По направлению «Ресурсы и экология» Россия находилась на 19–20-м месте, а по направлению «Технологии» — на 12-м.

Россия уже затормозила глобальное потепление на один год

В 1990–2018 гг. нетто-выбросы ПГ России (разность выбросов и стоков) от всех секторов снизились на 48% — с 3110 млн т CO₂-экв. до 1630 млн т². Основной вклад в изменение выбросов ПГ в России в этот период внесли два сектора: «энергетика»³ и «землепользование, изменения в землепользовании и лесное хозяйство (ЗИЗИЛХ)». В 1990–2018 гг. динамика выбросов ПГ различалась: в секторе «энергетика» они снизились на 32%, до 1753 млн т CO₂-экв.; «промышленные процессы и использование продукции»⁴ — на 14%, до 243 млн т; «сельское хозяйство» — на 54%, до 127 млн т; «отходы» — выросли на 65%, до 98 млн т CO₂-экв. Стоки в секторе ЗИЗИЛХ выросли на 658% — до 591 млн т CO₂-экв. (ИГКЭ, 2020). В 1990–2000 гг. главным драйвером падения выбросов был сектор «энергетика», в котором они уменьшились на 41%, затем динамика нетто-выбросов определялась существенным ростом стоков в секторе ЗИЗИЛХ.

В динамике нетто-выбросов ПГ России в 1990–2018 гг. можно выделить три фазы: резкое снижение при падении ВВП (1990–1998 гг.); стабилизацию при динамичном росте ВВП (1999–2008 гг.) и застойную динамику после 2008 г. (рис. 1). Выбросы ПГ происходят во всех видах экономической деятельности, поэтому практически все меры политики, реализованные с 1990 г., оказали прямое или косвенное влияние на их динамику. Существует широкий перечень «рамочных», или «фоновых», мер политики, которые либо прямо обеспечивают значительное сокращение выбросов ПГ (в качестве побочного эффекта), либо создают условия для эффективной работы других мер политики.

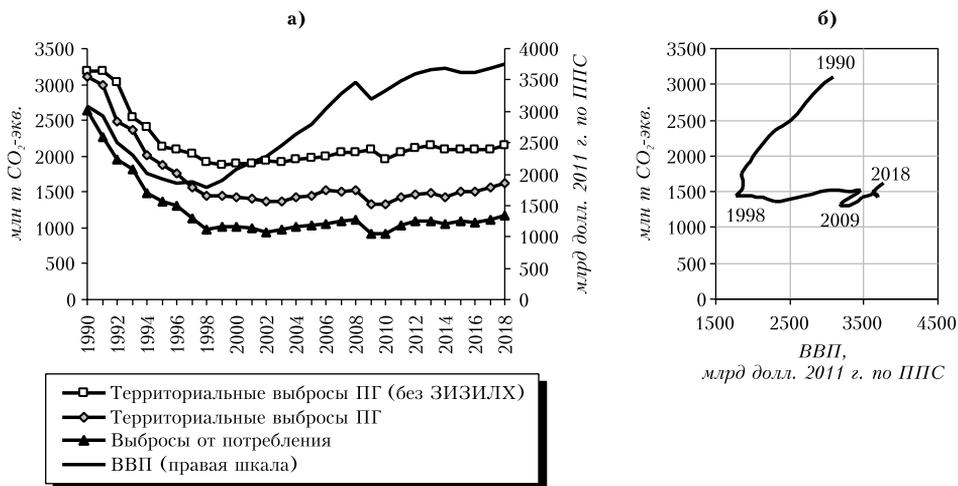
Радикальные рыночные реформы в России в 1990-е годы, включая приватизацию государственных и закрытие неэффективных предприятий, либерализацию цен, торговли, рынков энергии, демилитаризацию и снижение уровня монополизации экономики, структурные и налоговые реформы, сначала привели к падению как ВВП, так и выбросов ПГ. Без

² При подготовке национальных сообщений проводится пересмотр методики расчетов выбросов и стоков ПГ, которые касаются всего временного периода с 1990 г. Если по данным инвентаризации 2015 г. снижение нетто-выбросов ПГ в 1990–2013 гг. составило 43%, то по данным последней инвентаризации (2019 г.) — уже 54%.

³ Все виды деятельности, связанные с добычей, переработкой, транспортом и сжиганием топлива во всех секторах экономики.

⁴ Основными источниками выбросов от промышленных процессов выступают производство клинкера, аммиака, стали, чугуна и алюминия.

Суммарные показатели выбросов парниковых газов и ВВП Российской Федерации в 1990–2018 гг.

Источники: а) рассчитано ЦЭНЭФ-XXI на основе данных Росстата и ИГКЭ (2020); б) Ritchie, Roser, 2020.

Рис. 1

учета ЗИЗИЛХ выбросы практически стабилизировались после 1996 г. За счет ЗИЗИЛХ они снижались еще до 1998 г. и только затем стабилизировались. «Углеродный след» России (выбросы от потребления товаров и услуг на территории страны) также практически стабилизировался после 1998 г. Существенное падение выбросов ПГ до 1998 г. было следствием сокращения экономической активности. Многие зарубежные эксперты пренебрежительно называли такое снижение «горячим воздухом». Опыт России в 1990-е годы показал, что уменьшение выбросов ПГ за счет падения ВВП — экономически очень затратная мера. Россия заплатила самую высокую цену за снижение выбросов ПГ в 1990-е годы (400–870 долл./т CO₂-экв.). Вызванный коронавирусом экономический спад дает сходный эффект заметного снижения выбросов ПГ за счет «горячего воздуха»⁵, за что приходится платить высокую цену в виде потерь ВВП, но уже в глобальном масштабе.

Последующая стабилизация выбросов ПГ при росте ВВП, близком к удвоению, в 1999–2008 гг. (декаплинг, разрыв между экономическим ростом и динамикой выбросов) стала итогом именно рыночных реформ 1990-х годов, которые, как и все институциональные реформы, дали эффект с лагом — в первом десятилетии XXI в. В 1999–2008 гг. Россия продемонстрировала способность сохранять стабильные выбросы ПГ при очень высоких темпах экономического роста. Главным фактором декаплинга было повышение энергоэффективности, в том числе за счет перестройки структуры экономики в пользу сферы услуг. Динамично развивалась низкоуглеродная (АЭС и ГЭС) и эффективная газовая генерация (парогазовые установки, ПГУ), что позволило снизить удель-

⁵ По оценкам МЭА, выбросы CO₂ от сектора «энергетика» в 2020 г. упадут на 8% — до уровня 2010 г. (IEA, 2020a).

ные выбросы ПГ на электростанциях. С 1990 г. площадь пахотных угодий сократилась на 30%, а объемы продукции сельского хозяйства в 2018 и 1990 гг. были примерно равными. Снижение выбросов ПГ в сельском хозяйстве происходило во всех его подсекторах, но наибольшее наблюдалось по двум источникам: «внутренняя ферментация животных» и «выбросы от сельскохозяйственных почв». Структурные сдвиги способствовали снижению выбросов, поскольку более углеродоемкие секторы росли медленнее, чем отрасль в целом. Сектор «отходы» стал единственным, где выбросы ПГ превысили уровень 1990 г. на 65%. Принимаемые сегодня меры политики по управлению отходами запоздали на 10–20 лет. Леса выступили основным поглотителем углерода за счет снижения их рубки в три раза в 1992–1998 гг.

После 2008 г. стала формироваться ситуация, больше характерная для 1990-х годов. Динамика выбросов ПГ начала следовать за колебаниями экономической активности при существенном ухудшении реализации мер политики (особенно в сфере повышения энергоэффективности; Башмаков, 2018b) и ослаблении их влияния на динамику выбросов ПГ⁶.

При смене фаз динамики выбросов ПГ они были устойчиво и заметно ниже уровня 1990 г. Россия внесла самый существенный вклад в кумулятивное снижение выбросов в 1990–2018 гг. относительно уровня 1990 г. — 41,5 млрд т CO₂-экв., что превышает суммарный вклад 28 стран ЕС, годовой глобальный объем выбросов CO₂ и близко к годовому объему глобальных выбросов всех ПГ в секторе «энергетика». Суммарное кумулятивное снижение выбросов от продуктов, работ и услуг, потребляемых на территории России, в 1990–2018 гг. относительно уровня 1990 г. превысило 46 млрд т CO₂-экв., а к концу 2019 г. достигло 48 млрд т. Это означает, что только Россия задержала процесс глобального потепления почти на один год.

Инструменты прогнозирования

Прогнозные расчеты на перспективу до 2050 г. проводились на системе взаимосвязанных имитационных моделей («облако»). Она построена вокруг центральной многосекторной модели ENERGYBAL-GEM-2050⁷. Многие параметры этой модели определяются с помощью детальных секторных моделей. В состав «облака» вошли модели ЦЭНЭФ-XXI: макроэкономическая модель RUS-DVA-2050 (Башмаков, 2011); отдельные модели для электро- и теплоэнергетики; промышленности, транспорта; жилых и общественных зданий (Башмаков, 2016а). Преимущество этого «облака» моделей — интеграция макроэкономического (сверху вниз) и инженерного (снизу вверх) подходов к прогнозированию (за счет обмена входной и выходной информацией моделей), что позволяет подробно анализировать сценарии перспективных взаимосвязанных продуктовых и технологических сдвигов с учетом макроэкономических ограничений на скорость их проявления. Кроме того, использовались разработанная ЦЭПЛ РАН модель РОБУЛ-М (Замолодчиков и др., 2017); модель ИГКЭ РАН для сектора ЗИЗИЛХ (разработана В. Н. Коротковым⁸); модель МАДИ для автомобильного транспорта (разработана под руководством Ю. В. Трофименко). Для секторов «сельское хозяйство»

⁶ В 2009–2018 гг. коэффициент эластичности нетто-выбросов ПГ по ВВП составил 1,3.

⁷ Концепция этой модели подробно описана в: Башмаков, 2009, 2013.

⁸ Аппарат, использованный В. Н. Коротковым и В. Ю. Вертянкиной, кратко описан в: Romanovskaya et al., 2019.

и «отходы» оценки ЦЭНЭФ-XXI сопоставлялись с имеющимися до 2024 г. оценками экспертов ИГКЭ (В. Ю. Вертянкиной и И. Л. Говор). Параметры всех моделей были откалиброваны по данным последней инвентаризации ПГ (ИГКЭ, 2020).

Базовый сценарий

Сценарные условия базового варианта прогноза опираются на Прогноз долгосрочного социально-экономического развития России до 2036 г. и действующие документы стратегического планирования. ВВП России выходит к 2024 г. на темпы роста, близкие к среднемировым, увеличивается в 1,8 раза к 2036 г. и в 2,45 раза — к 2050 г. Такая задача кардинально отличается от той, что решалась в последние 30 лет, когда ВВП России вырос только на 30%. За следующие 30 лет — до 2050 г. — Россия должна добавить к нынешней экономике еще одну, по масштабам превышающую ее в 1,5 раза. Прогноз МЭР до 2036 г. — самый оптимистичный среди прочих долгосрочных прогнозов развития экономики России (OECD, 2017; Pardee Center, 2020; PwC, 2017; EIA, 2019; IEA, 2019; Башмаков, 2011; Laitner et al., 2020).

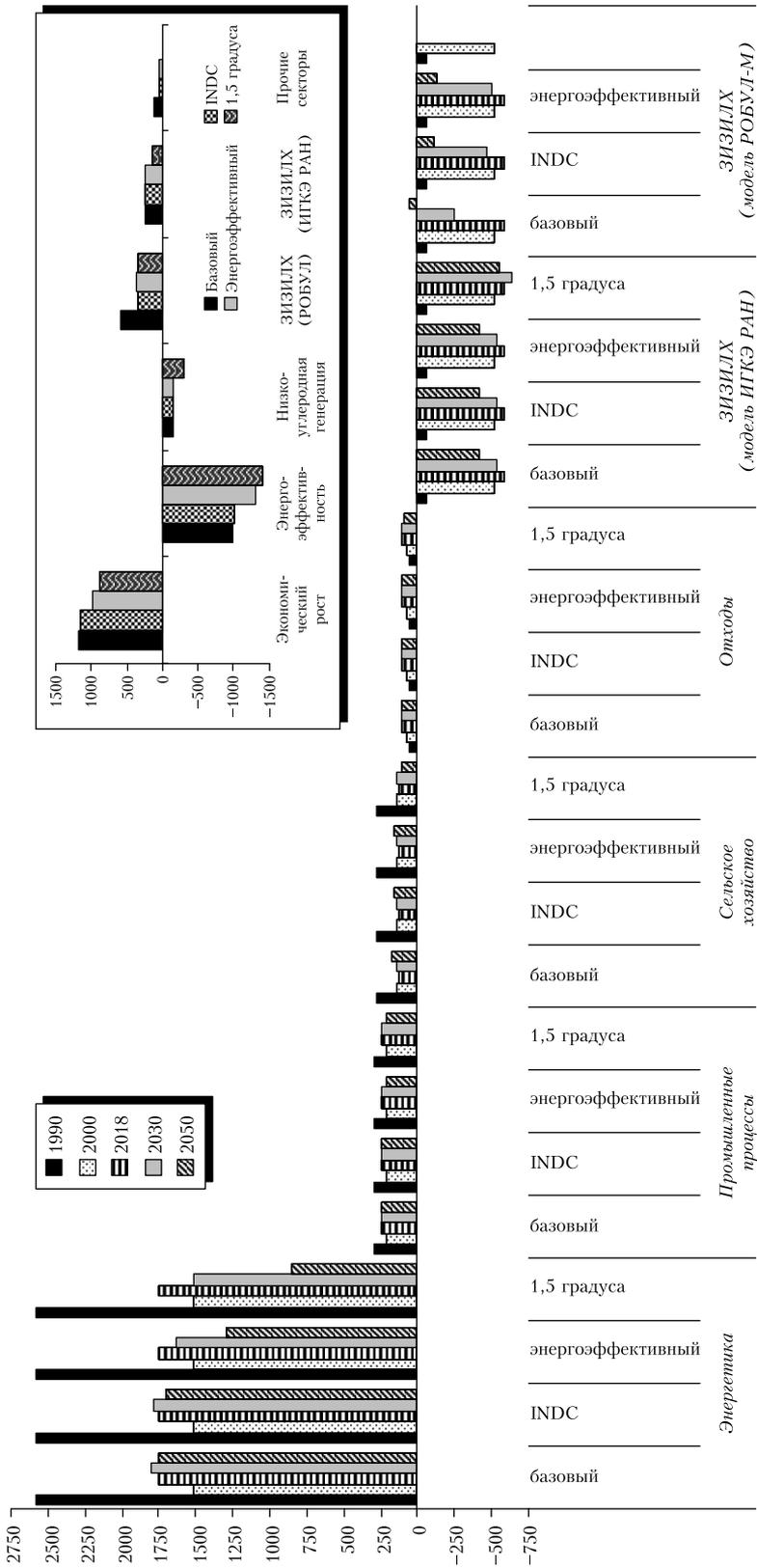
В базовом сценарии сделано допущение, что работают только принятые меры политики стимулирования низкоуглеродного развития, в том числе в сферах повышения энергоэффективности, развития АЭС, ГЭС, ВИЭ, структурной перестройки и общего повышения эффективности российской экономики, управления отходами, развития сельского и лесного хозяйства. В промышленности процессы замены старых мощностей происходят умеренными темпами и преимущественно на основе не самых лучших зарубежных технологий, а заметно уступающих им, определенных в информационно-технических справочниках по наилучшим доступным технологиям (НДТ) (Госсовет, 2016).

К 2030 г. выбросы ПГ от сектора «энергетика» растут на 3%, а к 2050 г. оказываются на 1% ниже уровня 2018 г., и он остается основным источником выбросов ПГ (рис. 2). Выбросы от промышленных процессов сохраняются на уровне 2018 г. до 2030 г., а затем растут на 17% к 2050 г.; от сельского хозяйства — растут на 12% к 2030 г. и на 28% к 2050 г.; от сектора «отходы» — на 11% к 2030 г. и на 33% к 2050 г. за счет разложения уже накопленных твердых и жидких отходов даже при условии снижения объемов их поступления на полигоны. Без учета сектора ЗИЗИЛХ динамика выбросов ПГ во многом определяется в секторах «промышленные процессы», «сельское хозяйство» и «отходы».

При развитии по базовому сценарию и негативном варианте динамики стоков в секторе ЗИЗИЛХ задача по ограничению выбросов к 2030 г. 67% от значения 1990 г. выполняется с небольшим запасом и не выполняется без учета этого сектора (рис. 3). Выбросы в секторе «энергетика» превышают 67% от уровня 1990 г. С учетом всех прочих секторов (кроме ЗИЗИЛХ) траектория выбросов в 2030 г. также не укладывается в это ограничение.

Выполненные Д. Замолотчиковым и др. (2014, 2017) расчеты как на российской модели РОБУЛ-М, так и на канадской модели

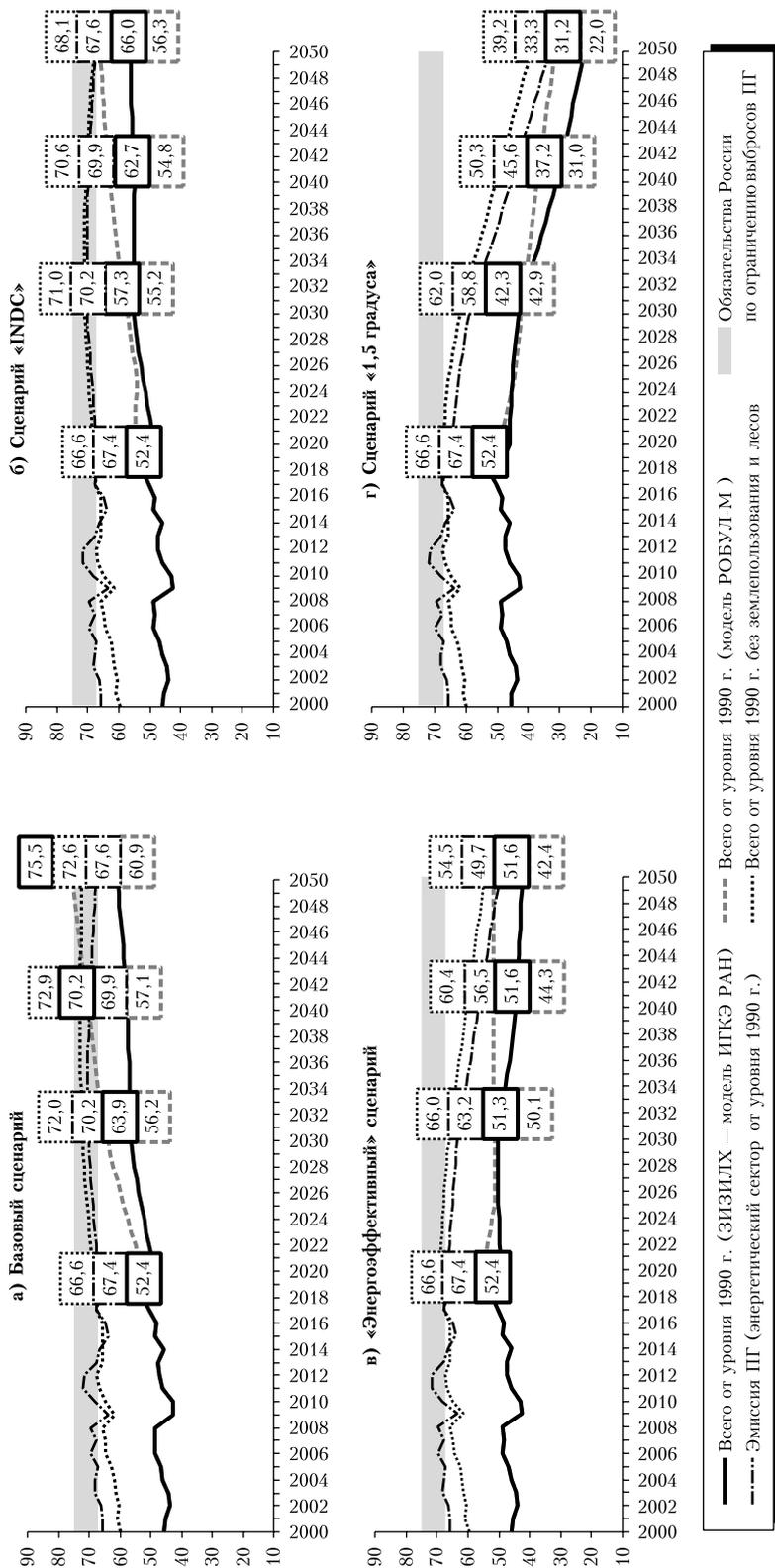
Объем выбросов и стоков парниковых газов по секторам и факторам для четырех сценариев (млн т CO₂-экв.)

Источники: данные за 2000–2017 гг. — ИГКЭ, 2020; прогнозные оценки — ЦЭНЭФ-XXI; по сектору ЗИЗИЛХ — оценки Д. Г. Замолодчикова на модели РОБУЛ-М и В. Н. Короткова на модели ИГКЭ РАН.

Рис. 2

Антропогенные нетто-выбросы парниковых газов во всех секторах для разных сценариев (в % от уровня 1990 г.)

Источники: данные за 2000–2018 гг. — ИГКЭ, 2020; прогнозные оценки — ЦЭНЭФ-ХХI; по сектору ЗИЗИЛХ — оценки Д. Г. Замолотчикова на модели РОБУЛ-М и В. Н. Короткова на модели ИГКЭ РАН.

Рис. 3

СВМ-CFS показывают, что при развитии по базовому сценарию к 2050 г. в России стоки углерода в лесах могут заметно сократиться. Другими словами, сектор, на который возлагают большие надежды, может стать главным фактором роста нетто-выбросов ПГ. Расчеты на модели ИГКЭ РАН также показывают снижение стоков, но менее существенное (см. рис. 2).

Снижение стоков происходит на фоне динамичного роста ВВП по традиционной модели. Поэтому неудивительно, что при развитии по базовому сценарию не удастся не только снизить, но даже стабилизировать нетто-выбросы ПГ из всех источников. В 2018–2030 гг. они растут на 11–31%, а в 2018–2050 гг. — на 21–51%. Диапазон неопределенности обусловлен разными оценками возможной динамики стоков в секторе ЗИЗИЛХ.

Сценарий «INDC»

Задача сценария «INDC» — сформировать пакет мер в разных секторах, которые позволят гарантированно удерживать выбросы ПГ вплоть до 2050 г. на уровне ниже 67% от значения 1990 г. Дополнительные меры реализуются только в секторах «промышленные процессы и использование продукции», «сельское хозяйство», «отходы», ЗИЗИЛХ. В этом и последующих сценариях все макроэкономические условия принимаются на уровне базового.

Для стабилизации и последующего снижения выбросов ПГ в секторе «промышленные процессы и использование продукции» предполагается заключить *добровольные соглашения* правительства РФ и бизнеса или согласовать *планы декарбонизации*, позволяющие увеличить объемы производства горячебрикетированного и прямовосстановленного железа, что позволит снизить выбросы ПГ от производства чугуна и использования кокса; вводить новые мощности алюминиевых заводов с технологией «инертных» анодов; сократить долю клинкера в цементе за счет роста доли добавок, повысить долю улавливания и использования CO₂ при производстве аммиака и карбамида. Кроме того, предполагается существенно сократить в 2021–2036 гг. объем использования веществ, разрушающих озоновый слой, которые одновременно выступают мощными ПГ⁹.

В секторе «отходы» предполагается увеличить объем переработки твердых коммунальных отходов (ТКО) до 30% к 2030 г. с последующим ростом в среднем на 0,5% в год до 2050 г.; к 2030 г. полностью создать инфраструктуру и информационное обеспечение систем по раздельному сбору мусора, запустить административные (запрет) и экономические (залоговая стоимость пластиковой тары и др.) механизмы по ограничению использования одноразовой пластиковой упаковки и сокращению пищевых отходов для стабилизации объема вывоза отходов

⁹ Согласно Постановлению Правительства РФ от 25.03.2020 г. № 333 «О принятии Российской Федерацией поправки к Монреальскому протоколу по веществам, разрушающим озоновый слой».

на душу населения. Для торможения роста выбросов ПГ в сельском хозяйстве предполагается в животноводстве снизить поголовье коров за счет увеличения доли их высокопродуктивных пород, а в растениеводстве уменьшить запахивание растительных остатков и реализовать комплекс мер по их утилизации и использованию в качестве топлива или удобрений.

Для повышения стоков ПГ в секторе ЗИЗИЛХ предполагается внести изменения в организацию охраны лесов от пожаров в национальном масштабе в двух вариантах: распространение авиационной охраны на современную зону космомониторинга II уровня в 2021–2030 гг. равными площадями (по 10% в год); распространение авиалесоохраны на обе зоны космомониторинга в 2021–2030 гг. равными площадями (по 10% в год). Этот сценарий предполагает полный охват лесного фонда России авиационной охраной от пожаров, но требует значительных затрат.

При развитии по сценарию «INDC» рост нетто-выбросов ПГ остановить не удастся, но он ограничивается в 2018–2030 гг. 5–9%, а в 2018–2050 гг. — 8–26% (см. рис. 3). Выбросы от сектора «энергетика» растут на 2% к 2030 г., а к 2050 г. оказываются на 4% ниже уровня 2018 г.; от сектора «промышленные процессы» — практически замораживаются на уровне 230–240 млн т CO₂-экв. до 2050 г.; от сельского хозяйства — растут на 12% к 2030 г., и только затем происходит их торможение; от сектора «отходы» — на 4% к 2030 г., а к 2050 г. снижаются на 4% от уровня 2018 г. Нижняя граница оценки объема стоков ПГ в лесах увеличивается на 153 млн т CO₂-экв. (см. рис. 2).

«Энергоэффективный» сценарий

Задача «энергоэффективного» сценария — выявить возможности ограничить рост выбросов ПГ за счет реализации мер политики по повышению энергоэффективности во всех секторах экономики. Энергоемкость ВВП России в 2007–2018 гг. снизилась не более чем на 8% (МЭР, 2019), а по нашим оценкам, в 2008–2018 гг. она не снижалась совсем (Башмаков, 2018b). В «энергоэффективном» сценарии этот показатель должен снизиться в 2018–2036 гг. на 40% (32% в базовом сценарии) и на 58% к 2050 г. (48% в базовом сценарии).

Основные меры по повышению энергоэффективности в *электро- и теплоэнергетике* включают: долгосрочные целевые соглашения или планы декарбонизации; программу модернизации систем энергоснабжения изолированных районов; меры по стимулированию развития когенерации; строительство новых источников энергии с самыми высокими параметрами энергоэффективности; снижение доли потерь электрической и тепловой энергии до уровней технологических лидеров; обязательства по выполнению части производственных и инвестиционных программ энергоснабжающих компаний за счет покупки неэффективной энергии и мощности у потребителей (схема энергоэффективных обязательств «белые сертификаты»); развитие бизнеса энергосервиса (ЭСКО) в сфере малой генерации, когенерации и др.; внедрение систем «умного

учета», повышение параметров стандартов энергоэффективности для типового генерирующего и электросетевого оборудования и ограничения на оборот их неэффективных образцов; разработку стандартизированных банковских продуктов для финансирования программы «Зеленая энергия»; создание системы сопоставления параметров энергоэффективности (бенчмаркинга).

В промышленности темпы замены оборудования повышены в два раза по сравнению с базовым сценарием. Средние показатели энергоэффективности в 2050 г. во всех отраслях достигают уровней наилучших на сегодня в мире технологий. Основные меры по повышению энергоэффективности *в промышленности* включают: программу «500-500» — *долгосрочные целевые соглашения по повышению энергоэффективности* или *планы декарбонизации* для 500 наиболее энергоемких предприятий, позволяющие получить суммарную экономию 500 млн т у. т. в 2021–2035 гг.; введение показателей энергоэффективности в состав обязательных при переходе на НДТ; стандартизацию типового промышленного оборудования; запуск схемы «белые сертификаты»; субсидирование разработки программ повышения энергоэффективности средними и малыми промышленными предприятиями; субсидирование или льготное налогообложение приобретения типового промышленного оборудования высоких классов энергоэффективности, стимулирование работы ЭСКО в сфере эксплуатации такого оборудования (электродвигатели, системы сжатого воздуха, пароснабжения, промышленного освещения); поддержку сертификации систем энергоменеджмента.

Основные меры по повышению энергоэффективности *на транспорте* включают: стандарты топливной экономичности новых автомобилей; стимулирование покупки автомобилей с низким удельным расходом топлива и электромобилей; госзакупки энергоэффективных транспортных средств; требования к городскому транспортному планированию, развитие мультимодальных транспортных систем и использование принципов «зеленой логистики», развитие систем общественного пассажирского транспорта, внедрение систем автоматического вождения, трансформацию транспортной политики государства в направлении перехода на модель устойчивой мобильности.

Основные меры по повышению энергоэффективности *в зданиях* включают: введение целевых требований по энергоэффективности; масштабное субсидирование из бюджета и льготное кредитование мер по повышению энергоэффективности при капитальном ремонте многоквартирных домов, повышение требований стандартов и совершенствование маркировки энергоэффективности бытовых энергопотребляющих установок; внедрение схем стимулирования работы ЭСКО в жилищной сфере. Реализация этих и других технологий и практик позволит снизить потребление энергии жилыми зданиями к 2050 г. при росте их площади почти в два раза (Башмаков, 2016а).

Только при развитии по «энергоэффективному» сценарию удастся начать снижать нетто-выбросы ПГ (см. рис. 3). В 2018–2030 гг. они уменьшаются на 2–5%, а к 2050 г. — на 19% при высоком уровне стоков в секторе ЗИЗИЛХ и на 1,5% — при низких стоках (см. рис. 2).

Сценарий «1,5 градуса»

Задача сценария «1,5 градуса»¹⁰ — выявить дополнительные возможности ограничения выбросов ПГ при сохранении принятых в базовом сценарии допущений о масштабах роста экономики. Доля выработки электроэнергии на безуглеродных источниках (АЭС, ГЭС, ВИЭ) к 2050 г. повышается до 62% против 41% в базовом сценарии за счет форсированного развития АЭС и ГЭС после 2030 г. Предполагается также, что будет сформулирована национальная цель по развитию ВИЭ — не ниже 8% от суммарной генерации к 2036 г. и 18% к 2050 г. — на основе допущения, что к 2030–2035 гг. экономика проектов ВИЭ серьезно улучшится, а цены на газ и уголь будут повышаться, в том числе за счет введения налога на углерод. Будут усовершенствованы оптовый и розничный рынки электрической энергии с переходом к рынку единой цены и повышением роли нерегулируемых двухсторонних договоров между поставщиками и покупателями, в том числе дающих возможность приобретать электроэнергию от источников с низким «углеродным следом». Системы тепло- и холодоснабжения будут постепенно трансформироваться в четвертое поколение и интегрироваться с другими системами энергоснабжения. Потенциальные крупные поставщики водорода и на внутренний, и на мировой рынки — «Газпром», «Росатом», «НОВАТЭК», «РусГидро» и др. — начнут активную реализацию мер, предусмотренных «Дорожной картой» развития водородной энергетики в России.

В промышленности *долгосрочные целевые соглашения по повышению энергоэффективности* будут заменены на *планы декарбонизации*. Меры по интеграции параметров повышения эффективности использования материалов и утилизации вторичных ресурсов получат дальнейшее развитие и будут встроены в бизнес-модели. Меры по стимулированию технического прогресса в отношении снижения среднего веса продукции, сокращения доли производственного лома и роста утилизации амортизационного приведут к уменьшению потребности во многих энергоемких материалах. *Планы декарбонизации* должны содержать меры по смягчению возможных внешних шоков, связанных с введением таможенного регулирования в отношении товаров с высоким «углеродным следом», и по перестройке экономической деятельности в уязвимых (например, угольных) регионах, включая их переориентацию на производство низкоуглеродной продукции.

В сценарии «1,5 градуса» заметно снижается грузоемкость ВВП за счет сокращения перевозок топлива и сырья. Структура пассажирооборота смещается в сторону железнодорожного, городского электрического, автобусного (электробусы), водного и немоторизованного транспорта. Углубляется электрификация транспорта с доведением доли гибридов и электромобилей в парке всех автотранспортных средств до 70–75% к 2050 г. за счет их существенного удешевления и реализации фискальных и административных мер. Внедряются механизмы

¹⁰ Это рабочее название сценария, задача которого — мобилизовать все возможности по снижению выбросов ПГ на фоне роста ВВП России в 2,5 раза.

управления транспортным спросом и мобильностью населения и изменения в градостроительной политике. Стимулируется изменение структуры грузооборота в пользу менее углеродоемких видов транспорта. Развивается скоростной железнодорожный транспорт. Стимулируется повышение доли парка транспортных средств, использующих низкоуглеродные виды топлива и энергии, включая электроэнергию, биотопливо, природный газ, биогаз, водород, с перспективой отказа от производства и использования транспортных средств с двигателями внутреннего сгорания. Развиваются транспортная инфраструктура и логистика, позволяющие повысить долю низкоуглеродных видов топлива и электроэнергии на транспорте, расширяются возможности использовать новые формы индивидуальной мобильности на основе развития связанной велосипедной и безопасной пешеходной инфраструктуры.

Меры политики, направленные на увеличение использования альтернативных источников энергии, позволяют повысить их долю в потреблении энергии зданиями с 0,2% в 2018 г. до 16% в 2050 г. Здания превращаются в электростанции, и выработка электрической энергии на фотоэлектрических панелях, установленных до счетчика, к 2050 г. растет до 50 млрд кВт·ч. В сценарии «1,5 градуса» предполагается, что будут приняты дополнительные меры стимулирования оснащения зданий установками, использующими ВИЭ: солнечными коллекторами для горячего водоснабжения; фотоэлектрическими панелями для выработки электроэнергии; тепловыми насосами, включая гибридные системы, в том числе с применением топливных элементов на водороде, для теплоснабжения; квартирных и общедомовых утилизаторов теплоты сточных вод. При нормировании показателей энергоэффективности в зданиях предполагается с 2045 г. перейти к таким показателям, как кг CO_2 /кВт·ч тепловой энергии, или кг CO_2 /м²/год.

В сценарии «1,5 градуса» предполагается ввести налог на углерод в цене топлива для всех потребителей, кроме населения. Налог вводится с 2025 г. по ставке, эквивалентной 2 долл./т CO_2 -экв., с равномерным ежегодным повышением на 2 долл. В итоге к 2050 г. ставка налога достигает 52 долл./т CO_2 -экв. (3900 руб./т; в ценах 2016 г. — 1326 руб./т CO_2 -экв.). За счет введения налога средняя цена на электроэнергию к 2050 г. повышается на 0,63 руб./кВт·ч (на 0,21 руб./кВт·ч в ценах 2016 г.). Ставка налога на углерод для энергоемкой промышленности устанавливается так, чтобы суммарный платеж по этому налогу не превышал 0,7% объемов реализации продукции и услуг до 2030 г., а после — 1%. Компании, заключившие *долгосрочные целевые соглашения* или *планы декарбонизации*, либо освобождаются от его уплаты, либо получают льготы. В предлагаемой к реализации в России модели регулирования выбросов ПГ предусмотрено активное использование схемы зачетных сокращений. Введение такого режима создаст необходимые условия для перехода к рыночному регулированию выбросов ПГ.

В секторе «отходы» дополнительно реализуются меры, направленные на увеличение доли переработки и утилизации отходов на 1% в год и дегазации полигонов; ликвидируются несанкционированные свалки с постепенным снижением выбросов от ТКО до 20%. В сельском

хозяйстве предполагается прервать тренд на рост выбросов и перейти к их снижению за счет следующих мер: распространения практик точного земледелия и обеспечения на этой основе роста урожайности при снижении внесения минеральных удобрений; замены всего поголовья скота на высокопродуктивные породы; производства альтернативного протеина; полной утилизации потенциала биоэнергетики на основе отходов агропромышленного комплекса; снижения объема пищевых отходов и пересмотра диеты; запуска информационных кампаний с рекомендациями по здоровому питанию, борьбе с избыточным весом, позитивному влиянию на здоровье разнообразной диеты, сокращению в рационе доли продуктов с высоким «углеродным следом» на основе роста доли более экологичной пищи.

За счет широкого набора мер предполагается ограничить масштабы сокращения стоков ПГ в секторе ЗИЗИЛХ к 2050 г. на уровне не ниже 277 млн т CO_2 -экв. К этим мерам относятся: противопожарные мероприятия по профилактике, оперативному обнаружению и тушению лесных пожаров; сокращение объемов сплошных рубок с заменой их выборочными, сохранение почвенного покрова; сокращение потерь древесины при лесозаготовках; ускоренное лесовосстановление вырубок и гарей качественным посадочным материалом, лесовосстановление в малолесных регионах юга России, создание противоэрозионных и полезащитных насаждений на пахотных землях в малолесных районах; развитие системы плантационного лесовыращивания на заросших лесом землях сельскохозяйственного назначения и др.

В сценарии «1,5 градуса» мобилизуются все ресурсы дополнительного снижения выбросов ПГ (см. рис. 3). Это позволяет снизить нетто-выбросы ПГ в 2018–2030 гг. на 18–19%, а к 2050 г. — на 40–62%. К 2050 г. нетто-выбросы ПГ оказываются на 69–78% ниже уровня 1990 г. Выбросы от сектора «энергетика» снижаются от уровня 2018 г. на 14% к 2030 г. и на 51% к 2050 г.¹¹, от промышленных процессов — на 14% к 2050 г., от сельского хозяйства — на 15%, от сектора «отходы» — на 21%. В секторе ЗИЗИЛХ стоки не падают ниже уровня 277 млн т CO_2 -экв. (см. рис. 2).

Сравнение сценариев, возможные обязательства России и оценка затрат, выгод и влияния на ВВП

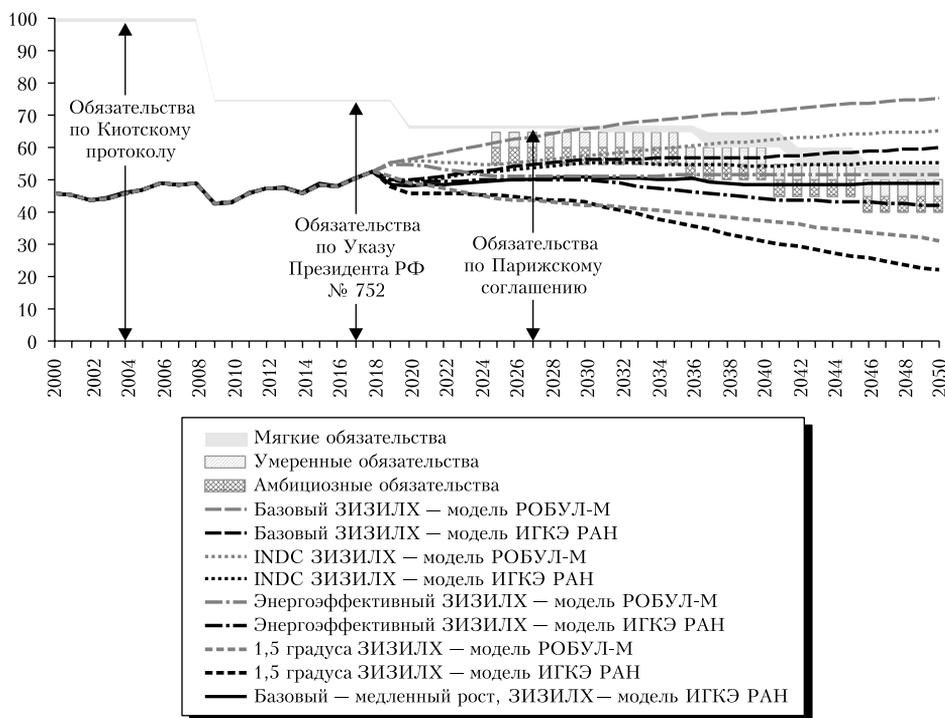
Итоговая динамика нетто-выбросов ПГ преимущественно определяется в секторах «энергетика» и ЗИЗИЛХ (см. рис. 2). Парижское соглашение предусматривает повышение амбициозности национальных

¹¹ В литературе имеются оценки снижения выбросов CO_2 в секторе «энергетика» России в 2010–2050 гг. на 84% (Laitner et al., 2020). В данном сценарии снижение выбросов только CO_2 в этом секторе в 2010–2050 гг. составляет 55%. Такое различие определяется учетом фактической динамики выбросов CO_2 в 2010–2018 гг. (энергетический сектор России трансформировался очень медленно, а выбросы CO_2 выросли на 14%), существенно более низкими допущениями о темпах экономического роста в указанном прогнозе и существенно более высокими — о ценах на углерод. Даже при таких допущениях авторы этого исследования не выявили возможность снизить выбросы CO_2 в секторе «энергетика» до нуля к 2050 г.

вкладов по ограничению выбросов ПГ каждые пять лет. По Киотскому протоколу Россия обязалась ограничить среднегодовые выбросы ПГ в 2008–2012 гг. уровнем 1990 г. По Указу Президента РФ № 752 от 30.09.2013 «О сокращении выбросов парниковых газов» Россия обязалась не превышать к 2020 г. уровень 75% от объема выбросов в 1990 г. В 2015 г. в Париже Россия приняла обязательство удержать выбросы до 2030 г. в диапазоне 70–75% от уровня 1990 г. В 2020 г. в проекте Стратегии определена цель ограничить выбросы ПГ в 2030 г. на уровне 67% от значения 1990 г. (рис. 4).

В базовом сценарии приняты довольно оптимистичные допущения МЭР о темпах экономического роста, поэтому риски невыполнения национальных обязательств по Парижскому соглашению на 2030 г. в принятой Россией формулировке (с максимальным учетом поглощающей способности лесов) даже при ограниченных мерах низкоуглеродного регулирования близки к нулю. Они формируются только в случае исключения поглощающей способности лесов. Базовый и консервативный сценарии МЭР различаются очень мало. Поэтому для анализа чувствительности результатов к макроэкономическим допущениям мы на основе модели RUS-DVA-2050 разработали сценарий медленного роста, в котором темпы модернизации невысокие, и ВВП

Нетто-выбросы парниковых газов (ПГ) для разных сценариев по сравнению с уровнем 1990 г. и эволюция возможного национального вклада России в сфере контроля за выбросами ПГ

Источники: данные за 2000–2017 гг. — ИГКЭ, 2020; прогнозные оценки — ЦЭНЭФ-ХХІ.

Рис. 4

в 2050 г. превышает уровень 2015 г. не в 2,5 раза, а только на 77%¹². Тогда в 2030 г. нетто-выбросы ПГ оказываются на 39–49% ниже уровня 1990 г., а в 2050 г. — на 36–51% (см. рис. 4). Анализ возможных последствий связанного с коронавирусом кризиса 2020 г. и падения цен на нефть показал, что нетто-выбросы ПГ в 2030 г. по этой причине могут оказаться еще как минимум на 2–3% ниже.

При заданных в базовом сценарии высоких темпах роста экономики, отказе от реализации дополнительных мер и опоре только на действующие меры политики Россия не сможет принять более жесткие обязательства на 2040 и 2050 гг., если стоки углерода в лесах будут сокращаться в соответствии с пессимистичными прогнозами. При оптимистичном варианте прогноза по захвату углерода лесами нетто-выбросы ПГ из всех источников до 2050 г. не будут превышать 61% от значения 1990 г. В этом случае Россия может медленно корректировать обязательства до 60–65% в среднем за 2045–2050 гг. По условиям сценария «INDC», даже при пессимистичном варианте динамики захвата углерода лесами обязательства Россия могут быть повышены до 60–65% от уровня 1990 г.

По условиям «энергоэффективного» сценария обязательства могут быть повышены до 45–50% от уровня 1990 г. В этом сценарии удастся обеспечить полный декарбонизация: при росте ВВП в 2,45 раза выбросы ПГ не растут от уровня 2018 г. за счет снижения углеродоемкости ВВП на 45–52% (от уровня 2015 г.). Кумулятивное снижение выбросов ПГ к 2050 г. от уровня 1990 г. достигает 91–95 млрд т CO₂-экв., то есть дополнительно за 2018–2050 гг. Россия снижает кумулятивные выбросы еще на 50–54 млрд т CO₂-экв. В итоге в «энергоэффективном» сценарии в 1991–2050 гг. Россия уменьшает выбросы в объемах, превышающих двухлетнюю эмиссию всех ПГ секторами «энергетика» и «промышленные процессы» всех стран.

В сценарии «1,5 градуса» удается обеспечить двойной декарбонизация: при росте ВВП в 2,45 раза потребление первичной энергии и выбросы ПГ снижаются. По условиям сценария «1,5 градуса» Россия сможет каждые пять лет брать на себя более амбициозные обязательства. На 2040 г. они могут составить 40–45% от уровня 1990 г., а на 2050 г. — 25–35%.

Кумулятивное снижение выбросов ПГ к 2050 г. от уровня 1990 г. достигает 102–106 млрд т CO₂-экв., или около 10% оставшегося глобального углеродного бюджета при ограничении потепления климата на уровне 1,5–2°C, и в 2,5 раза превышает годовую эмиссию всех ПГ секторами «энергетика» и «промышленные процессы» всех стран. Этот результат можно использовать как новую форму национального

¹² При неудаче технологической модернизации динамика ВВП может быть еще более медленной с постепенным переходом в фазу «экономики шагреневой кожи» (Башмаков, 2011). В работе: Laitner et al., 2020, для базового сценария среднегодовой темп прироста ВВП равен 1,3%, а ВВП в 2015–2050 гг. увеличивается в 1,5 раза. Одним из факторов медленного роста по сырьевой модели выступает уже запущенная низкоуглеродная трансформация мировой экономики (Макаров и др., 2018) с соответствующим замедлением спроса на топливо и сырье и выходом по отдельным ресурсам, включая нефть и уголь (Башмаков, 2018а), на абсолютные пики потребления еще до 2050 г.

вклада. При некоторой дополнительной работе и обосновании можно сформулировать эффективное обязательство для России: обеспечить к 2050 г. кумулятивное снижение выбросов ПГ от уровня 1990 г. в размере 100 млрд т CO₂-экв.

Повышать обязательства по ограничению выбросов ПГ можно на основе анализа успехов и проблем при реализации Стратегии и выявлении новых технологических возможностей ускорить рост экономики при снижении выбросов ПГ. Россия может поэтапно, с шагом пять лет, повышать амбициозность своего национального вклада по трем возможным схемам (см. таблицу). Обязательства должны приниматься с оговоркой о мониторинге их достижения по действующей на момент их принятия методике инвентаризации.

Т а б л и ц а

Возможная эволюция национального вклада России по Парижскому соглашению (нетто-выбросы, в % от уровня 1990 г.)

Годы	Мягкие обязательства*	Умеренные обязательства	Амбициозные обязательства
2026–2030	65–70	65–70	60–65
2031–2035	65–70	60–65	55–60
2036–2040	60–65	55–60	50–55
2041–2045	55–65	50–55	45–50
2046–2050	50–55	45–50	40–45

* Без снижения за пределы нетто-выбросов 2017 г.

Источник: ЦЭНЭФ-ХХI.

В проекте Стратегии на 2030 г. показаны значения 67 и 64% для базового и интенсивного сценариев, а на 2050 г. — соответственно 64 и 52%. Это означает, что до 2030 г. выбрана траектория, близкая к базовому сценарию, представленному выше, при динамичном сокращении стоков в секторе ЗИЗИЛХ. Это практически гарантирует выполнение данного обязательства при любом возможном ходе событий. Разворот в сторону низкоуглеродного развития заложен в Стратегии только после 2030 г., когда нетто-выбросы начинают снижаться, с выходом на параметры сценариев «INDC» и «энергоэффективный» (при условии динамичного сокращения стоков в секторе ЗИЗИЛХ). Такое задание траекторий динамики нетто-выбросов ПГ в Стратегии оставляет место для маневра и принятия более амбициозных обязательств на период после 2030 г. Скорректировать эти параметры проекта Стратегии на основе анализа складывающихся тенденций можно и в 2025 г.

Все предложенные схемы национального вклада не выходят за рамки оценок «энергоэффективного» сценария при условии сохранения высоких уровней стоков ПГ в секторе ЗИЗИЛХ. В случае более медленного снижения энергоемкости запуск только части мер, предусмотренных в сценарии «1,5 градуса», позволит нейтрализовать риск невыполнения обязательств по национальному вкладу в любой схеме повышения его амбициозности.

Национальные вклады стран по Парижскому соглашению в основном принимаются в форме относительного снижения нетто-выбросов

ПГ по сравнению с выбранным базовым годом. Однако проблема глобального потепления порождается ростом концентрации ПГ, а значит, реальный вклад каждой страны в снижение глобальных выбросов следует измерять не столько в относительном, сколько в абсолютном снижении кумулятивных выбросов ПГ. Новой формой национального вклада может стать обязательство кумулятивно снизить выбросы ПГ в 1990–2050 гг. на 90–100 млрд т CO_2 -экв. от уровня 1990 г. Ни одна страна не сможет принять эквивалентного обязательства. В сценарии «1,5 градуса» воплощенные в сырьевых экспортных товарах выбросы ПГ в 2050 г. равны 337 млн т CO_2 -экв. Их вычет из суммы территориальных выбросов ПГ позволил бы снизить выбросы к 2050 г. на 88% от уровня 1990 г.

Горизонт всех прогнозных моделей заканчивается в 2050 г. За пределами этого периода любые формулировки относительно возможных сроков достижения Россией нетто-нулевых выбросов ПГ умозрительны. Все зависит как от параметров роста экономики, так и от перечня и интенсивности реализации мер политики по ее низкоуглеродной трансформации. Экстраполяция траекторий для сценария «1,5 градуса» при высоких стоках ПГ позволяет выйти на нулевые нетто-выбросы ПГ к 2075 г., а при низких стоках — к 2100 г. При более медленном росте ВВП выйти на нетто-нулевые выбросы реально уже к 2066 г. При экстраполяции траекторий для «энергоэффективного» сценария это возможно за пределами 2100 г.

Выбор более амбициозных целей придаст импульс технологической модернизации экономики. В России, по оценке МЭА (IEA, 2016), экономические потери от связанной с загрязнением воздуха преждевременной смертности равны 2600 долл./чел., а в сумме — около 380 млрд долл. в год. При развитии по базовому сценарию кумулятивные выбросы вредных веществ в атмосферу за 2020–2050 гг. составят 789 млн т, сбросы неочищенных сточных вод — 453 млрд куб. м, а отходы — 207 млрд т, в том числе ТКО — 13 млрд куб. м. Такие масштабы нагрузки на окружающую среду России могут многократно усилить остроту экологических проблем и формировать серьезные угрозы экологической безопасности России и здоровью россиян. Только за счет мер по снижению выбросов ПГ в сценарии «1,5 градуса» кумулятивные выбросы загрязняющих веществ в атмосферу в 2020–2050 гг. сократятся на 168 млн т, или на 21% от значения базового сценария. Снижение выбросов ПГ в секторе «энергетика» на 100 т CO_2 -экв. приводит к дополнительному уменьшению выбросов загрязняющих веществ в атмосферу на 1,1 т. С учетом эффектов от снижения выбросов прочих загрязняющих веществ и сокращения смертности по причине дефицита теплового комфорта всего в 2020–2050 гг. она снизится более чем на 1 млн человек. Эти меры также позволяют существенно понизить уровень городского шума, сократить сбросы неочищенных сточных вод на 26 млрд куб. м, а объемы отходов — на 10 млрд т. Переход на более здоровую диету может дать эффект порядка 0,5% ВВП.

В сценарии «1,5 градуса» платежи по налогу на углерод к 2050 г. составят 4,5 трлн руб., или 0,7% ВВП. Отчасти этот прирост ком-

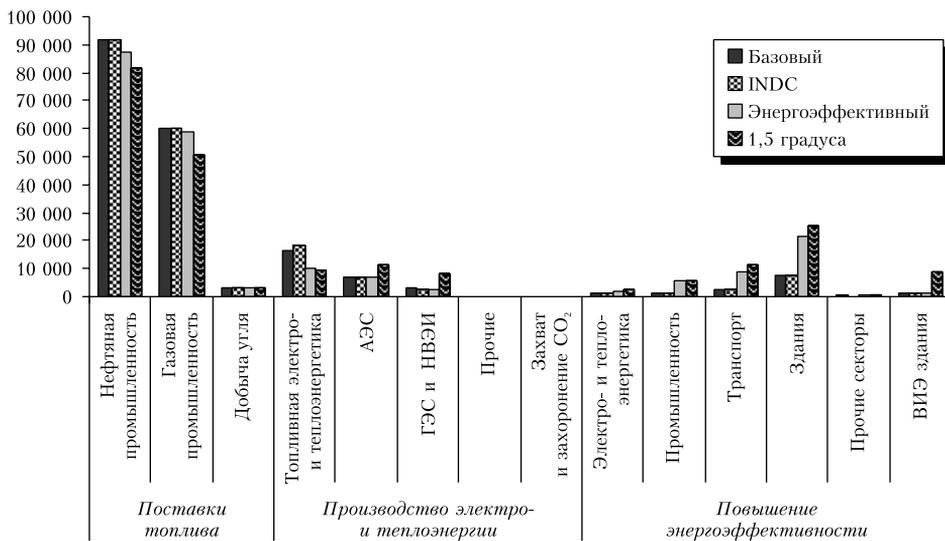
пенсировать снижение акцизов от использования жидкого топлива на автомобильном транспорте. Поэтому введение налога на углерод может быть целесообразным с фискальной точки зрения. Если вводить его с компенсацией за счет снижения налогов на доходы, то налоговая нагрузка на бизнес не вырастет. Поступления от налога на углерод можно использовать как целевой источник финансирования мер по поддержке повышения энергоэффективности и внедрения ВИЭ.

Повышение цен на энергию и платежей за счет введения налога на углерод не касается населения. Поэтому доля расходов на энергоснабжение населения не меняется по сравнению с «энергоэффективным» сценарием. Доля расходов всех потребителей в ВВП в 2050 г. несколько повышается от уровня «энергоэффективного» сценария, но остается на очень низком уровне 5,2%, что существенно ниже верхнего порога экономической доступности энергии, равного 10% ВВП (Башмаков, 2016b; Bashmakov, Myshak, 2018), и поэтому не грозит торможением его роста даже в отсутствие компенсации налоговой нагрузки за счет снижения налогов на доходы.

По мере расширения перечня реализуемых мер политики сумма затрат на их реализацию увеличивается со 198 трлн руб. в ценах 2016 г. в базовом сценарии до 199 трлн в сценарии «INDC», 209 трлн в «энергоэффективном» сценарии и 219 трлн руб. в сценарии «1,5 градуса». При этом капитальные вложения перераспределяются от сферы добычи и поставок топлива в пользу электроэнергетики и повышения энергоэффективности. По мере перехода от базового сценария к сценарию «1,5 градуса» снижаются объемы инвестиций в добычу и транспорт топлива и тепловую генерацию; растет объем инвестиций в низкоуглеродные источники централизованной генерации (АЭС, ГЭС и ВИЭ) и децентрализованной мини-генерации на уровне зданий; увеличивается доля инвестиций в повышение энергоэффективности во всех секторах; особенно существенно растут инвестиции в повышение энергоэффективности на транспорте и в зданиях (рис. 5). Среднегодовой прирост суммарных капитальных вложений в секторе «энергетика» по отношению к базовому сценарию достигает 11% в 2021–2025 гг., 18 — в 2026–2030 гг., 22 — в 2031–2035 гг., а затем по мере удешевления технологий ВИЭ сокращается до 11 в 2036–2040 гг., 4% — в 2041–2045 гг. и остается на уровне базового сценария в 2045–2050 гг. На пике прирост капитальных вложений в 2031–2035 гг. составляет 0,6% ВВП.

Дополнительные капитальные вложения по сценарию «1,5 градуса» — это вложения в модернизацию экономики России, в меры по ее переводу на модель инновационного роста с опорой на новейшие, в том числе низкоуглеродные, технологии, без которых нельзя завоевать новые рыночные ниши, повысить производительность труда и капиталотдачу, снизить материалоемкость и энергоемкость экономики и на этой основе повысить темпы ее роста. Без модернизации российской экономики отставание от технологических лидеров увеличится, а традиционные для России рынки сбыта сырьевых товаров будут сужаться при сохранении высокой уязвимости к колебаниям цен на нефть. В итоге темпы экономического роста будут заметно ниже, чем обозначенные

**Затраты по направлениям в секторе «энергетика»
при развитии по четырем сценариям (млрд руб. в ценах 2016 г.)**

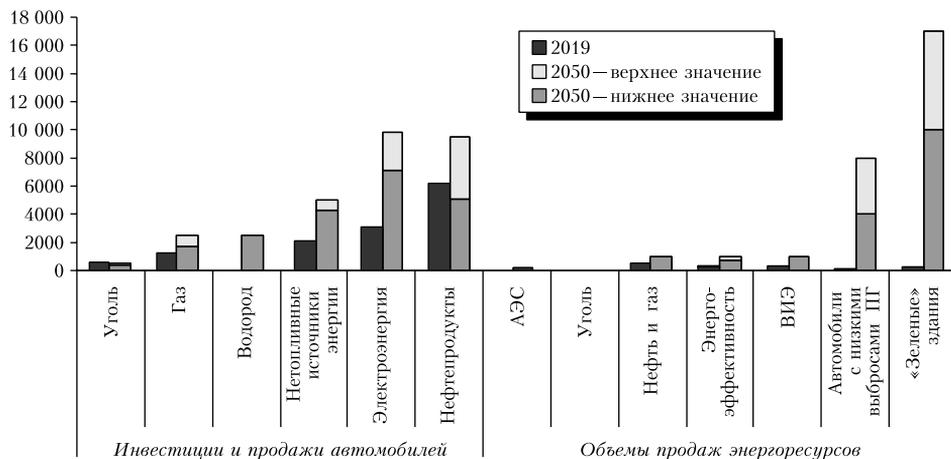
Источник: ЦЭНЭФ-XXI.

Рис. 5

МЭР как целевые, а нетто-выбросы ПГ в этом случае не будут заметно превышать нынешний уровень. Вариантов практически два: повышать темпы роста на основе ликвидации технологического разрыва и выходить на технологические границы или медленный технологический прогресс и соответствующий ему медленный рост экономики. В обоих случаях вплоть до 2050 г. с высокой вероятностью нетто-выбросы ПГ не превысят 55–60% от уровня 1990 г.

Вариант динамичного экономического роста на старой технологической основе на базе принятых мер политики и разработанных в прежние годы стратегий и программ развития отдельных отраслей (многие из них не в полной мере учитывают новейшие тенденции в технологической сфере), как показывает практика последнего десятилетия, невозможен. В лучшем случае удастся повысить ВВП по медленному сценарию — на 77% к 2050 г. Низкоуглеродные технологии — это огромные новые рыночные ниши объемом в триллионы долларов к середине века (рис. 6). Технологическая гонка за доминирование на этих рынках уже в разгаре. Для российской экономики выход на них, встраивание в глобальные технологические цепочки — потенциальный новый мощный драйвер экономического роста. В России есть опыт применения всех низкоуглеродных технологий, однако его масштабы очень скромные (Башмаков и др., 2020). Наша страна входит в число лидеров по развитию ядерной энергетики, применению централизованного теплоснабжения, роли недорожного транспорта в структуре грузоперевозок. Однако дополнительный экспортный потенциал этих групп технологий ограничен, нужно осваивать и другие рынки.

Глобальные масштабы инвестиций и объем продаж по отдельным группам технологий и энергоресурсов в 2019 и в 2050 гг. (млрд долл.)

Источники: ЦЭНЭФ-XXI; IEA, 2020b.

Рис. 6

* * *

Перед Россией стоит задача обеспечить темпы роста экономики, хотя бы равные среднемировым. Глобальный ВВП в 2050 г. будет примерно в 2,5 раза выше уровня 2015 г. По модели сырьевой экономики удвоить российский ВВП к 2050 г. и догнать мир по темпам роста невозможно. Старые рынки (ископаемое топливо) могут обеспечить только стагнацию российской экономики на близком к нынешнему уровне до 2050 г. При росте ВВП РФ в 2–2,5 раза к 2050 г. и при сохранении уровней добычи топлива и нынешней энергоемкости внутреннее потребление топлива в нашей стране вырастет в 2–2,5 раза, а экспортный потенциал будет сведен к нулю. Россия превратится в импортера природного газа (импорт более 100 млрд куб. м в 2050 г.), а ее доля в мировом ВВП к 2050 г. упадет до 1%.

В 1990-е годы Россия невольно решала проблему перехода на траектории низкоуглеродного развития за счет падения ВВП в ходе рыночной трансформации. Затем ВВП рос в течение 10 лет при стабилизации выбросов ПГ. Теперь стоит новая задача: сделать низкоуглеродное развитие драйвером экономического роста¹³. Отставание в технологической гонке равнозначно рискам потерять даже имеющиеся рыночные ниши, не говоря уже об их расширении. Можно продолжать малопродуктивные споры неспециалистов с учеными о том, по

¹³ В: Башмаков, 2011, показано, что без эффективной модернизации в России к середине XXI в. экономического роста не будет. Если учесть только часть эффектов от ускорения повышения энергоэффективности и развития ВИЭ, то среднегодовые темпы прироста ВВП повышаются на 0,4%. В работе: Laitner et al., 2020, показано, что переход на низкоуглеродную модель развития за счет высокотехнологичных инвестиций позволит повысить среднегодовой темп прироста ВВП в 2020–2050 гг. с 1,3 до 2,5%, а объем ВВП в 2050 г. — в 1,4 раза.

каким причинам изменяется климат, но важно понять, что мир уже начал переходить на низкоуглеродную модель роста, и *этот процесс необратим*. Отставание в нем угрожает безопасности и может привести к технологической отсталости России. Динамичного роста по сырьевой модели в стране нет уже 10 лет. Нужны новые драйверы роста — таковыми могут стать низкоуглеродные технологии. Индекс готовности России к будущему должен быть существенно повышен.

Список литературы / References

- Башмаков И. (2008). Россия-2050 // Вопросы экономики. № 8. С. 140–144. [Bashmakov I. (2008). Russia-2050. *Voprosy Ekonomiki*, No. 8, pp. 140–144. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-8-140-144>
- Башмаков И. А. (2009). Низкоуглеродная Россия: 2050 год. М.: ЦЭНЭФ. [Bashmakov I. A. (2009). *Low carbon Russia: 2050*. Moscow: CENEF. (In Russian).]
- Башмаков И. (2011). Будет ли экономический рост в России в середине XXI века? // Вопросы экономики. № 3. С. 20–39. [Bashmakov I. (2011). Will Russia have economic growth in the mid-XXI century? *Voprosy Ekonomiki*, No. 3, pp. 20–39. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2011-3-20-39>
- Башмаков И. А. (2013). Разработка комплексных долгосрочных программ энергосбережения и повышения энергоэффективности: методология и практика. Дис. ... док. эконом. наук. М.: ИПП РАН. [Bashmakov I. A. (2013). *Development of long-term energy conservation and energy efficiency programmes: Methodology and practices*. Doctor Degree Thesis (Economics). Moscow: Institute of Economic Forecasting, RAS. (In Russian).]
- Башмаков И. (2016а). Меры политики по повышению энергоэффективности в российских зданиях: прогноз затрат и эффектов до 2050 г. // Вопросы экономики. № 3. С. 75–98. [Bashmakov I. (2016a). Policy measures to improve energy efficiency in Russian buildings: Forecast up to 2050. *Voprosy Ekonomiki*, No. 3, pp. 75–98. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-3-75-98>
- Башмаков И. (2016b). «Экономика постоянных» и длинные циклы динамики цен на энергию // Вопросы экономики. № 7. С. 36–63. [Bashmakov I. (2016b). “Economics of the constants” and long cycles of energy prices dynamics. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 36–63. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-7-36-63>
- Башмаков И. А. (2018а). Энергетика мира: мифы прошлого и уроки будущего // Вопросы экономики. № 4. С. 49–75. [Bashmakov I. A. (2018a). World energy: Myths of the past and lessons of the future. *Voprosy Ekonomiki*, No. 4, pp. 49–75. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-4-49-75>
- Башмаков И. А. (2018b). Что происходит с энергоемкостью ВВП России? // Экологический вестник России. № 7. С. 18–29. [Bashmakov I. A. (2018b). What is happening to energy intensity of Russia’s GDP? *Ekologicheskii Vestnik Rossii*, No. 7, pp. 18–29. (In Russian).]
- Башмаков И. А., Башмаков В. И., Борисов К. Б., Дзедзичек М. Г., Лунин А. А., Лебедев О. В., Драммонд П., Карвальхо П. (2020). Мониторинг внедрения низкоуглеродных технологий в России // Экологический вестник России. № 4. С. 6–11. [Bashmakov I. A., Bashmakov V. I., Borisov K. B., Dzedzicheck M. G., Lunin A. A., Lebedev O. V., Drummond P., Carvalho P. (2020). Monitoring of low carbon technologies deployment in Russia. *Ekologicheskii Vestnik Rossii*, No. 4, pp. 6–11. (In Russian).]
- Государственный совет Российской Федерации (2016). Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений: Доклад. Москва. [State Council of the Russian Federation (2016). *On the ecological development of the Russian Federation: A report*. Moscow. (In Russian).]

- Замолодчиков Д. Г., Грабовский В. И., Курц В. А. (2014). Управление балансом углерода лесов России: прошлое, настоящее и будущее // Устойчивое лесопользование. № 2. С. 23–31. [Zamolodchikov D. G., Grabovsky V. I., Kurz V. A. (2014). Carbon balance management of Russian forests: Past, present and future. *Ustoichivoe Lesopolzovanie*, No. 2, pp. 23–31. (In Russian).]
- Замолодчиков Д. Г., Грабовский В. И., Честных О. В. (2017). РОБУЛ-М: новое средство прогноза углеродного бюджета лесов // Леса России: политика, промышленность, наука, образование. Материалы второй международной научно-технической конференции. Т. 2. СПб.: СПбГЛТУ. С. 125–128. [Zamolodchikov D. G., Grabovsky V. I., Chestnykh O. V. (2017). ROBUL-M: New projection tool for carbon balance of forests. In: *Russian forests: Policies, industry, science, education*. Proceedings of the 2nd international scientific and technical conference, Vol. 2. St. Petersburg: SPbGLTU, pp. 125–128. (In Russian).]
- ИГКЭ (2020). Национальный доклад о кадастре антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом, за 1990–2018 г. М.: Институт глобального климата и экологии имени акад. Ю. А. Израэля. [IGCE (2020). *National Communication of the Russian Federation on anthropogenic emissions of greenhouse gases from sources and absorption by sinks for 1990–2018*. Moscow: Yu. A. Izrael Institute of Global Climate and Ecology. (In Russian).]
- Клуб «Валдай», ВЦИОМ (2019). Индекс готовности к будущему. Совместный проект Международного дискуссионного клуба «Валдай» и ВЦИОМ. Сентябрь. [Valdai Club, VCIOM (2019). *Future preparedness index*. Joint project of the International discussion club Valdai and VCIOM, September. (In Russian).]
- Львов С. В. (2020). Изменение климата и как с ним бороться? Мнение россиян. М.: ВЦИОМ, 26 февраля. [Lvov S. V. (2020). *Climate change and how we can fight it. Opinion of the Russians*. Moscow: VCIOM, February 26. (In Russian).]
- Макаров И. А., Чен Х., Пальцев С. В. (2018). Последствия Парижского климатического соглашения для экономики России // Вопросы экономики. № 4. С. 76–94. [Makarov I. A., Chen H., Paltsev S. V. (2018). Impacts of Paris Agreement on Russian economy. *Voprosy Ekonomiki*, No. 4, pp. 76–94. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-4-76-94>
- МЭР (2018). Прогноз долгосрочного социально-экономического развития России до 2036 г. М.: Министерство экономического развития Российской Федерации. [Ministry of Economic Development of the Russian Federation (2018). *Projection of long-term social and economic development of Russia to 2036*. Moscow. (In Russian).]
- МЭР (2019). О состоянии энергосбережения и повышении энергетической эффективности в Российской Федерации: Государственный доклад. М.: Министерство экономического развития Российской Федерации. [Ministry of Economic Development of the Russian Federation (2019). *On the status of energy conservation and energy efficiency in the Russian Federation: State report*. Moscow. (In Russian).]
- Правительство РФ (2020). Проект Стратегии долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. Москва. [The Government of the Russian Federation (2020). *Draft Strategy of low carbon long-term development of the Russian Federation to 2050*. Moscow. (In Russian).]
- Bashmakov I., Myshak A. (2018). ‘Minus 1’ and energy costs constants: Sectorial implications. *Journal of Energy*, Vol. 2018, Article ID 8962437. <https://doi.org/10.1155/2018/8962437>
- Burch S., Shaw A., Dale A., Robinson J. (2014). Triggering transformative change: A development path approach to climate change response in communities. *Climate Policy*, Vol. 14, No. 4, pp. 467–487. <https://doi.org/10.1080/14693062.2014.876342>
- EIA (2019). *International energy outlook 2019*. Washington, DC: U.S. Energy Information Administration.

- IEA (2016). *Energy and air pollution*. Paris: International Energy Agency.
- IEA (2019). *World energy outlook 2019*. Paris: International Energy Agency.
- IEA (2020a). *Global energy review 2020. The impacts of the Covid-19 crisis on global energy demand and CO₂ emissions*. Paris: International Energy Agency.
- IEA (2020b). *World energy investment 2020*. Paris: International Energy Agency.
- Laitner J., Lugovoy O., Potashnikov V. (2020). Cost and benefits of deep decarbonization in Russia. *Ekonomicheskaya Politika*, Vol. 15, No. 2, pp. 86–105. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2020-2-86-105>
- OECD (2017). *Real GDP long-term forecast (indicator)*. <https://doi.org/10.1787/d927bc18-en>
- PwC (2017). *The long view: How will the global economic order change by 2050?* PricewaterhouseCoopers, February.
- Ritchie H., Roser M. (2020). CO₂ and greenhouse gas emissions. *OurWorldInData.org*, May 2017. <https://ourworldindata.org/co2-and-other-greenhouse-gas-emissions>
- Romanovskaya A. A., Korotkov V. N., Polumieva P. D., Trunov A. N., Vertyankina V. Yu., Karaban R. T. (2019). Greenhouse gas fluxes and mitigation potential for managed lands in the Russian Federation. *Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change*, July 27. <https://doi.org/10.1007/s11027-019-09885-2>
- Pardee Center (2020). International futures: Population forecast for Russian Federation. Pardee Center for International Futures, University of Denver. http://www.ifs.du.edu/ifs/frm_CountryProfile.aspx?Country=RU
-

Russian low carbon development strategy

Igor A. Bashmakov

Author affiliation: Center for Energy Efficiency-XXI (Moscow, Russia).
Email: bashmako@co.ru

The article presents the key results of scenario projections that underpinned the Strategy for long-term low carbon economic development of the Russian Federation to 2050, including analysis of potential Russia's GHG emission mitigation commitments to 2050 and assessment of relevant costs, benefits, and implications for Russia's GDP. Low carbon transformation of the Russian economy is presented as a potential driver for economic growth that offers trillions-of-dollars-worth market niches for low carbon products by mid-21st century. Transition to low carbon economic growth is irreversible. Lagging behind in this technological race entails a security risk and technological backwardness hazards.

Keywords: low carbon development, low carbon technologies, greenhouse gases, Paris Agreement, economic growth.

JEL: E17, O1, O4, Q3, Q4, Q5.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка

А. А. Аузан^{1,2}, А. И. Бахтигараева^{1,2},
В. А. Брызгалин², А. В. Золотов², Е. Н. Никишина^{1,2},
Н. А. Припузова^{1,2}, А. А. Ставинская^{1,2}

¹ МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

² Институт национальных проектов (Москва, Россия)

В статье обобщен более чем двадцатилетний опыт социокультурных исследований экономического развития. Описаны основные подходы к изучению социокультурных факторов в экономике, а также ключевые современные тренды в эмпирических исследованиях (в том числе в связи с выявлением причинно-следственных связей). Разобраны ключевые открытые вопросы в социокультурных исследованиях, включая соотношение культуры и институтов, проблему измерения культурных различий внутри страны, а также изучения культуры в динамике. Показана связь исследований культуры и социального капитала. Сформулированы ключевые тезисы социокультурной экономики как исследовательского направления.

Ключевые слова: культура, социальный капитал, ценности, российские регионы, Хофстеде.

JEL: B410, C18, D910, O430, Z10, Z13.

Аузан Александр Александрович (auzan@inp.ru), д.э.н., проф., декан экономического факультета МГУ, научный руководитель Института национальных проектов; *Бахтигараева Асия Инсуровна* (a.bahtigaraeva@inp.ru), вед. специалист научно-методического отдела Института национальных проектов, аспирант экономического факультета МГУ; *Брызгалин Виктор Аркадьевич* (v.bryzgalin@inp.ru), вед. специалист отдела прикладных исследований Института национальных проектов, аспирант экономического факультета МГУ; *Золотов Антон Владимирович* (azolotov@arett.ru), руководитель отдела прикладных исследований Института национальных проектов; *Никишина Елена Николаевна* (enikishina@inp.ru), к. э. н., директор по стратегическому развитию Института национальных проектов, доцент экономического факультета МГУ; *Припузова Надежда Анатольевна* (n.pripuzova@inp.ru), генеральный директор Института национальных проектов, аспирант экономического факультета МГУ; *Ставинская Александра Александровна* (astavinskaya@arett.ru), к. э. н., руководитель научно-методического отдела Института национальных проектов, доцент экономического факультета МГУ.

О различиях в ценностях и установках жителей различных стран писали такие разные авторы, как А. Смит (Smith, 1997 [1766]), Дж. С. Милль (Mill, 1848), К. Книс (Knies, 1883) и другие мыслители прошлого. Однако всплеск исследований, посвященных роли социокультурных факторов в экономическом развитии, пришелся на рубеж XX–XXI вв. Проекты измерения ценностей Г. Хофстеде (Hofstede, 1984), Р. Инглхарта (Inglehart, 1990), Ш. Шварца (Schwartz, 1992) и других дали возможность экономистам включить в анализ этот упущенный ранее фактор экономического развития. За 20 лет, прошедшие с появления книги С. Хантингтона и Л. Харрисона «Культура имеет значение» (Harrison, Huntington, 2000), сформировалось отдельное исследовательское направление. В статье дан обзор основных подходов к изучению социокультурных факторов в экономике, ключевых трендов в социокультурных исследованиях и вопросов, на которые пока нет ответов.

Социокультурные факторы в экономике: современные подходы и интерпретации

Ключевыми понятиями в социокультурных исследованиях экономики выступают культура, социальный капитал и неформальные институты. Причем культура рассматривается не в узкоотраслевом значении (музеи, театры и т. д.), а в расширенной трактовке — как социокультурные факторы экономики, обозначающие разделяемые обществом ценности и установки (далее культура и социокультурные факторы будут использоваться в качестве синонимов).

Существуют разные подходы к определению этих понятий и описанию соотношений между ними. В ряде исследований термины «культура» и «неформальные институты» используются в качестве синонимов (Alesina, Giuliano, 2015; Норт, 1997). Мы разделяем этот подход, а также рассматриваем социальный капитал¹ как часть культурного капитала (Никишина, 2015).

В данной статье используются следующие определения:

— культура (социокультурные факторы) — ценности², поведенческие установки³, разделяемые определенным сообществом и медленно меняющиеся во времени (на основе Guiso et al., 2006; Beugelsdijk, Maseland, 2010; Аузан, Никишина, 2013);

— неформальные институты — институты, для которых гарантом может выступить любой член общества (Аузан, 2005).

¹ Социальный капитал — сети, нормы и доверие, которые способствуют координации и кооперации ради взаимной выгоды (Putnam, 1995).

² Ценности — устойчивые убеждения в том, что определенный способ поведения или цель существования предпочтительнее (с личной или общественной точек зрения) других способов поведения или других целей существования (Rokeach, 1968).

³ Поведенческие установки — относительно устойчивая организация убеждений об объекте или ситуации, располагающая человека действовать определенным предпочтительным для него способом (Rokeach, 1968).

На что влияет культура?

За последние десятилетия накоплен значительный массив работ о роли социокультурных факторов на макро- и микроуровне. Они посвящены исследованию экономического роста (Algan, Cahuc, 2010; Knack, Keefer, 1997), инновационной активности (Bukowski, Rudnicki, 2018; Cox, Khan, 2017) и т. д., а также более узким вопросам — спросу на перераспределение доходов (Aghion et al., 2010; Algan et al., 2016), предпринимательской активности (Suddle et al., 2010), политической нестабильности (Nunn et al., 2018), эффективности демократических институтов и качеству государственного управления (Полищук, Меняшев, 2011) и даже причинам некорректного поведения футболистов на поле (Miguel et al., 2008).

Влияние культуры на индивидуальное поведение

Культура — характеристика коллективная, но вместе с тем она влияет на предпочтения индивидов в процессе принятия решений. Например, в идентичных ситуациях представитель общества с более высоким уровнем доверия чаще предпочтет кооперироваться с незнакомцем, чем представитель «не доверяющего» общества.

При этом остается открытым вопрос о соотношении элементов культуры, а также их воздействии на поведение человека. В литературе предпринималось несколько попыток выстраивать соответствующие «цепочки». Например, согласно модели формирования намерений и трансформации их в действия (theory of reasoned action, TRA) (Ajzen, Fishbein, 1980), поведенческие установки (attitudes) и субъективные нормы (subjective norms)⁴ оказывают влияние на намерения людей, которые затем трансформируются в действия. При этом в работе Р. Багоцци и соавторов (Bagozzi et al., 2000) показано, что влияние отдельных компонент различается в зависимости от национальной культуры: в восточных (более коллективистских) культурах субъективные нормы оказывают большее влияние на намерения, чем в западных (более индивидуалистичных). В других работах исследуется связь персональных ценностей, психологических черт⁵ и поведенческих установок по конкретным вопросам, таким, как религия и политика (Roccas et al., 2002; Schwartz et al., 2010). Авторы утверждают, что персональные ценности оказывают влияние на формирование поведенческих установок, а последние — на поведение. Д. Бур и Р. Фишер показали, что связь может меняться в зависимости от культуры: например, в более коллективистских культурах из-за более сильного социального давления связь между консервативными ценностями и убеждениями сильнее, чем в индивидуалистичных (Boer, Fischer, 2013).

Единой общепризнанной модели влияния элементов культуры (ценностей, убеждений, установок) друг на друга и на поведение на данный момент нет. Разработка и эмпирическая валидация подобной модели может значительно продвинуть понимание роли социокультурных факторов в экономике (Тамбовцев, 2018).

⁴ Субъективные нормы — мнение человека о позиции важных для него людей относительно «правильности» конкретного действия или явления.

⁵ Психологические черты отражают устойчивые модели мышления, чувств и принятия решений (Roccas et al., 2002).

Измерение культуры

Ключевые подходы к количественному измерению культуры связаны с использованием экспериментов (оценивается реальное поведение в лабораторных или естественных условиях)⁶, социологических опросов (на основе самооценки респондентов)⁷ или статистических данных⁸ (косвенно оценивается проявление той или иной характеристики культуры в реальной жизни).

Данные, полученные на основе экспериментов, проведенных для разных культурных групп, не только отражают реальное поведение людей в заданных условиях, но и позволяют выявить «чистую» культурную норму. Но при этом, как правило, эксперименты — дорогой и не всегда доступный инструмент для исследователя. Социологические данные (в том числе полученные в рамках проектов типа World Values Survey) позволяют проводить межстрановые сопоставления, однако оставляют открытым вопрос о том, насколько ответы респондентов соответствуют их реальному поведению. Наконец, статистические характеристики хотя и отражают реальное поведение населения, более «зашумлены», так как включают действие не только культуры, но и прочих факторов.

В целом выбор конкретного метода измерения культуры, как правило, зависит от целей исследования. Одновременное использование нескольких методов позволяет повысить точность результатов.

Подходы к исследованию культуры

Существующие работы можно условно разделить на две группы: где авторы выбирают показатель, характеризующий тот или иной аспект культуры ситуативно для решения конкретной исследовательской задачи, и где авторы опираются на показатели одной из существующих моделей культуры.

При первом подходе выбор характеристики культуры обусловлен преимущественно спецификой исследовательской задачи и наличием соответствующих данных. К числу популярных характеристик для проведения такого рода исследований можно отнести доверие (Algan, Cahuc, 2014), гражданскую культуру (Algan, Cahuc, 2009), важность

⁶ Например, в ходе эксперимента «Ридерз Дайджест» в разных городах Европы и США были оставлены на улицах кошельки с контактами «владельцев». Доля кошельков, возвращенных их владельцам, может использоваться как оценка уровня социального капитала. <https://www.rd.com/culture/most-honest-cities-lost-wallet-test/>

⁷ В случае социального капитала, например, через оценку человеком собственных убеждений, ценностей и поведенческих установок («В целом, считаете ли вы, что большинству людей можно доверять, или, напротив, нужно быть осторожными, имея дело с людьми?» и др.); чужих убеждений, ценностей и поведенческих установок («В целом, считаете ли вы, что большинство людей в вашей стране готовы доверять окружающим?» и др.); собственных практик («Как часто Вы совершаете благородные поступки, не ожидая ничего взамен?» и др.); практик, распространенных в обществе («Как часто люди в Вашей стране совершают благородные поступки, не ожидая ничего взамен?» и др.).

⁸ В случае оценки социального капитала это может быть, например, статистика членства в сообществах и объединениях, показатель донорства крови, явка на выборах и т. д.

удачи и упорного труда в достижении успеха, (Alesina, Glaeser, 2004), силу семейных связей (Alesina, Giuliano, 2014) и т. д.

При втором подходе оценивается влияние на социально-экономические показатели характеристик, входящих в одну из моделей культуры. На данный момент наибольшей популярностью пользуются модели социопсихолога Хофстеде и кросс-культурного психолога Шварца. Эти ученые провели масштабные кросс-культурные исследования, выделив универсальные характеристики культуры, по которым различаются сообщества. Несмотря на то что у каждой модели есть сильные и слабые стороны⁹, обе активно используются при объяснении социально-экономических показателей стран (Hofstede, 2001; Schwartz, 2014). Идеи Хофстеде на данный момент более популярны и в целом подтверждают свою валидность при мета-анализе (Taras et al., 2012), хотя и подвергаются критике по отдельным пунктам (Minkov, 2018). Стоит также выделить методику Инглхарта (Inglehart, 1997) и GLOBE (House et al., 2004). Помимо этого все чаще используется пришедшая из кросс-культурной психологии модель «Big Five personality traits» (John et al., 2008).

При ситуативном выборе показателей (первый подход) не всегда ясно, случаен их выбор или «подогнан» под исследовательский вопрос. Универсальные модели культуры подвергаются критике за расплывчатость теоретических оснований показателей или отсутствие внешней валидности при попытке воспроизвести характеристики на других выборках (Beugelsdijk, Welzel, 2018; Venaik, Brewer, 2016)¹⁰. Вместе с тем оба рассмотренных подхода в настоящее время успешно применяются в социокультурных исследованиях.

Тренды в эмпирических исследованиях по социокультурной тематике

Одно из главных направлений критики социокультурных исследований (Тамбовцев, 2018) и одновременно главный вызов, с которым сталкиваются исследователи при оценке влияния культуры на экономические показатели, — эндогенность. Само по себе наличие статистически значимой связи культуры с социально-экономическими показателями не означает, что между двумя параметрами существует *причинно-следственная* связь. Культура влияет на экономические процессы, но одновременно и экономические процессы влияют на культуру. Причем идентификация влияния культуры часто затруднена действием прочих, не всегда наблюдаемых исследователем факторов (например, формальных институтов, индивидуальных особенностей и др.).

Наиболее надежный способ выявить причинно-следственную связь — провести рандомизированный контролируемый эксперимент

⁹ Подробнее о методиках см. в: Beugelsdijk, Maseland, 2010.

¹⁰ Отметим, что в последние годы наблюдается все больше попыток осмыслить проблемы, возникающие в кросс-культурных исследованиях, с целью повысить качество выводов (Beugelsdijk et al., 2015; Fischer, Poortinga, 2018).

(randomized controlled trial, RCT)¹¹, однако специфика темы редко позволяет это осуществить. Ниже представлены основные подходы к повышению качества результатов исследований о влиянии культуры на экономические процессы.

Проведение исследований внутри стран

Чтобы исключить влияние формальных институтов на социально-экономические показатели, можно перейти к анализу данных на региональном или индивидуальном уровне внутри отдельных стран. Например, Г. Табеллини при изучении влияния культуры на экономическое развитие использовал региональные данные европейских стран (Tabellini, 2010). Р. Меняшев и Л. Полищук для анализа связи между социальным капиталом и качеством государственного управления использовали данные по российским городам (Menyashev, Polishchuk, 2011).

Переход на региональный уровень анализа позволяет, с одной стороны, учесть страновые эффекты, а с другой — увеличить число наблюдений. Как следствие, можно включать в регрессии большее число контрольных переменных и получать более точные оценки.

Эпидемиологический подход

Другой способ отделить действие культуры от действия среды и институтов был предложен Р. Фернандез и получил название эпидемиологического подхода (Fernández, 2011). Он предполагает опрос мигрантов второго поколения. Их родители — носители ценностей страны происхождения — передали¹² ценности своей страны детям, рожденным уже на территории другой страны. Учитывая, что среда и страновые институты для коренного населения и мигрантов второго поколения не отличаются, можно утверждать, что различия в их ценностях обусловлены различиями в наследуемых культурных ценностях. Использование такого рода данных позволяет получать более точные выводы о влиянии культуры на социально-экономические показатели.

Использование инструментальных переменных

Один из наиболее распространенных способов решения проблемы эндогенности — использовать метод инструментальных переменных, то есть найти характеристики, коррелированные с показателем культуры, а не с переменной исследовательского интереса. Часто

¹¹ В базовом варианте метод подразумевает деление объектов воздействия случайным образом на две группы: группу воздействия (к ней применяется мера, эффект от которой планируется изучить) и контрольную группу (к ней мера не применяется). После применения меры на группе воздействия эффект замеряется через статистическое сравнение двух групп по интересующей исследователя характеристике — полученный результат можно трактовать как «чистый» эффект от введения меры.

¹² Считается, что именно семья — основной механизм трансляции ценностей (см., например: Bisin, Verdier, 2001).

в таких случаях используется какое-либо историческое событие. Хороший пример — работа Л. Гуизо и соавторов (Guiso et al., 2016), в которой рассматривается влияние социального капитала в городах современной Италии на их экономическое развитие. В качестве инструментальной переменной для социального капитала они используют факт независимости города в Средние века. Независимость города способствовала формированию у его населения культуры кооперации, которая далее передавалась от поколения к поколению, тем самым оказывая влияние на запасы социального капитала в городе сегодня. Учитывая, что независимость города в Средние века не зависела от экономических показателей современной Италии, использование такой инструментальной переменной позволяет считать социальный капитал причиной более высокого экономического развития итальянских городов, а не наоборот.

Разрывный дизайн (Regression discontinuity design)

Ситуации, когда случайное историческое событие оказало влияние на одну часть общества, не затронув другую, и при этом между ними можно провести четкую границу, делают возможным использование метода «разрывного дизайна». Основная идея заключается в том, что группы, живущие близко, но случайно оказавшиеся по разную сторону от «границы», идентичны по остальным характеристикам. Поэтому различия, возникшие между ними после такого события, можно считать его последствием. Например, в статье С. Беккера и соавторов таким событием стало разделение территорий некоторых стран Восточной Европы между Австро-Венгрией и Россией в XVIII–XIX вв. (Becker et al., 2016). Несмотря на то что после Первой мировой войны границы изменились, авторы обнаружили у жителей территорий, ранее принадлежавших Российской империи, меньший уровень институционального доверия, чем у их сограждан, проживающих на территориях бывшей Австро-Венгрии. В данном случае это позволяет считать различия культур следствием исторического события, а не результатом действия экономических факторов.

Применение каждого из перечисленных выше методов требует от исследователя использования специфических данных, которые не всегда есть в наличии. В результате выбор исследовательского вопроса часто обусловлен имеющимися данными — что похоже на ситуацию поиска ключей там, где светит фонарь. Поэтому в последнее время идет активный процесс создания новых баз данных, содержащих историческую информацию для разных культур¹³. Это открывает для экономистов, специализирующихся на социокультурной тематике, больше возможностей для выбора валидных инструментальных переменных и получения новых, более надежных с эмпирической точки зрения результатов.

¹³ Например, собираются данные о характеристиках культуры и среды обитания доиндустриальных обществ (Giuliano, Nunn, 2018) или о мотивах, встречающихся в фольклоре более 1000 доиндустриальных обществ (Xue, Michalopoulos, 2019).

При этом можно выделить по крайней мере три темы, которые, с одной стороны, чаще других появляются в научном дискурсе, а с другой — содержат в настоящее время больше вопросов, чем ответов: культура и институты, различия культуры внутри страны, культура в динамике.

Открытые вопросы

Культура и институты

В России проблема взаимодействия институтов и культуры обострилась в ходе рыночных реформ 1990-х годов, когда социокультурные особенности российского общества стали барьером для заимствования институтов, распространенных в капиталистических странах (Полтерович, 2001). Впоследствии эти вопросы нашли отражение в научных дискуссиях о роли культуры в модернизационном развитии России, о «проблеме колеи», «культурном коде» и т. п. (Ясин, 2003; Аузан и др., 2011; Тамбовцев, 2015; Автономов и др., 2017).

Культура влияет на сложившуюся в стране систему институтов, выступая внешним ограничителем институциональных изменений и определяя доступное для выбора множество формальных институтов в конкретный момент времени (Норт, 1997; Williamson, 2000). В некоторых работах показана связь между культурой и формальными институтами. Например, Ю. Городниченко и Ж. Ролан выявили, что в коллективистских странах выше вероятность установления авторитарного режима — коллективизм способствует конформизму, в том числе в политических вопросах (Gorodnichenko, Roland, 2015). Ч. Квок и С. Тадесс утверждают, что в странах с более высоким неприятием неопределенности в силу потребности людей в большей предсказуемости правил и дохода банковский сектор в экономике важнее, чем фондовый рынок (Kwok, Tadesse, 2006).

При этом институты также могут влиять на культуру, меняя ее. В частности, А. Алесина и Н. Фукс-Шюндельн показали, что даже через десятилетия после объединения Германии жители бывшей ГДР чаще, чем жители ФРГ, поддерживают государственное вмешательство и перераспределение доходов (Alesina, Fuchs-Schündeln, 2007). Н. Нанн и Л. Вантчекон продемонстрировали, что распространение работорговли приводило к снижению уровня доверия в соответствующих регионах Африки (Nunn, Wantchekon, 2011).

Связь между культурой и институтами сложнее, чем простая зависимость одного от другого. Алесина и П. Джулиано утверждают, что существует взаимовлияние этих двух факторов. Культурные ценности и установки, разделяемые членами общества, предопределяют выбор соответствующих институтов, которые, в свою очередь, обеспечивают их закрепление и дальнейшую передачу из поколения в поколение. Такая взаимозависимость порождает множественные устойчивые равновесия с различным набором самоподдерживающихся институтов и культурных норм (Alesina, Giuliano, 2015).

Ф. Агийон, Я. Алган, П. Каюк и А. Шлейфер, анализируя связь между уровнем доверия и государственным регулированием, показали, что возможно существование двух равновесий. При низком уровне доверия в обществе население предъявляет спрос на государственное регулирование, однако оно часто оказывается неэффективным в силу низкой подотчетности государства (вследствие низкого уровня социального капитала и неготовности общества нести издержки по контролю государства), что закрепляет «плохое равновесие». При высоком уровне доверия, напротив, меньше спрос на государственное регулирование и выше его качество вследствие большей подотчетности государства («хорошее равновесие») (Aghion et al., 2010).

Пример того, как работает «низкое равновесие», возникшее в результате специфического взаимодействия формальных и неформальных институтов в сфере высшего образования, описан в статье А. Золотова и Н. Припузовой (Золотов, Припузова, 2020).

Теоретические свидетельства связи культуры и экономики открывают новые возможности для решения прикладных задач. Прежде всего, это означает, что при проектировании формальных институтов необходимо учитывать влияние культуры. Это, с одной стороны, позволяет избегать рисков «отторжения» формального института, с другой — способствует гармонизации формальных и неформальных институтов, конфликт между которыми может иметь неблагоприятные последствия в виде повышения транзакционных издержек или закрепления неэффективных норм и их воспроизводства.

Кроме того, факт изменяемости культуры дает возможность воздействовать на нее посредством формальных институтов. Один из вариантов корректировки неэффективных норм — проектирование «промежуточных» («нестандартных») институтов, работоспособных при имеющихся ограничениях (в том числе социокультурных), способствующих их ослаблению и создающих тем самым условия для дальнейших преобразований (Полтерович, 2016). Примеры промежуточных институтов: программа личных пенсионных накоплений в Австралии, введенная в 1990-е годы, микрофинансовые организации в Бангладеш в 1980-х годах, ссудосберегательные институты (кооперативы и кассы) в Словакии и Чехии в 1990-х годах, селективные налоги (Полтерович, 2001; Аузан и др., 2017).

Различия культуры внутри стран

Большинство кросс-культурных исследований выполнены на страновом уровне, что во многом обусловлено спецификой имеющихся данных. Вместе с тем возникает вопрос: насколько корректно в таких случаях неявно предполагать культурную гомогенность стран, особенно учитывая, что многие страны многонациональные?

Исследований, посвященных региональным различиям внутри стран, немного, и их результаты достаточно противоречивы. Хофстеде с соавторами на примере Бразилии показали, что межрегиональные социокультурные различия существуют, и они значительно меньше межстрановых (Hofstede et al., 2010). М. Минков и Хофстеде при помощи кластерного анализа социокультурных данных World Values Survey на региональном уровне выявили, что в большинстве случаев регионы отдельных стран объединяются в кластеры, практически иден-

тичные странам (например, регионы Таиланда образуют один кластер; регионы Индонезии — другой и т. д.) (Minkov, Hofstede, 2012).

Р. Патнэм и соавторы в 1994 г. зафиксировали различия в культуре между регионами Италии (Putnam et al., 1994), что впоследствии подтвердилось в лабораторных экспериментах (Bigoni et al., 2016; о различиях в культуре между отдельными регионами внутри стран см. также: Tabellini, 2010; Alesina, Giuliano, 2015).

На российских данных также зафиксированы отдельные социокультурные различия между регионами (Ядов, 2002; Латов, Латова, 2007; Дубицкая, 2015; Аузан и др., 2017; Антонов и др., 2019; Брызгалин, Никишина, 2020 и др.). При этом сохраняется дефицит региональных данных, позволяющих охарактеризовать социокультурные особенности всех российских регионов и, как следствие, описать сравнительные преимущества и недостатки, обусловленные культурой.

Все вместе это определяет актуальность следующих исследовательских вопросов:

— для каких стран характерно существование региональных социокультурных различий?

— между какими регионами и по каким характеристикам фиксируются различия? насколько они сильны?

— как можно использовать региональные социокультурные различия в экономическом развитии?

Для ответа на эти вопросы необходимо накопить и расширить данные о социокультурных особенностях на региональном уровне, в том числе за счет проведения дополнительных полевых исследований.

Культура в динамике

Один из наиболее интересных вопросов — скорость изменения культуры. Существуют многочисленные свидетельства, что культурные нормы могут сохраняться неизменными на протяжении столетий. Например, Н. Фойгтлендер и Х. Фот показали, что в городах, в которых в XIV в. происходили еврейские погромы, в начале XX в. были более распространены антисемитские настроения (Voigtlaender, Voth, 2012). Р. Дюранте выявил, что в европейских регионах, в которых 300 лет назад были сильные колебания климата, до сих пор наблюдается высокий уровень доверия (изменчивая погода заставляла людей кооперироваться для выращивания и сохранения урожая и доверять друг другу) (Durante, 2009).

Однако культура может меняться, иногда относительно быстро. Н. Лебедева и А. Татарко на выборке российских учителей и студентов зафиксировали рост ценностей «консерватизма», «иерархии» и «гармонии» по Шварцу в течение шестилетнего периода (Лебедева, Татарко, 2007). В статье А. Бахтигараевой и А. Ставинской и показано, что уровень доверия у российских студентов меняется по мере перехода на старшие курсы (Бахтигараева, Ставинская, 2020). Кроме того, ценности могут меняться вследствие внешних шоков — эпидемий, кризисов и т. д. Например, те, кто пережил Великую депрессию в возрасте 18–25 лет, предъявляли больший спрос на перераспределение и меньше доверяли политическим институтам (Giuliano, Spilimbergo,

2014). Учитывая распространение коронавирусной инфекции и связанные с этим социально-экономические последствия, можно ожидать, что в ближайшее время будут меняться ценности и поведенческие установки людей по всему миру, причем, вероятно, не только среди молодежи, но и среди более старших поколений.

Попытка систематизировать и определить скорость конвергенции различных ценностей (Giavazzi et al., 2014) с помощью эпидемиологического подхода выявила значительную конвергенцию ценностей кооперации, семейных ценностей и убеждений относительно роли женщин на рынке труда у четвертого поколения мигрантов и населения принимающей страны. В то же время религиозные ценности, представления о роли государства и о роли женщин в обществе в целом меняются гораздо медленнее, и даже у четвертого поколения мигрантов они оказываются ближе к ценностям родной страны, а не принимающей¹⁴.

Несмотря на появление новых работ, вопросов в данной сфере по-прежнему остается больше, чем ответов. Среди наиболее перспективных:

– как быстро меняются ценности и убеждения? какие из них подвержены более быстрому изменению, а какие – более медленному?

– какие условия воздействуют на скорость изменения ценностей и убеждений? влияют ли на это исторический опыт и культура разных национальностей?

– как внешний шок, связанный с распространением коронавирусной инфекции, повлияет на ценности и установки людей по всему миру?

Отдельно стоит практический вопрос: каким образом (и нужно ли) корректировать те или иные ценности и убеждения, если они препятствуют долгосрочному экономическому развитию или благосостоянию населения? Может ли точечное институциональное проектирование исправить ситуацию, и если да, то каким оно должно быть? Ответ на этот вопрос мог бы стать связующим звеном между теорией и практикой.

* * *

В настоящее время продолжает расти число исследований, посвященных роли культуры в экономическом развитии. Появляются новые источники данных, совершенствуются методы статистического анализа и выявления причинно-следственных связей, формируется отдельное исследовательское направление социокультурной экономики, которое может быть резюмировано в пяти ключевых тезисах (Аузан и др., 2016).

1. Существуют экономические явления, которые не удастся объяснить другими факторами, кроме культурных.

2. С точки зрения теории неформальных институтов культура — это ценности и поведенческие установки, разделяемые определенным сообществом и медленно меняющиеся во времени.

3. Культура влияет на экономическое развитие, но не детерминирует его. Воздействие культуры устойчиво во времени, но связано с другими факторами.

¹⁴ Скорость конвергенции ценностей зависит от страны, из которой приехал мигрант.

4. Культура может тормозить или стимулировать экономическое развитие через структуру и уровень транзакционных издержек. Возникновение прироста вследствие снижения транзакционных издержек позволяет трактовать совокупность социокультурных факторов как социальный и культурный капитал.

5. Использовать влияние культуры на экономику можно через изменение структуры социального и культурного капитала посредством прежде всего образования.

В серии работ на российских данных развиваются тезисы социокультурной экономики и предприняты попытки ответить на вопросы о соотношении культуры и институтов, о скорости изменения культуры и о региональных различиях (Аузан и др., 2017; Антонов и др., 2019; Аузан и др., 2019; Бахтигараева, Ставинская, 2020; Брызгалин, Никишина, 2020; Золотов, Припузова, 2020 и др.). Продолжение исследований в области социокультурной экономики (в том числе с использованием новых источников данных и продвинутых методов анализа) представляется перспективным не только в научном плане, но и для решения прикладных задач повышения эффективности процессов на микро- и макроуровне.

Список литературы / References

- Антонов В. С., Воробьев А. С., Кононенко П. Б., Расков Д. Е., Тульчинский Г. Л. (2017). Культура как новый фронт в экономической науке // Экономическая политика Т. 12. № 5. С. 178–193. [Avtonomov V. S., Vorobyev A. S., Kononenko P. B., Raskov D. E., Tulchinskiy G. L. (2017). Culture as the new frontier of economics. *Ekonomicheskaya Politika*, Vol. 12, No. 5, pp. 178–193. (In Russian).] <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-5-09>
- Антонов Е. В., Аузан А. А., Брызгалин В. А., Вороненко В. А., Золотов А. В., Никишина Е. Н., Припузова Н. А., Трухачев С. А. (2019). Социокультурные факторы инновационной активности населения. М.: Институт национальных проектов; Российская венчурная компания. [Antonov E. V., Auzan A. A., Bryzgalin V. A., Zolotov A. V., Nikishina E. N., Pripuzova N. A., Trukhachev S. A. (2019). *Sociocultural factors of population innovation activity*. Moscow: Institute for National Projects; Russian Venture Company. (In Russian).]
- Аузан А. А., Авдиенкова М. А., Андреева Д. А., Бахтигараева А. И., Брызгалин В. А., Бутаева К. О., Вебер Ш., Давыдов Д. В., Золотов А. В., Никитин К. М., Никишина Е. Н., Припузова Н. А., Ставинская А. А. (2017). Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. М.: Центр стратегических разработок. [Auzan A. A., Avdienkova M. A., Andreeva D. A., Bakhtigaraeva A. I., Bryzgalin V. A., Butaeva K. O., Weber S., Davydov D. V., Zolotov A. V., Nikitin K. M., Nikishina E. N., Pripuzova N. A., Stavinskaya A. A. (2017). *Sociocultural factors of innovative development and successful implementation of reforms*. Moscow: Center for Strategic Research. (In Russian).]
- Аузан А. А., Архангельский А. Н., Лунгин П. С., Найшуль В. А. (2011). Культурные факторы модернизации. СПб.: Фонд «Стратегия 2020». [Auzan A. A., Arkhangelskiy A. N., Lungin P. S., Nayshul V. A. (2011). *Cultural factors of the modernization*. St. Petersburg: Strategiya 2020 Foundation. (In Russian).]
- Аузан А. А. (ред.) (2005). Институциональная экономика. М.: Инфра-М. [Auzan A. A. (ed.) (2005). *Institutional economics*. Moscow: Infra-M. (In Russian).]

- Аузан А. А., Никишина Е. Н. (2013). Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов // Журнал экономической теории. № 4. С. 48–57. [Auzan A. A., Nikishina E. N. Economic dynamics in the long run: The role of informal institutions. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii*, No. 4, pp. 48–57. (In Russian).]
- Аузан А., Бахтигараева А., Золотов А., Никишина Е., Ставинская А. (2016). Социокультурная экономика. Доклад на XVII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 19–22 апреля. [Auzan A., Bakhtigaraeva A., Zolotov A., Nikishina E., Stavinskaya A. (2016). *Sociocultural economics*. Paper prepared for the XVII April international academic conference on economic and social development, Moscow, April 19–22. (In Russian).]
- Аузан А. А., Комиссаров А. Г., Бахтигараева А. И. (2019). Социокультурные ограничения коммерциализации инноваций в России // Экономическая политика. Т. 14, № 4. С. 76–95. [Auzan A. A., Komissarov A. G., Bakhtigaraeva A. I. (2019). Sociocultural restrictions on the commercialization of innovations in Russia. *Ekonomicheskaya Politika*, Vol. 14, No. 4, pp. 76–95. (In Russian).]. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2019-4-76-95>
- Бахтигараева А. И., Ставинская А. А. (2020). Сможет ли доверие стать фактором роста экономики? Динамика уровня доверия у российской молодежи // Вопросы экономики. № 7. С. 92–107. [Bakhtigaraeva A. I., Stavinskaya A. A. (2020). Can trust become a factor of economic growth? Dynamic changes in the level of trust of Russian youth. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 92–107. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-92-107>
- Брызгалин В. А., Никишина Е. Н. (2020). Существует ли региональная социокультурная специфика в России? Возможности использования социокультурного подхода в экономике // Вопросы экономики. № 7. С. 108–126. [Bryzgalin V. A., Nikishina E. N. (2020). Is there a regional culture in Russia? Opportunities of using a sociocultural approach in economics. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 108–126. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-108-126>
- Дубицкая В. (2015). Капитализм под копирку: Иллюзии эффективных менеджеров. М.: Альпина Паблшер. [Dubitskaya V. (2015). *Copied capitalism: Illusions of effective managers*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian).]
- Золотов А. В., Припузова Н. А. (2020). Впроиизводство социальных норм в России // Вопросы экономики. № 7. С. 127–141. [Zolotov A. V., Pripuzova N. A. (2020). Reproduction of social norms in Russia. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 127–141 (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-127-141>
- Латов Ю. В., Латова Н. В. (2007). Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда // Мир России. № 4. С. 43–72. [Latov Yu. V., Latova N. V. (2007). Findings and paradoxes of ethnometric analysis of russia's economic culture according to Hofstede. *Mir Rossii*, No. 4, pp. 43–72. (In Russian).]
- Лебедева Н. М., Татарко А. Н. (2007). Ценности культуры и развитие общества. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. [Lebedeva N. M., Tatarko A. N. (2007). *Cultural values and the society development*. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- Никишина Е. Н. (2015). Культурный капитал как фактор неопределенности и транзакционных издержек // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 5. С. 3–21. [Nikishina E. N. (2015). Cultural capital as a factor of uncertainty and transaction costs. *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya 6: Ekonomika*, No. 5, pp. 3–21. (In Russian).]
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги “Начала”. [Nort D. (1997). *Institutions, institutional change and economic performance*. Moscow: Fond Ekonomicheskoy Knigi “Nachala”. (In Russian).]
- Полищук Л., Меняшев Р. (2011). Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. № 12. С. 46–65. [Polishchuk L., Menyashv R. Economic significance of social capital. *Voprosy Ekonomiki*, No. 12, pp. 46–65. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2011-12-46-65>

- Полтерович В. (2001). Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. № 3. С. 24–50. [Polterovich V. (2001). Transplantation of institutions. *Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoy Rossii*, No. 3, pp. 24–50. (In Russian).] <https://doi.org/10.1001/jama.285.12.1649>
- Полтерович В. М. (2016). Институциональные реформы и гражданская культура // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 8. № 2–2. С. 225–238. [Polterovich V. M. (2016). Institutional reforms and civic culture. *Istoricheskaya i Sotsialno-obrazovatel'naya Mysl*, Vol. 8, No. 2–2, pp. 225–238. (In Russian).]
- Тамбовцев В. (2015). Миф о «культурном коде» в экономических исследованиях // Вопросы экономики. № 12. С. 85–106. [Tambovtsev V. (2015). The myth of the “culture code” in economic research. *Voprosy Ekonomiki*, No. 12, pp. 85–106. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-12-85-106>
- Тамбовцев В. Л. (2018). Инновации и культура: важность методологии анализа // Вопросы экономики. № 9. С. 70–94. [Tambovtsev V. L. (2018). Innovations and culture: Importance of the analysis methodology. *Voprosy Ekonomiki*, No. 9, pp. 70–94. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-9-70-94>
- Ядов В. А. (2002). Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. № 2. С. 349–363. [Yadov V. A. (2002). Sociological foundations for the forecast of the Russian future society. *Rossiya Reformiruyushchayasya*, No. 2, pp. 349–363. (In Russian).]
- Ясин Е. (2003). Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. № 4. С. 4–36. [Yasin E. (2003). Economy modernization and the system of values. *Voprosy Ekonomiki*, No. 4, pp. 4–36. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2003-4-4-36>
- Aghion P., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A. (2010). Regulation and distrust. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 125, No. 3, pp. 1015–1049. <https://doi.org/10.1162/qjec.2010.125.3.1015>
- Alesina A., Fuchs-Schündeln N. (2007). Good-bye Lenin (or not?): The effect of communism on people's preferences. *American Economic Review*, Vol. 97, No. 4, pp. 1507–1528. <https://doi.org/10.1257/aer.97.4.1507>
- Alesina A., Giuliano P. (2014). Family ties. In: P. Aghion, S. N. Durlauf (eds.). *Handbook of economic growth*, Vol. 2, pp. 177–215. Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53538-2.00004-6>
- Alesina A., Giuliano P. (2015). Culture and Institutions. *Journal of Economic Literature*, Vol. 53, No. 4, pp. 898–944. <https://doi.org/10.1257/jel.53.4.898>
- Alesina A., Glaeser E. (2004). *Fighting poverty in the US and Europe: A world of difference*. Oxford: Oxford University Press.
- Algan Y., Cahuc P. (2009). Civic virtue and labor market institutions. *American Economic Journal: Macroeconomics*, Vol. 1, No. 1, pp. 111–145. <https://doi.org/10.1257/mac.1.1.111>
- Algan Y., Cahuc P. (2010). Inherited trust and growth. *American Economic Review*, Vol. 100, No. 5, pp. 2060–2092. <https://doi.org/10.1257/aer.100.5.2060>
- Algan Y., Cahuc P. (2014). Trust, growth, and well-being: New evidence and policy implications. In: P. Aghion, S. N. Durlauf (eds.). *Handbook of economic growth*, Vol. 2, pp. 49–120. Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53538-2.00002-2>
- Algan Y., Cahuc P., Sangnier M. (2016). Trust and the welfare state: The twin peaks curve. *Economic Journal*, Vol. 126, No. 593, pp. 861–883. <https://doi.org/10.1111/eoj.12278>
- Ajzen I., Fishbein M. (1980). *Understanding attitudes and predicting social behavior*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Bagozzi R. P., Wong N., Abe S., Bergami M. (2000). Cultural and situational contingencies and the theory of reasoned action: Application to fast food restaurant consumption. *Journal of Consumer Psychology*, Vol. 9, No. 2, pp. 97–106. https://doi.org/10.1207/S15327663JCP0902_4
- Becker S. O., Boeckh K., Hainz C., Woessmann L. (2016). The empire is dead, long live the empire! Long-run persistence of trust and corruption in the bureaucracy. *Economic Journal*, Vol. 126, No. 590, pp. 40–74. <https://doi.org/10.1111/eoj.12220>

- Beugelsdijk S., Maseland R. (2010). Culture in economics: History, methodological reflections and contemporary applications. Cambridge: Cambridge University Press.
- Beugelsdijk S., Maseland R., van Hoorn A. (2015). Are scores on Hofstede's dimensions of national culture stable over time? A Cohort Analysis. *Global Strategy Journal*, Vol. 5, No. 3, pp. 223–240. <https://doi.org/10.1002/gsj.1098>
- Beugelsdijk S., Welzel C. (2018). Dimensions and dynamics of national culture: Synthesizing Hofstede with Inglehart. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 49, No. 10, pp. 1469–1505. <https://doi.org/10.1177/0022022118798505>
- Bigoni M., Bortolotti S., Casari M., Gambetta D., Pancotto F. (2016). Amoral familism, social capital, or trust? The behavioural foundations of the Italian North–South divide. *Economic Journal*, Vol. 126, No. 594, pp. 1318–1341. <https://doi.org/10.1111/eoj.12292>
- Bisin A., Verdier T. (2001). The economics of cultural transmission and the dynamics of preferences. *Journal of Economic Theory*, Vol. 97, No. 2, pp. 298–319. <https://doi.org/10.1006/jeth.2000.2678>
- Boer D., Fischer R. (2013). How and when do personal values guide our attitudes and sociality? Explaining cross-cultural variability in attitude–value linkages. *Psychological Bulletin*, Vol. 139, No. 5, pp. 1113. <https://doi.org/10.1037/a0031347>
- Bukowski A., Rudnicki S. (2018). Not only individualism: The effects of long-term orientation and other cultural variables on national innovation success. *Cross-Cultural Research*, Vol. 53, No. 2, pp. 119–162. <https://doi.org/10.1177/1069397118785546>
- Cox P. L., Khan R. H. (2017). Country culture and national innovation. *Archives of Business Research*, Vol. 5, No. 2, pp. 85–101. <https://doi.org/10.14738/abr.52.2768>
- Durante R. (2009). Risk, cooperation and the economic origins of social trust: an empirical investigation. Available at SSRN: <http://doi.org/10.2139/ssrn.1576774>
- Fernández R. (2011). Does culture matter? In: J. Benhabib, A. Bisin, M. O. Jackson (eds.). *Handbook of social economics*, Vol. 1, pp. 481–510. Amsterdam: Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53187-2.00011-5>
- Fischer R., Poortinga Y. H. (2018). Addressing methodological challenges in culture-comparative research. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 49, No. 5, pp. 691–712. <https://doi.org/10.1177/0022022117738086>
- Giavazzi F., Petkov I., Schiantarelli F. (2014). Culture: Persistence and evolution. *NBER Working Paper*, No. 20174. <https://doi.org/10.3386/w20174>
- Giuliano P., Nunn N. (2018). Ancestral characteristics of modern populations. *Economic History of Developing Regions*, Vol. 33, No. 1, pp. 1–17. <https://doi.org/10.1080/20780389.2018.1435267>
- Gorodnichenko Y., Roland G. (2015). Culture, institutions and democratization. *NBER Working Paper*, No. 21117. <https://doi.org/10.3386/w21117>
- Giuliano P., Spilimbergo A. (2014). Growing up in a recession. *Review of Economic Studies*, Vol. 81, No. 2, pp. 787–817. <https://doi.org/10.1093/restud/rdt040>
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2006). Does culture affect economic outcomes? *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 20, No. 2, pp. 23–48. <https://doi.org/10.1257/jep.20.2.23>
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2016). Long-term persistence. *Journal of the European Economic Association*, Vol. 14, No. 6, pp. 1401–1436. <https://doi.org/10.1111/jeea.12177>
- Harrison L. E., Huntington S. P. (2000). *Culture matters: How values shape human progress*. New York: Basic Books.
- Hofstede G. (1984). *Culture's consequences: International differences in work-related values*, Vol. 5. Sage Publications.
- Hofstede G. (2001). *Culture's consequences: Comparing values, behaviors and organizations across nations*. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Hofstede G., Garibaldi de Hilal A. V., Malvezzi S., Tanure B., Vinken H. (2010). Comparing regional cultures within a country: Lessons from Brazil. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 41, No. 3, pp. 336–352. <https://doi.org/10.1177/0022022109359696>

- House R. J., Hanges P. J., Javidan M., Dorfman P. W., Gupta V. (eds.) (2004). *Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Inglehart R. (1990). *Culture shift in advanced industrial society*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Inglehart R. (1997). *Modernization and postmodernization: Cultural, economic, and political change in 43 societies*. Princeton, NJ: Princeton university press.
- John O. P., Naumann L. P., Soto C. J. (2008). Paradigm shift to the integrative Big Five trait taxonomy: History, measurement, and conceptual issues. In: O. P. John, R. W. Robins, L. A. Pervin (eds.). *Handbook of personality: Theory and research*. 3rd ed. New York: Guilford, pp. 114–158.
- Knack S., Keefer P. (1997). Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 112, No. 4, pp. 1251–1288. <https://doi.org/10.1162/003355300555475>
- Knies K. G. A. (1883). *Die politische Ökonomie vom geschichtlichen Standpunkte*. Braunschweig, C.A.: Schwetschke und Sohn.
- Kwok C. C. Y., Tadesse S. (2006). National culture and financial systems. *Journal of International Business Studies*, Vol. 37, No. 2, pp. 227–247. <https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8400188>
- Menyashev R., Polishchuk L. (2011). *Does social capital have economic payoff in Russia*. Moscow: HSE Publ.
- Miguel E., Saiegh S. M., Satyanath S. (2008). National cultures and soccer violence. *NBER Working Paper*, No. 13968. <https://doi.org/10.3386/w13968>
- Mill J. S. (1848). *Principles of political economy*. London: John W. Parker.
- Minkov M. (2018). A revision of Hofstede's model of national culture: Old evidence and new data from 56 countries. *Cross Cultural and Strategic Management*, Vol. 25, No. 2, pp. 231–256. <https://doi.org/10.1108/CCSM-03-2017-0033>
- Minkov M., Hofstede G. (2012). Is national culture a meaningful concept? Cultural values delineate homogeneous national clusters of in-country regions. *Cross-Cultural Research*, Vol. 46, No. 2, pp. 133–159. <https://doi.org/10.1177/1069397111427262>
- Nunn N., Qian N., Wen J. (2018). Distrust and political turnover. *NBER Working Paper*, No. 24187. <https://doi.org/10.3386/w24187>
- Nunn N., Wantchekon L. (2011). The slave trade and the origins of Mistrust in Africa. *American Economic Review*, Vol. 101, No. 7, pp. 3221–3252. <https://doi.org/10.1257/aer.101.7.3221>
- Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. Y. (1994). *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Putnam R. D. (1995). Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy*, Vol. 6, No. 1, pp. 65–78. <https://doi.org/10.1353/jod.1995.0002>
- Roccas S., Sagiv L., Schwartz S. H., Knafo A. (2002). The big five personality factors and personal values. *Personality and Social Psychology Bulletin*, Vol. 28, No. 6, pp. 789–801. <https://doi.org/10.1177/0146167202289008>
- Rokeach M. (1968). *Beliefs, attitudes and values: A theory of organization and change*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Schwartz S. H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In: M. P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*, Vol. 25, pp. 1–65. Elsevier. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6)
- Schwartz S. H. (2014). National culture as value orientations: Consequences of value differences and cultural distance. In: V. A. Ginsburgh, D. Throsby (eds.). *Handbook of the economics of art and culture*, Vol. 2, pp. 547–586. Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53776-8.00020-9>
- Schwartz S. H., Caprara G. V., Vecchione M. (2010). Basic personal values, core political values, and voting: A longitudinal analysis. *Political Psychology*, Vol. 31, No. 3, pp. 421–452. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2010.00764.x>

- Smith A. (1997 [1766]). Lecture on the influence of commerce on manners, reprinted. In: D. B. Klein (ed.). *Reputation: Studies in the voluntary elicitation of good conduct*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Suddle K., Beugelsdijk S., Wennekers S. (2010). Entrepreneurial culture and its effect on the rate of nascent entrepreneurship. In: A. Freytag, R. Thurik (eds.). *Entrepreneurship and culture*. Berlin, Heidelberg: Springer, pp. 227–244. https://doi.org/10.1007/978-3-540-87910-7_11
- Tabellini G. (2010). Culture and institutions: Economic development in the regions of Europe. *Journal of European Economics Association*, Vol. 8, No. 4, 677–716. <https://doi.org/10.1111/j.1542-4774.2010.tb00537.x>
- Taras V., Steel P., Kirkman B. L. (2012). Improving national cultural indices using a longitudinal meta-analysis of Hofstede's dimensions. *Journal of World Business*, Vol. 47, No. 3, pp. 329–341. <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2011.05.001>
- Venaik S., Brewer P. (2016). National culture dimensions: The perpetuation of cultural ignorance. *Management Learning*, Vol. 47, No. 5, pp. 563–589. <https://doi.org/10.1177/1350507616629356>
- Voigtlaender N., Voth H. J. (2012). Persecution perpetuated: The medieval origins of anti-semitic violence in nazi Germany. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 127, No. 3, pp. 1339–1392. <https://doi.org/10.1093/qje/qjs019>
- Williamson O. E. (2000). The new institutional economics: Taking stock, looking ahead. *Journal of Economic Literature*, Vol. 38, No. 3, pp. 595–613. <https://doi.org/10.1257/jel.38.3.595>
- Xue M. M., Michalopoulos S. (2019). Folklore. *NBER Working Paper*, No. 25430. <https://doi.org/10.3386/w25430>
-

Sociocultural factors in economics: Milestones and perspectives

Alexander A. Auzan^{1,2,*}, Asii I. Bakhtigaraeva^{1,2},
Viktor A. Bryzgalin^{1,2}, Anton V. Zolotov², Elena N. Nikishina^{1,2},
Nadezhda A. Pripuzova^{1,2}, Alexandra A. Stavinskaya^{1,2}

Authors affiliation: ¹ Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia);

² Institute for National Projects (Moscow, Russia).

* Corresponding author, email: auzan@inp.ru

The paper analyzes key achievements in sociocultural research of economic development for the last twenty years. Firstly, the paper describes the main approaches in sociocultural studies and key trends in empirical research (including causality issues). Secondly, it poses critical open questions in sociocultural research concerning the relationship between culture and institutions, within-country cultural differences, and culture in dynamics. It demonstrates how the research into culture is connected to the studies of social capital. Finally, the paper formulates the theses of the sociocultural economics research field.

Keywords: culture, social capital, values, Russian regions, Hofstede.

JEL: B410, C18, D910, O430, Z10, Z13.

Сможет ли доверие стать фактором роста экономики? Динамика уровня доверия у российской молодежи*

А. И. Бахтигараева^{1,2}, А. А. Ставинская^{1,2}

¹ МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

² Институт национальных проектов (Москва, Россия)

В статье рассматриваются роль доверия в экономике, механизмы его накопления и возможности использования как одного из факторов роста в будущем. Анализируются преимущества и недостатки измерения уровня обобщенного доверия с помощью альтернативных вопросов — о доверии людям в целом и о доверии незнакомым людям. Приведены результаты анализа данных, демонстрирующих динамику уровня обобщенного доверия у российской молодежи, которые получены в рамках исследования, проведенного Институтом национальных проектов в 10 регионах России. Показано, что в процессе обучения в вузе значимых изменений в доверии людям в целом не происходит. При этом уровень доверия к незнакомым падает, что может негативно сказаться на уровне доверия в стране в целом и на развитии экономики в будущем. Обсуждаются возможные причины наблюдаемых тенденций и роль, которую в этом играют университеты. Поставлен вопрос о связи между уровнем образования и обобщенным доверием в странах с разным качеством институциональной среды.

Ключевые слова: обобщенное доверие, университеты, образование, качество институтов.

JEL: B52, I25.

Бахтигараева Асия Инсуровна (a.bahtigaraeva@gmail.com), аспирант экономического факультета МГУ, вед. специалист научно-методического отдела Института национальных проектов; *Ставинская Александра Александровна* (astavinskaya@inpr.ru), к. э. н., доцент кафедры прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ, руководитель научно-методического отдела Института национальных проектов.

* Авторы выражают благодарность администрации и представителям вузов ФУМО, Тюнинг-центру ЭФ МГУ за содействие в проведении исследования ценностей российских студентов экономических специальностей, а также А. А. Аузану, В. А. Брызгалину, А. В. Золотову, Е. Н. Никишиной и Н. А. Припузовой за совместную работу и обсуждения в ходе исследования.

Несмотря на подробную изученность проблемы экономического развития стран и факторов экономического роста (Acemoglu et al., 2002; Varro, 2003; Boldeanu, Constantinescu, 2015; Granato et al., 1996), в научной литературе продолжают дискуссии относительно упущенных факторов роста, их роли и механизмов влияния на экономику. В последние десятилетия в качестве одного из таких факторов рассматривается *социальный капитал*, в частности *доверие* (Knack, Keefer, 1997; Whiteley, 2000; Woolcock, Narayan, 2000).

Особый интерес представляют скорость, динамика уровня доверия в обществе и возможность воздействовать на уровень экономического развития за счет его изменения. Поэтому важно изучить ловушку самовоспроизводящегося недоверия и механизмы/инструменты, способствующие выходу из нее. Ключевым становится вопрос специфики уровня доверия среди молодежи, механизмов его накопления и динамики в процессе получения высшего образования. Необходимо изучать проблему взаимодействия и взаимовлияния разных механизмов накопления доверия, в данном случае — механизмов внутрисемейной межпоколенческой трансмиссии и механизмов обучения. В зависимости от характера и темпов изменения доверия у молодежи можно делать выводы относительно потенциальных последствий для экономического роста страны в ближайшие десятилетия.

Прогресс в изучении изменений уровня доверия у одного поколения сильно ограничен сложностью сбора данных, необходимостью проводить повторные исследования и преодолевать связанные с ними методологические и инструментальные проблемы. Институтом национальных проектов было проведено исследование динамики ценностей российской молодежи в период обучения в университете. Анализ данных, касающихся изменения уровня доверия российских студентов, может способствовать поиску ответов на вопросы относительно роли, которую в этом играют различные механизмы трансляции ценностей и поведенческих установок, в частности, связанные с обучением в университете, и относительно причин наблюдаемых тенденций.

Доверие в экономике: его роль и механизмы накопления

Социальный капитал в целом и доверие в частности исследуются в экономической литературе уже не одно десятилетие. Теория социального капитала начала бурно развиваться в 1980-е годы (Coleman, 1988; Putnam, 1995), и появился огромный пласт литературы, посвященной определению социального капитала, его элементов, типов и разновидностей, а также механизмов влияния на экономику.

Наиболее распространенный показатель, отражающий уровень социального капитала в обществе, — обобщенное доверие, то есть доверие людям в целом, как ближнему кругу, так и незнакомым (Uslaner, 2002). Высокий уровень обобщенного доверия означает наличие в обществе универсальной морали — приблизительно одинаковых моральных мерок по отношению к близким и незнакомым людям. При

таких условиях общество способно кооперироваться, чтобы повысить эффективность государственного управления и институтов, обеспечив подотчетность власти (Putnam et al., 1994). Именно с высоким уровнем обобщенного доверия связывают высокие темпы экономического развития страны (Knack, Keefer, 1997; Zak, Knack, 2001; Francois, Zbojnik, 2005). Высокий уровень обобщенного доверия также ассоциируется с большей эффективностью формальных институтов (Djankov et al., 2003; Aghion et al., 2010), финансовым развитием (Guiso et al., 2004; 2008a), меньшим уровнем преступности (Glaeser et al., 1996), а также развитием инноваций (Fountain, 1997).

Основной механизм влияния доверия на экономику — снижение уровня различных типов трансакционных издержек. Прежде всего, доверие снижает издержки ведения переговоров и заключения контрактов, поскольку нет необходимости подробно детализировать условия договоров, прописывать все возможные исходы и варианты развития событий. Кроме того, доверие способствует снижению издержек защиты прав собственности: в странах с высоким уровнем доверия меньше расходы на содержание судов, арбитража, органов государственного управления, а также ниже затраты времени и ресурсов, необходимые для восстановления нарушенных прав (Ramseyer, 2015). Также высокий уровень доверия снижает трансакционные издержки оппортунистического поведения контрагентов в виде «отлынивания» (shirking) и «вымогательства» (holding-up): нет необходимости применять дорогостоящие системы мониторинга и контроля за действиями контрагентов; сохраняются стимулы к инвестированию в специфические активы. Поэтому неудивительно, что эконометрические исследования фиксируют положительную связь между доверием и социально-экономическим развитием стран.

Способы измерения обобщенного доверия

Канонически уровень обобщенного доверия измеряется посредством следующего вопроса: «Как Вы считаете, можно ли в целом доверять людям или следует быть осторожным, имея дело с другими людьми?». Доля респондентов, утвердительно ответивших на первую половину вопроса, характеризует уровень обобщенного доверия в обществе. Использование данного показателя, несомненно, имеет свои плюсы: он позволяет измерять уровень обобщенного доверия на макроуровне; по нему накоплен значительный массив данных¹, позволяющих проводить международные сопоставления и анализировать изменение уровня обобщенного доверия во времени; он используется в большом числе работ по теме социального капитала, что позволяет опираться на уже имеющиеся исследования и обеспечивает преемственность результатов.

Между тем в научной среде существует дискуссия по указанному способу измерения уровня обобщенного доверия (Knack, Keefer, 1997; Delhey et al., 2011; Sturgis, Smith, 2010; Glaeser et al., 2000; Uslander,

¹ Например, см. данные Всемирного исследования ценностей (World Values Survey), Европейского социального исследования (European Social Survey), Евробарометра (Eurobarometer).

2002; Reeskens, Hooghe, 2008; OECD, 2018). Например, Э. Глейзер с соавторами (Glaeser et al., 2000) выявили, что индивидуальные ответы на данный вопрос не связаны с уровнем доверия (trust) у игроков в рамках лабораторных экспериментов, однако они сильно и значимо коррелируют с выявленными в ходе экспериментов показателями надежности (trustworthiness), то есть того, насколько человек заслуживает доверия. Результаты других исследований показывают, что ответы на указанный вопрос характеризуют не только доверие, но и осторожность, поэтому у некоторых групп населения (женщины и люди пожилого возраста) показатель доверия ниже (OECD, 2017). Кроме того, часть исследователей считают, что понятие «большинство людей» довольно размыто и его интерпретация различными респондентами и в различных обществах может отличаться (Helliwell, Putnam 2004; Reeskens, Hooghe, 2008).

Это подтверждается и эмпирическими наблюдениями. Так, в исследовании (Sturgis, Smith, 2010), проведенном в Великобритании, более четверти респондентов, отвечая на стандартный вопрос, думали о людях, которые знакомы им лично. На данных Всемирного исследования ценностей было показано, что люди по-разному понимают вопрос в зависимости от страны исследования (Delhey et al., 2011). Например, в Италии и Швейцарии под «большинством людей» имеются в виду скорее незнакомые, в России и Турции — как знакомые, так и незнакомые люди, а в Китае и Марокко — только знакомые. Таким образом, в вопросе смешаны два типа доверия: ближнему и дальнему кругу — социальный капитал закрытого (bonding) и открытого (bridging) типа².

В связи с этим вместо стандартного вопроса о доверии людям в целом предлагается использовать вопрос о доверии незнакомым — людям, с которыми респондент встретился впервые (дальнему кругу): поскольку этот вопрос конкретнее и содержательнее, у него больше предсказательных возможностей относительно обобщенного доверия (Glaeser et al., 2000). Дж. Глэнвилл и У. Стори (Glanville, Story, 2018) считают лучшим показателем обобщенного доверия доверие незнакомым. Недостаток данного вопроса в том, что как данных, так и литературы по нему накоплено значительно меньше. В связи с этим в нашей статье в качестве предикторов социального капитала будут использоваться ответы на оба вопроса: про доверие людям в целом и доверие незнакомым, чтобы по возможности использовать преимущества каждого вопроса и нивелировать их недостатки.

Механизмы накопления доверия

Учитывая позитивное влияние обобщенного доверия на показатели социально-экономического развития общества, возникают вопросы: насколько оно устойчиво и существуют ли инструменты/механизмы

² Р. Патнэм в своей работе (Putnam, 2000) выделял два типа социального капитала и определял бондинговый капитал как социальные нормы, а также доверие, которые укрепляют связи внутри группы, а бриджинговый социальный капитал — как социальные нормы, а также доверие, направленные на установление связей с другими группами. Связи внутри группы необходимы для того, чтобы объединить членов сообщества, сплотить их вокруг общей цели, снизить транзакционные издержки внутригруппового взаимодействия. В то же время без бриджингового социального капитала такая группа может ограничиться удовлетворением своих узких интересов и начать сокращать связи с внешним миром.

его накопления? В литературе выделяется несколько механизмов трансмиссии/накопления доверия:

– в процессе внутрисемейной межпоколенческой трансмиссии (передача ценностей доверия и кооперации от родителей детям) (Bisin, Verdier, 2000; 2001; Bisin et al., 2004; Guiso et al., 2008b);

– в ходе обучения (доверие растет за счет снижения издержек получения и обработки информации и приобретения позитивного опыта взаимодействия при групповых формах обучения) (Guiso et al., 2010; Algan et al., 2013);

– при социализации (плотность и частота социальных взаимодействий могут способствовать распространению норм честности, кооперации и росту доверия) (Guiso et al., 2004; Feigenberg et al., 2013);

– в процессе принятия религиозных ценностей (в том числе посредством участия в деятельности религиозной общины) (Guiso et al., 2003).

Такие набор и сочетание механизмов накопления доверия свидетельствуют о том, что, как правило, его уровень устойчив во времени. По этой причине общества, страны, для которых характерен высокий уровень обобщенного доверия, обладают рядом конкурентных преимуществ по сравнению с другими странами на довольно длительном промежутке времени. Так, Я. Алган и П. Каюк (Algan, Cahuc, 2014) оценивают прогнозируемый уровень ВВП на душу населения для разных стран при условии, что уровень доверия в стране соответствует уровню доверия в Швеции: в этом случае в Италии в 2000 г. он мог бы оказаться на 17%, а в России — на 69% выше фактического, то есть, по сути, это величина упущенных возможностей, связанных с дефицитом обобщенного доверия.

Насколько в принципе поддается изменению уровень доверия в стране и что для этого можно предпринять? Согласно данным Всемирного исследования ценностей³ (World Values Survey 1981–2014), доверие в мире с 1994 по 2014 г. держалось примерно на одном уровне: в первую волну исследования (1981–1984 гг.) относительно большее число респондентов (32,7%) считали, что в целом людям можно доверять; в третьей волне (1994–1998 гг.) это число снизилось и с тех пор колеблется в пределах от 24,3 до 27,9%. Однако следует отметить, что среднемировой уровень доверия и его динамика в значительной степени могут обуславливаться составом стран, участвовавших в той или иной волне исследования, поскольку межстрановой разброс значений показателя обобщенного доверия может быть значительным. Так, в последней волне исследования максимальная доля людей, доверяющих другим, зафиксирована в Нидерландах (66,1%), а на Филиппинах она составила 3,2%.

В странах как с высоким, так и низким уровнем доверия эта характеристика оказывается устойчивой во времени, несмотря на то что в разные периоды могут наблюдаться тенденции к повышению или понижению, обусловленные различными факторами. При этом существ-

³ World Values Survey 1981–2014 Longitudinal Aggregate v.20150418. <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp>

вуют свидетельства, что уровень доверия в определенной стране может резко измениться и за относительно короткий период, например под влиянием внешних шоков. Откат, то есть снижение уровня доверия, может произойти за существенно более короткое время (3–5 лет), чем его рост (на это могут потребоваться десятилетия). Например, в США во время Второй мировой войны было зафиксировано значительное снижение уровня социального капитала в целом и уровня доверия в частности (Putnam, 2000). Существуют и исследования, согласно которым кооперативное поведение на протяжении двух-трех поколений может иметь долгосрочные последствия в виде повышения уровня доверия (Guiso et al., 2008b).

Большинство механизмов накопления доверия, перечисленные выше, формируются спонтанно, и их основы закладываются долго, в некоторых случаях этот процесс может занимать до сотни лет. В этом смысле *образование* имеет ряд отличительных черт, поскольку образовательные стандарты и методы обучения могут подвергаться целенаправленным изменениям, а эффект от этих изменений может проявляться через несколько лет.

С учетом двух обстоятельств — наличия положительного влияния доверия на социально-экономические показатели развития страны и возможности целенаправленного воздействия на уровень доверия через механизмы образования — для анализа возможностей использовать доверие как фактор экономического роста России в будущем необходимо понимать нынешний уровень доверия в России в целом, а также существующую динамику доверия у российской молодежи в период обучения в университете.

Динамика доверия в России

Представление о доверии в России и его динамике дают исследования, основанные на анализе данных, которые получены в том числе в рамках Всемирного исследования ценностей. База содержит данные о доверии в России начиная с 1990 г. В работе А. Татарко и Н. Лебедевой (2009), основанной на результатах опросов, проведенных в 1989–1990 и в 1999–2000 гг., отмечается, что за обозначенный период уровень обобщенного доверия в России был самым низким по сравнению с такими странами, как Япония, Китай, Швеция и США. При этом существенно, что в этот период наблюдалась отрицательная динамика: уровень доверия снизился с 34,7 до 22,9%. Авторы предполагают, что такое падение уровня доверия можно интерпретировать как процесс разрушения старых форм социального капитала, сформировавшихся в советский период, которые в новых условиях стали непродуктивными. Речь шла о существенной девальвации доверия в переходный период, период масштабных институциональных преобразований.

Однако в последующем не произошло радикального улучшения ситуации. Согласно данным Левада-Центра (ЦМИ Сбербанка, 2013), вплоть до 2012 г. обобщенное доверие оставалось на довольно низком

уровне, более того, у людей преобладало ощущение его дальнейшего снижения: начиная с 2008 г. не менее $\frac{3}{4}$ взрослого населения говорили о том, что за последние пять лет в российском обществе взаимного доверия стало меньше (в 2008 г. доля таких ответов составила 74%, в 2011 г. — 81%).

Данные исследования 2016 г.⁴ подтверждают вывод о том, что в целом для России характерен низкий уровень обобщенного доверия: 25,4% респондентов в Москве (самое высокое значение из российских регионов, участвовавших в исследовании) и 18,2% в Ярославской области (самое низкое значение) согласны, что большинству людей можно доверять. Для сравнения: в США так считают 34,8% респондентов, в Японии — 35,9%, в Швеции — 60,1%, в Китае — 60,3% (Inglehart et al., 2014).

В условиях дефицита доверия в стране в целом особый интерес представляет анализ динамики доверия российской молодежи на фоне общемировых тенденций.

Динамика доверия молодежи: признаки отрицательной социализации?

Согласно результатам исследований, с возрастом люди начинают больше доверять людям в целом (Alesina, La Ferrara, 2002; Charron, Rothstein, 2016); уровень обобщенного доверия также повышается в процессе получения высшего образования (Mewes, 2014). Поэтому представляет интерес динамика доверия, характерная для молодых людей в России. Несмотря на очевидное преимущество базы данных Всемирного исследования ценностей в виде большой выборки стран и респондентов, использовать ее для выявления возрастных изменений в уровне доверия молодежи можно с оговоркой, поскольку каждая новая волна предполагает формирование новой выборки. С учетом того, что на уровень доверия респондентов могут оказывать влияние также их личностные характеристики, которые сложно контролировать эконометрическими методами, точность выводов о возрастной динамике уровня доверия невысока.

С 2014 по 2016 г. Институтом национальных проектов было проведено три волны исследования ценностей российских студентов, в рамках которого указанный момент был учтен. Из общей выборки 5015 студентов, обучающихся на 1–4-м курсах очных отделений вузов по специальности «Экономика», были отобраны 314 студентов, участвовавших хотя бы в двух волнах опроса. Респонденты представляли 10 регионов России, в каждом из которых за все время исследования было опрошено от 13 до 84 человек (табл. 1).

⁴ По данным исследования «Евробарометр в России» (www.ranepa.ru/nauka-i-konsalting/strategii-i-doklady/evrobarometr/metodologiya-evrobarometra) и исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ, проведенного «РВК» при поддержке Центра стратегических разработок и Института национальных проектов. В опросе участвовали жители Краснодарского края, Ленинградской области, Москвы, Нижегородской области, Республики Дагестан, Республики Татарстан, Свердловской области, Томской области, Хабаровского края, Ярославской области.

**Выборка респондентов, участвовавших в исследовании ценностей
российских студентов (хотя бы в двух волнах опроса)**

Регион	Вуз	Количество респондентов	Количество наблюдений
Москва	МГУ имени М. В. Ломоносова	84	200
Астраханская область	Астраханский государственный университет	31	72
Волгоградская область	Волгоградский государственный университет	27	57
Красноярский край	Сибирский федеральный университет	18	36
Новгородская область	Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого	57	126
Новосибирская область	Новосибирский государственный университет	17	36
Омская область	Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского	16	38
Республика Марий Эл	Поволжский государственный технологический университет	13	28
Ульяновская область	Ульяновский государственный университет	14	28
Ярославская область	Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова	37	81
Итого		314	702

Источник: Исследование ценностей и компетенций российских студентов. Институт национальных проектов, 2014–2016 гг.

Студентам среди прочих задавали два вопроса:

– вопрос, направленный на выявление уровня доверия людям в целом: «В целом, как Вы считаете: большинству людей можно доверять или, напротив, нужно быть осторожными с людьми?». Респондентам предлагалось выбрать один из двух вариантов ответа: 1) Большинству людей можно доверять; 2) Нужно быть осторожными с людьми⁵;

– вопрос о доверии незнакомым: «Используя шкалу от 1 – „совершенно не доверяю“ до 5 – „полностью доверяю“, скажите, пожалуйста, в какой степени Вы доверяете людям, которых Вы видите в первый раз».

Далее был проведен анализ ответов на эти вопросы в динамике (табл. 2). Значимых изменений в доверии людям в целом не выявлено. Скорее всего это объясняется тем, что респонденты под «большинством людей» имеют в виду как знакомых, так и незнакомых людей (Delhey et al., 2011), а вектор влияния образования в российских условиях на доверие двум этим категориям может быть разнонаправленным. При этом выяснилось, что в процессе обучения в вузе доверие студентов к незнакомым падает. Для проверки устойчивости результатов по доверию незнакомым были рассчитаны еще две спецификации: с добавлением контрольной переменной, характеризующей долю собственных заработков в доходах респондентов (для контроля эффекта выхода на

⁵ При проведении расчетов ответы на данный вопрос были перекодированы: 0 = «Нужно быть осторожными с людьми», 1 = «Большинству людей можно доверять».

**Изменения в доверии незнакомым и людям в целом
у студентов в процессе обучения в вузе^а**

	Зависимые переменные			
	доверие людям в целом	доверие незнакомым		
		1	2	3
2015 г. ^б		-0,188*** (0,053)	-0,192*** (0,054)	
2016 г.	0,036 (0,023)	-0,105* (0,061)	-0,112* (0,062)	
2-й курс ^в				-0,087 (0,085)
3-й курс				-0,162*** (0,060)
4-й курс				-0,123* (0,068)
Доля собственного заработка в доходах респондента			0,001 (0,002)	0,001 (0,002)
Константа	1,000*** (0,000)	1,594*** (0,288)	1,540*** (0,308)	1,521*** (0,318)
<i>N</i>	516	696	696	696
<i>R</i> ²	0,731	0,630	0,630	0,628
Adjusted <i>R</i> ²	0,316	0,323	0,322	0,315

^а Для контроля на индивидуальные характеристики студентов, не изменяемые во времени, использовались индивидуальные фиксированные эффекты.

^б В 2016 и 2015 гг. по сравнению с 2014 г. — для вопроса про доверие незнакомым, в 2016 г. по сравнению с 2015 г. — для вопроса про доверие людям в целом (в 2014 г. данный вопрос респондентам не задавался).

^в На 2-м, 3-м и 4-м курсе — по сравнению с 1-м курсом.

* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Источник: расчеты авторов.

работу) (3), а также с использованием курса в качестве переменной интереса (4)^б. В целом результаты оказались устойчивыми. Обсудим возможные причины данного явления.

Потенциальные причины наблюдаемых явлений

Можно выделить три причины, по которым в период обучения в вузе могут формироваться ценности доверия или недоверия.

1. *Университет целенаправленно транслирует ценности, адекватные существующей институциональной среде.* Университет — это один из трансляторов ценностей, и в первую очередь ценностей, которые готовят студента к взрослой жизни, позволяют ему в ней социализироваться (Аузан, 2013). Чтобы университет успешно выпол-

^б Анализ динамики в базовой спецификации по годам, а не по курсам, связан с тем, что в рамках одной волны опрос одной возрастной когорты мог проводиться на разных курсах (например, в конце 1-го курса и начале 2-го). При этом следует понимать, что на полученные результаты могут влиять динамика социально-экономических и политических показателей, возрастные изменения, не связанные с обучением в вузе, параметры выборки (в частности, что она представлена вузами, находящимися в административных центрах субъектов РФ) и др.

нял эту функцию, транслируемые ценности должны соответствовать жизненным реалиям, другими словами, существующей формальной институциональной среде страны. Поскольку в разных обществах эта среда различается, то и транслируемые ценности не будут одинаковы. Таким образом, гипотеза состоит в том, что в обществе с «хорошими», инклюзивными, институтами, то есть институтами, стимулирующими производительную деятельность (Acemoglu, Robinson, 2012), ценности, необходимые для адаптации студентов ко взрослой жизни, в том числе ценности доверия, будут одни, а в обществе с «плохими», экстрактивными, институтами, то есть институтами, предназначенными для извлечения ренты (Acemoglu, Robinson, 2012), — другими. Соответственно, в первом случае в университетах будут формироваться ценности доверия людям в целом, в том числе незнакомым, а во втором — недоверия, что, по сути, обеспечивает функционирование ловушки самовоспроизводящегося недоверия.

Интересно взглянуть на данные последней доступной (шестой, 2011–2014 г.) волны Всемирного исследования ценностей (Inglehart et al., 2014) и проекта Всемирного банка «Индикаторы качества государственного управления» (Worldwide Governance Indicators)⁷ на выборке из 43 тыс. респондентов из 35 стран. Страны были поделены на две группы: с высоким качеством институциональной среды (на момент проведения опроса входившие в 30% стран с наиболее высокими значениями индекса верховенства права) и низким качеством институциональной среды (на момент проведения опроса входившие в 30% стран с наиболее низкими значениями индекса верховенства права). В качестве независимых переменных использовались данные об уровне образования респондентов, в качестве зависимых — ответы на вопросы о том, можно ли доверять большинству людей, а также о том, можно ли доверять людям, которых встречаешь впервые.

Полученные результаты (табл. 3) свидетельствуют о том, что в странах с высоким качеством институциональной среды уровень образования положительно связан с уровнем обобщенного доверия (результат значим на уровне 1% как для переменной доверия людям в целом, так и для переменной доверия незнакомым). В странах с низким качеством институциональной среды уровень образования положительно связан с уровнем доверия незнакомым и отрицательно — с уровнем доверия людям в целом, но данные зависимости статистически не значимы⁸. Это согласуется с исследованием, согласно которому для стран с качественной институциональной средой характерно наличие положительной корреляции между уровнем образования и уровнем

⁷ <https://info.worldbank.org/governance/wgi/>

⁸ Отметим, что в исследовании, проведенном на региональной выборке, у нас не было возможности полноценно выделить именно влияние вуза на уровень доверия. Во-первых, наблюдаемые зависимости могут отражать процессы, связанные со взрослением студентов, а не с их обучением в вузе. Во-вторых, если считать, что они отражают влияние вуза, то можно допустить вариант, что ценности доверия транслируются во всех университетах, но в обществах с некачественной институциональной средой отрицательная социализация вне вуза уравнивает эффект вуза. Об этом косвенно свидетельствует отсутствие связи между образованием и доверием в странах с плохим качеством институтов.

Связь между уровнем образования и обобщенным доверием в странах с низким и высоким качеством институциональной среды^а

Показатель	Зависимая переменная					
	доверие незнакомым		доверие людям в целом			
	МНК		МНК		логит	
	нижние 30% по качеству институтов	верхние 30% по качеству институтов	нижние 30% по качеству институтов	верхние 30% по качеству институтов	нижние 30% по качеству институтов	верхние 30% по качеству институтов
	1	2	3	4	5	6
Среднее образование	0,0003 (0,019)	0,067*** (0,015)	-0,021** (0,009)	0,065*** (0,009)	-0,139** (0,062)	0,387*** (0,053)
Неоконченное высшее	0,042 (0,027)	0,186*** (0,022)	-0,013 (0,013)	0,157*** (0,013)	-0,088 (0,087)	0,836*** (0,068)
Высшее	0,005 (0,023)	0,196*** (0,018)	-0,013 (0,011)	0,177*** (0,011)	-0,091 (0,073)	0,907*** (0,059)
Константа	1,210*** (0,055)	1,861*** (0,050)	0,162*** (0,028)	0,375*** (0,031)	-1,669*** (0,184)	-0,711*** (0,155)
<i>N</i>	20 487	22 265	1996	23 273	1996	23 273
<i>R</i> ²	0,049	0,094	0,069	0,147		
Adjusted <i>R</i> ²	0,047	0,092	0,067	0,146		

^а В качестве контрольных в регрессии включены переменные, отражающие пол респондента, его возраст, уровень дохода, семейное положение, занятость и страну опроса.

* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Источник: расчеты авторов.

обобщенного доверия, а в странах с некачественными институтами такой связи не наблюдается (Charron, Rothstein, 2016).

В хорошей институциональной среде в процессе обучения уровень доверия среди студентов повышается; если общественные нормы культивируют идею о том, что «никому нельзя доверять, особенно незнакомым», а формальные институты некачественные, то ожидать повышения уровня доверия в период обучения в университете не стоит.

2. *Университет формирует у студентов навыки и компетенции, позволяющие им самостоятельно делать выводы относительно степени доверия окружающей среде.* Ценности доверия или недоверия необязательно должны транслироваться в университетах целенаправленно и находить отражение в лекциях преподавателей или в самой системе обучения⁹. Формирование ценностей в университете может происходить и посредством других механизмов. Например, в процессе обучения студенты приобретают знания, определенные навыки и компетенции, учатся лучше понимать происходящие процессы и сами делают выводы о том, располагает ли окружающая среда к доверию.

⁹ Например, отсутствие конкуренции — одно из условий успешного межгруппового взаимодействия и, как следствие, высокого уровня обобщенного доверия (Allport, 1954; Mewes, 2014). Таким образом, можно предположить, что балльно-рейтинговая система оценки будет отрицательно сказываться на доверии студентов, а совместные, командные формы работы, напротив, будут способствовать его повышению. О позитивном влиянии групповых форм обучения на доверие см. также: Algan et al., 2013.

3. *Ценности доверия или недоверия формируются у студентов при взаимодействии с университетской средой, которая соответствует общей институциональной среде.* Университеты — это организации, функционирующие в определенной институциональной среде, вынужденные под нее «подстраиваться» и в некоторой степени ее олицетворяющие. Следовательно, можно ожидать, что если низкое качество институтов характерно для общества в целом, то и в университетах эта проблема будет иметь место. Таким образом, если студенты сталкиваются с реальностью в виде коррупции, бюрократии, неуважения к стандартам и правилам и т. д. в университетской среде, то это соответствующим образом формирует их отношение к окружению и уровень доверия (Charron, Rothstein, 2016).

Если одна из функций университетов — социализация студентов и их подготовка к реальной жизни, то при некачественной институциональной среде логично ожидать не только непровольного, но и целенаправленного формирования ценностей недоверия в процессе обучения. Иначе мы получим выпускников, имеющих неверные ожидания относительно действий других агентов, тогда как последним при взаимодействии с доверяющими выпускниками будет выгодно некооперативное поведение.

Однако «общества, характеризующиеся высоким уровнем доверия, находятся в меньшей зависимости от формальных институтов, когда речь идет об обеспечении соблюдения соглашений... Межличностное доверие также может стать несовершенным субститутутом обеспечения прав собственности государством или гарантий исполнения контрактов там, где государство не может или не хочет их предоставлять» (Knack, Keefer, 1997. P. 1253). Таким образом, наличие доверия в обществе позволяет выстраивать экономические отношения в отсутствие качественной институциональной среды. Кроме того, оно может оказывать положительное влияние на саму среду, в частности на эффективность государства и защиту прав собственности (Knack, Keefer, 1997), тем самым позволяя выбраться из порочного круга «„плохие“ институты — отсутствие доверия».

Можно надеяться улучшать институциональную среду с университетов, где студентам будут прививаться необходимые ценности — не данного общества, а желаемого, то есть ценности доверия. Вероятно, это потребует преобразований внутри университета или реформирования системы высшего образования в целом. Однако данная тема заслуживает обсуждения в отдельной статье.

* * *

Тема социального капитала и доверия в обществе поднимается в научной литературе не один десяток лет, но это не делает ее менее актуальной. Пожалуй, лишь несколько сместился фокус: с вопросов «что это» и «на что влияет» к вопросам о том, «как накопить и приумножить». Трансмиссия ценностей доверия может осуществляться различными путями: в рамках семьи, в процессе обучения и пр.

Поскольку классический способ измерения уровня обобщенного доверия через вопрос о доверии людям в целом вызывает споры в научной среде, помимо него в нашем исследовании использовался также вопрос о доверии незнакомым. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в процессе обучения в вузе доверие российских студентов к незнакомым падает, но значимых изменений в доверии людям в целом не выявлено. Вероятно, это связано с тем, что в России под «большинством людей» могут иметь в виду как знакомых, так и незнакомых, а вектор влияния образования на доверие двум этим категориям может быть разнонаправленным.

В попытке объяснить данный феномен была выдвинута гипотеза о том, что ценности, транслируемые университетами, будут соответствовать институциональной среде общества: в частности, в обществе с инклюзивными институтами у студентов будут формироваться ценности доверия, а в обществе с экстрактивными институтами — ценности недоверия другим людям. В пользу выдвинутой гипотезы свидетельствуют данные Всемирного исследования ценностей: в странах с качественными институтами университетское образование положительно связано с доверием незнакомым и людям в целом, а в странах с некачественной институциональной средой значимой связи между данными показателями не обнаружено.

Причины такой закономерности могут быть различными: от целенаправленного формирования в университетах ценностей доверия или недоверия, соответствующих реальной институциональной среде, до обретения студентами в процессе обучения навыков и компетенций, позволяющих определять уровень доверия, адекватный окружению, или накопления у них опыта взаимодействия со средой, заслуживающей или не заслуживающей доверия, в лице университета.

Россия принадлежит к числу стран, в которых если университетское образование и оказывает влияние на обобщенное доверие студентов, то скорее отрицательное. Вопрос в том, стоит ли принимать это как данность или нужно пытаться изменить вектор влияния. С одной стороны, низкое качество институциональной среды предъявляет свои требования к ценностям и качествам выпускников, и высокий уровень обобщенного доверия к последним не относится. В таком случае можно признать, что университеты успешно справляются со своей функцией и иного от них ждать не следует. С другой стороны, именно формирование доверительных отношений в университетах может стать катализатором институциональных изменений, способствующих экономическому росту и развитию страны. В этом смысле два факта обнадеживают. Во-первых, нет прямой связи между образованием и ценностями недоверия в странах с некачественной институциональной средой (Charron, Rothstein, 2016), то есть и при «плохих» институтах университетская среда может способствовать росту доверия и, как следствие, — социального капитала. Во-вторых, чтобы начались изменения в этом направлении, необязательно ждать желаний и инициативы со стороны государства. Позитивные сдвиги могут быть запущены университетским сообществом, сначала локально, даже в рамках одного/нескольких университетов, и со временем уже распространены более широко.

Список литературы / References

- Аузан А. А. (2013). Миссия университета: взгляд экономиста // Вопросы образования. № 3. С. 266–286. [Auzan A. A. (2013). University mission: An economist's perspective. *Voprosy Obrazovaniya*, No. 3, pp. 266–286. (In Russian).] <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-3-266-286>
- Татарко А. Н., Лебедева Н. М. (2009). Социальный капитал: теория и психологические исследования. М.: РУДН. [Tatarko A. N., Lebedeva N. M. (2009). *Social capital: Theory and psychological research*. Moscow: RUDN University. (In Russian).]
- ЦМИ Сбербанка (2013). Потребительское поведение через призму доверия и ответственности. Исследование Левада-Центра по заказу ЦМИ Сбербанка. М.: Центр макроэкономических исследований Сбербанка России. [Centre for Macroeconomic Research of Sberbank of Russia (2013). *Consumer behavior through the prism of trust and responsibility. The study of Levada-Center commissioned by the Centre for Macroeconomic Research of Sberbank of Russia*. (In Russian).]
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. (2002). Reversal of fortune: Geography and institutions in the making of the modern world income distribution. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 117, No. 4, pp. 1231–1294. <https://doi.org/10.1162/003355302320935025>
- Acemoglu D., Robinson J. A. (2012). *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. New York: Crown Publishing Group.
- Aghion P., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A. (2010). Regulation and distrust. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 125, No. 3, pp. 1015–1049. <https://doi.org/10.1162/qjec.2010.125.3.1015>
- Algan Y., Cahuc P. (2014). Trust, growth, and well-being: New evidence and policy implications. In: P. Aghion, S. N. Durlauf (eds.). *Handbook of economic growth*, Vol. 2, pp. 49–120. Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53538-2.00002-2>
- Algan Y., Cahuc P., Shleifer A. (2013). Teaching practices and social capital. *American Economic Journal: Applied Economics*, Vol. 5, No. 3, pp. 189–210. <https://doi.org/10.1257/app.5.3.189>
- Alesina A., La Ferrara E. (2002). Who trusts others? *Journal of Public Economics*, Vol. 85, No. 2, pp. 207–234. [https://doi.org/10.1016/S0047-2727\(01\)00084-6](https://doi.org/10.1016/S0047-2727(01)00084-6)
- Allport G. W. (1954). *The nature of prejudice*. Cambridge, MA: Perseus.
- Barro R. J. (2003). Determinants of economic growth in a panel of countries. *Annals of Economics and Finance*, Vol. 4, pp. 231–274.
- Bisin A., Verdier T. (2000). “Beyond the melting pot”: Cultural transmission, marriage, and the evolution of ethnic and religious traits. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 115, No. 3, pp. 955–988. <https://doi.org/10.1162/003355300554953>
- Bisin A., Verdier T. (2001). The economics of cultural transmission and the evolution of preferences. *Journal of Economic Theory*, Vol. 97, No. 2, pp. 298–319. <https://doi.org/10.1006/jeth.2000.2678>
- Bisin A., Topa G., Verdier T. (2004). Cooperation as a transmitted cultural trait. *Rationality and Society*, Vol. 16, No. 4, pp. 477–507. <https://doi.org/10.1177/1043463104046695>
- Boldeanu F. T., Constantinescu L. (2015). The main determinants affecting economic growth. *Bulletin of the Transilvania University of Brasov. Economic Sciences. Series V*, Vol. 8, No. 2, pp. 329–338.
- Charron N., Rothstein B. (2016). Does education lead to higher generalized trust? The importance of quality of government. *International Journal of Educational Development*, Vol. 50, pp. 59–73. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2016.05.009>
- Coleman J. S. (1988). Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*, Vol. 94, pp. 95–120. <https://doi.org/10.1086/228943>
- Delhey J., Newton K., Welzel C. (2011). How general is trust in “most people”? Solving the radius of trust problem. *American Sociological Review*, Vol. 76, No. 5, pp. 786–807. <https://doi.org/10.1177/0003122411420817>

- Djankov S., Glaeser E., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. (2003). The new comparative economics. *Journal of Comparative Economics*, Vol. 31, No. 4, pp. 595–619. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2003.08.005>
- Feigenberg B., Field E., Pande R. (2013). The economic returns to social interaction: Experimental evidence from microfinance. *Review of Economic Studies*, Vol. 80, No. 4, pp. 1459–1483. <https://doi.org/10.1093/restud/rdt016>
- Fountain J. E. (1997). Social capital: A key enabler of innovation in science and technology. In: L. M. Branscomb, J. Keller (eds.). *Investing in innovation: Toward a consensus strategy for federal technology policy*. Cambridge, MA: MIT Press, pp. 84–111.
- Francois P., Zbojnik J. (2005). Trust, social capital, and economic development. *Journal of the European Economic Association*, Vol. 3, No. 1, pp. 51–94. <https://doi.org/10.1162/1542476053295304>
- Glaeser E. L., Laibson D. I., Scheinkman J. A., Soutter C. L. (2000). Measuring trust. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 115, No. 3, pp. 811–846. <https://doi.org/10.1162/003355300554926>
- Glaeser E. L., Sacerdote B., Scheinkman J. A. (1996). Crime and social interactions. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 111, No. 2, pp. 507–548. <https://doi.org/10.2307/2946686>
- Glanville J. L., Story W. T. (2018). Social capital and self-rated health: Clarifying the role of trust. *Social Science Research*, Vol. 71, pp. 98–108. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2018.01.002>
- Granato J., Inglehart R., Leblang D. (1996). The effect of cultural values on economic development: Theory, hypotheses, and some empirical tests. *American Journal of Political Science*, Vol. 40, No. 3, pp. 607–631. <https://doi.org/10.2307/2111786>
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2003). People's opium? Religion and economic attitudes. *Journal of Monetary Economics*, Vol. 50, No. 1, pp. 225–282. [https://doi.org/10.1016/S0304-3932\(02\)00202-7](https://doi.org/10.1016/S0304-3932(02)00202-7)
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2004). The role of social capital in financial development. *American Economic Review*, Vol. 94, No. 3, pp. 526–556. <https://doi.org/10.1257/0002828041464498>
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2008a). Trusting the stock market. *Journal of Finance*, Vol. 63, No. 6, pp. 2557–2600. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.2008.01408.x>
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2008b). Alfred Marshall lecture social capital as good culture. *Journal of the European Economic Association*, Vol. 6, No. 2–3, pp. 295–320. <https://doi.org/10.1162/JEEA.2008.6.2-3.295>
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2010). Civic capital as a missing link. *NBER Working Paper*, No. 15845. <https://doi.org/10.3386/w15845>
- Helliwell J. F., Putnam R. D. (2004). The social context of well-being. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, Vol. 359, No. 1449, pp. 1435–1446. <https://doi.org/10.1098/rstb.2004.1522>
- Inglehart R., Haerpfer C., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. et al. (eds.). (2014). *World Values Survey: Round six – country-pooled datafile version*. Madrid: JD Systems Institute.
- Knack S., Keefer P. (1997). Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 112, No. 4, pp. 1251–1288. <https://doi.org/10.1162/003355300555475>
- Mewes J. (2014). Gen(d)eralized trust: women, work, and trust in strangers. *European Sociological Review*, Vol. 30, No. 3, pp. 373–386. <https://doi.org/10.1093/esr/jcu049>
- OECD (2017). *OECD guidelines on measuring trust*. Paris: OECD Publishing.
- OECD (2018). Trust and its determinants: Evidence from the Trustlab experiment. *OECD Statistics Working Papers*, No 89.
- Putnam R. D. (1995). Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy*, Vol. 6, No. 1, pp. 65–78. <https://doi.org/10.1353/jod.1995.0002>

- Putnam R. D. (2000). *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. New York: Simon and Schuster.
- Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. Y. (1994). *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Ramseyer J. M. (2015). Social capital and the formal legal system: Evidence from prefecture-level data in Japan. *Journal of Legal Analysis*, Vol. 7, No. 2, pp. 421–466. <https://doi.org/10.1093/jla/lav008>
- Reeskens T., Hooghe M. (2008). Cross-cultural measurement equivalence of generalized trust. Evidence from the European Social Survey (2002 and 2004). *Social Indicators Research*, Vol. 85, No. 3, pp. 515–532. <https://doi.org/10.1007/s11205-007-9100-z>
- Sturgis P., Smith P. (2010). Assessing the validity of generalized trust questions: What kind of trust are we measuring? *International Journal of Public Opinion Research*, Vol. 22, No. 1, pp. 74–92. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edq003>
- Uslaner E. M. (2002). *The moral foundations of trust*. New York: Cambridge University Press.
- Whiteley P. F. (2000). Economic growth and social capital. *Political Studies*, Vol. 48, No. 3, pp. 443–466. <https://doi.org/10.1111/1467-9248.00269>
- Woolcock M., Narayan D. (2000). Social capital: Implications for development theory, research, and policy. *The World Bank Research Observer*, Vol. 15, No. 2, pp. 225–249. <https://doi.org/10.1093/wbro/15.2.225>
- Zak P. J., Knack S. (2001). Trust and growth. *Economic Journal*, Vol. 111, No. 470, pp. 295–321. <https://doi.org/10.1111/1468-0297.00609>

Can trust become a factor of economic growth? Dynamic changes in the level of trust of Russian youth

Asiia I. Bakhtigaraeva^{1,2,*}, Alexandra A. Stavinskaya^{1,2}

Authors affiliation: ¹ Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia);

² Institute for National Projects (Moscow, Russia).

* Corresponding author, email: a.bahtigaraeva@gmail.com

The article considers the role of trust in the economy, the mechanisms of its accumulation and the possibility of using it as one of the growth factors in the future. The advantages and disadvantages of measuring the level of generalized trust using two alternative questions — about trusting people in general and trusting strangers — are analyzed. The results of the analysis of dynamics of the level of generalized trust among Russian youth, obtained within the study of the Institute for National Projects in 10 regions of Russia, are presented. It is shown that there are no significant changes in trust in people in general during the study at university. At the same time, the level of trust in strangers falls, which can negatively affect the level of trust in the country as a whole, and as a result have negative effects on the development of the economy in the future. Possible causes of the observed trends and the role of universities are discussed. Also the question about the connection between the level of education and generalized trust in countries with different quality of the institutional environment is raised.

Keywords: generalized trust, universities, education, quality of institutions.
JEL: B52, I25.

Существует ли региональная социокультурная специфика в России? Возможности использования социокультурного подхода в экономике*

В. А. Брызгалин^{1,2}, Е. Н. Никишина^{1,2}

¹ *Институт национальных проектов (Москва, Россия)*

² *МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)*

Проанализированы различия между российскими регионами по социокультурным характеристикам Г. Хофстеде. Кратко рассмотрены наиболее распространенные подходы к измерению культуры, а также опыт использования методологии Хофстеде для проведения кросс-региональных исследований в других странах и в России. Рассмотрены основные методологические сложности социокультурных измерений на региональном уровне, предложены подходы к их преодолению. На основе опроса студентов в 27 российских вузах зафиксированы межрегиональные различия по характеристикам индивидуализма и избегания неопределенности. Регионы Поволжья оказались более коллективистскими относительно других регионов, по мере движения на восток индивидуализм увеличивается (наиболее индивидуалистичны Сибирь и Дальний Восток). Результат устойчив в разных эконометрических моделях. Обсуждаются возможности использования региональных социокультурных особенностей на практике и перспективные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: культура, ценности, регионы России, Хофстеде.

JEL: B410, D910, Z100, Z130.

Брызгалин Виктор Аркадьевич (v.bryzgalin@inp.ru), вед. специалист отдела прикладных исследований Института национальных проектов, аспирант экономического факультета МГУ; *Никишина Елена Николаевна* (enikishina@inp.ru), к. э. н., директор по стратегическому развитию Института национальных проектов, доцент экономического факультета МГУ.

* Авторы выражают благодарность администрации и представителям вузов ФУМО, Тьюнинг-центру ЭФ МГУ за содействие в проведении исследования ценностей и общекультурных ценностей российских студентов экономических специальностей, а также А. А. Лузану, А. И. Бахтигаревой, А. В. Золотову, Н. А. Припузовой и А. А. Ставинской за совместную работу и обсуждения в ходе исследования.

В настоящее время влияние культуры — ценностей и поведенческих установок, разделяемых сообществом и медленно меняющихся во времени, — на экономическое развитие не подвергается сомнению (Castellani, 2018). Доказано влияние культуры на инновационное развитие (Gorodnichenko, Roland, 2011; Shane, 1993), качество институтов (Licht et al., 2007), специфику финансовых рынков (Guiso et al., 2004), рынок труда (Carrée et al., 2007), экономический рост (Algan, Cahuc, 2010) и др.

Долгое время в качестве единицы анализа в социокультурных исследованиях выступали страны, но не регионы или люди. Это было обусловлено, во-первых, тем, что культура часто рассматривалась как характеристика коллективная, присущая определенному сообществу (Beugelsdijk, Maseland, 2010). Во-вторых, тем, что данные о культуре долгое время собирались на страновом уровне (Hofstede, 2001; Schwartz, 2014 и др.), а это ограничивало возможности исследователей анализировать региональные данные.

Появление данных о религиозном и этнолингвистическом разнообразии показало, что предпосылка об однородности культуры страны если и верна, то не для всех стран. Например, если это применимо для Японии или Исландии, то для Индии или Бельгии — в значительно меньшей степени (Eberhard et al., 2020).

При этом исследования показывают, что региональные различия в культуре могут иметь последствия для экономической политики. В 1994 г. Р. Патнэм на примере Италии показал, что эффективность реформы местного самоуправления может зависеть от характеристик социального капитала в регионах (Putnam et al., 1994). Показана связь социокультурных особенностей с региональным развитием (Dincer, Uslaner, 2010; Tabellini, 2010). Понимание особенностей культуры регионов, при прочих равных условиях, может повысить как эффективность работы компаний в разных регионах России, так и эффективность выбора и реализации программ регионального развития (за счет использования конкурентных преимуществ, обусловленных особенностями культуры, гармонизации формальных институтов и культуры, более точного позиционирования/фрейминга изменений в разных регионах и т. д.)¹. Кроме того, существование региональных различий в культуре само по себе может быть дополнительным аргументом при выборе степени централизации управления и регулирования.

Можно предположить, что в России — многонациональной стране со значительной территорией — также существуют региональные различия в культуре и, как следствие, потенциал для их использования. В ряде исследований наряду с общими характеристиками зафиксированы различия между отдельными регионами (Аузан и др., 2017; Дубицкая, 2015; Латов, Латова, 2007; Лебедева, Татарко, 2007; Ядов, 2002). Вместе с тем сохраняется дефицит сопоставимых данных,

¹ Безусловно, культура не единственный и не основной фактор регионального развития. На него влияют также обеспеченность ресурсами и инфраструктурой, специфика расселения, качество институтов, уровень человеческого капитала и др. (Gennaioli et al., 2014; Кузнецова, 2013).

позволяющих сравнивать особенности культуры у жителей разных российских регионов.

Цель данной статьи — на основе опроса студентов экономических специальностей, обучающихся в 27 университетах, проверить гипотезу о существовании региональных различий в социокультурных характеристиках в России.

Социокультурные методики и измерение в регионах

На настоящий момент разработано более десяти методик социокультурных измерений (см. обзоры: Taras, 2008; Никишина, 2015). Среди них к самым известным относят методики Г. Хофстеде (Hofstede, 2001), Ш. Шварца (Schwartz, 1994), GLOBE (House et al., 2004), Р. Инглхарта (Inglehart, 1990). В данном исследовании для измерения региональных различий использовалась методика Хофстеде².

Методика Хофстеде — одна из первых количественных методик кросс-культурных сравнений. За более чем 30-летний период ее использования накоплен значительный массив результатов о связи между культурными характеристиками и социально-экономическими показателями. Несмотря на критику отдельных элементов методики (Minkov, 2018) и активное развитие конкурирующих подходов (в частности, Шварца, см.: Schwartz, 2012), она до сих пор широко используется (Beugelsdijk, Maseland, 2010).

Основные социокультурные измерения Хофстеде: индивидуализм, дистанция власти, маскулинность, избегание неопределенности, долгосрочная ориентация (табл. 1)³.

Наряду с межстрановыми исследованиями, в последнее десятилетие появляются работы, посвященные изучению социокультурных различий на региональном уровне. Так, Хофстеде с соавторами (Hofstede et al., 2010) выявили социокультурные различия между отдельными штатами Бразилии, при этом констатируя, что выявленные региональные различия слабее различий между странами. На примере Капе-Верде были выявлены статистически значимые различия между регионами по показателю индивидуализма (García-Cabrera, García-Soto, 2008). В то же время анализ регионов Хорватии показал культурную гомогенность страны: статистически значимых различий между регионами не обнаружено (Rajh et al., 2016).

В России также проводились исследования, направленные на измерение социокультурных различий между регионами. Результаты пока-

² В литературе по социокультурным различиям между регионами используются и другие методы. В рамках «новой экономической географии» рассматривается «региональная идентичность» — чувство принадлежности жителей региона к территории/институциональному образованию (Semian, Chromý, 2014). В кросс-культурной психологии популярна методика «большой пятерки черт» (Big Five personality traits) — накопленный массив данных в некоторых развитых странах позволяет проводить исследования на уровне регионов и районов, в частности, по вопросам предпринимательства (Obschonka et al., 2015). Однако на данный момент эти и другие подходы распространены не так широко, как подход Хофстеде.

³ В последней версии методики Хофстеде используется еще одна характеристика — Indulgence (потворство желаниям). Она не рассматривается в настоящем исследовании.

Основные социокультурные характеристики по Хофстеде

Индивидуализм / коллективизм (IDV)	Индивидуализм характерен для обществ, в которых связи между людьми слабы: каждый заботится только о себе и своих ближайших родственниках. В коллективистских обществах люди с самого рождения включены в сильные и сплоченные группы, которые в течение всей их жизни предоставляют им защиту в обмен на безусловную лояльность.
Дистанция власти (PDI)	Степень, в которой наделенные относительно меньшей властью члены общества или организации ожидают и допускают неравномерность распределения власти.
Маскулинность / феминность (MAS)	В маскулинных обществах ценятся достижительность, напористость, успех и конкурентность. В феминных — кооперация, умеренность, забота о слабых и качество жизни.
Избегание неопределенности (UAI)	Степень, с которой принадлежащие к одной культуре люди боятся неопределенных и незнакомых ситуаций.
Долгосрочная / краткосрочная ориентация (LTO)	Характеризует общества, в которых ценятся качества, нацеленные на получение наград в будущем, в частности, упорство и бережливость. В обществах с краткосрочной ориентацией важны ценности, связанные с прошлым и настоящим, в частности, уважение к традициям, «сохранение лица», выполнение социальных обязательств.

Источник: Hofstede, 2001.

зывают, что в России существуют межрегиональные социокультурные различия, однако они невелики. В исследовании Института социологии РАН (Латов и др., 2005) наибольшая межрегиональная вариация была выявлена для индивидуализма. В исследованиях В. Ядова (Ядов, 2002) и В. Дубицкой (Дубицкая, 2015) — для маскулинности. В более поздних исследованиях Ю. В. и Н. В. Латовых (Латов, Латова, 2007) — для индивидуализма, дистанции власти и маскулинности; в исследовании ЦСР-РВК-ИНП (Аузан и др., 2017) и РВК-ИНП (Антонов и др., 2019) — для индивидуализма, дистанции власти и избегания неопределенности.

Сложность сопоставления результатов этих исследований связана с тем, что использовались разные модификации методик Хофстеде, разные выборки респондентов — гомогенные, гетерогенные и репрезентативные, а также разные регионы исследований. Все это обуславливает актуальность проведения исследований по более широкой выборке регионов. Кроме того, использование новейших методов эмпирического анализа данных, ставших популярными в последние десять лет, позволяет получать более точные результаты.

Методология измерения межрегиональных различий

Проведение межрегиональных социокультурных сравнений сопряжено с преодолением нескольких методологических трудностей. Рассмотрим основные из них.

Определение типа выборки. При проведении социокультурных исследований, основанных на социологических опросах, получили распространение два подхода: первый основан на использовании гомогенных выборок, второй — на использовании репрезентативных.

Гомогенные выборки (характеристики респондентов одинаковые, кроме региона/страны проживания респондента) позволяют нивелировать влияние прочих факторов (корпоративной культуры, образования, дохода, профессии и т. д.) и выявлять «чистый эффект культуры». Такой подход применяется не только в методике Хофстеде, призывающего «сравнивать яблоки с яблоками», но и в методиках Шварца, GLOBE и др.

Репрезентативные выборки позволяют получить усредненное значение социокультурных характеристик в регионе (стране). Вместе с тем различия, полученные на таких данных, могут объясняться не столько социокультурными, сколько прочими факторами (например, социально-экономическим развитием региона, структурой населения и т. д.). На репрезентативных выборках основана методика Инглхарта, опирающаяся на проект World Values Survey. В последние годы появляются исследования, в которых при сборе данных используются репрезентативные выборки (Minkov, 2018; Rajh et al., 2016).

Самоотбор. Основная проблема использования гомогенных выборок — возможное смещение данных в результате самоотбора. Во-первых, различия в социально-экономическом развитии территорий могут приводить к тому, что даже сотрудники одной компании, работающие на сходных позициях, но в разных странах или регионах, могут отличаться по социальному положению. Например, социальные портреты сотрудников IBM в Индии и США могут не совпадать.

Во-вторых, экстраполяция выводов о различиях в гомогенных группах на весь регион может осуществляться только при предпосылке об одинаковом проявлении ценностных различий между регионами во всех группах населения, а не только в исследуемой группе (например, сотрудников определенной компании). В целом эта предпосылка достаточно реалистична и подтверждается кросс-культурными исследованиями (Schwartz, 1994), однако экстраполировать результаты необходимо с осторожностью. Проблему можно решить, проводя повторные исследования на других выборках (включая репрезентативные), а также проверяя результаты на устойчивость.

Влияние прочих факторов. При проведении социокультурных исследований важная проблема состоит в нивелировании влияния прочих факторов (экономических, демографических и др.). Это особенно важно для исследований, в которых используются репрезентативные выборки.

Решить эту проблему может использование «экологического подхода» (ecological approach) (Algan, Cahuc, 2010). Он заключается в устранении влияния прочих характеристик через построение регрессий, где зависимыми переменными выступают интересующие исследователя социокультурные характеристики (на индивидуальном уровне), а объясняющими — набор контрольных переменных (преимущественно социально-демографических) и переменных принадлежности респондента к той или иной территории. Именно последние переменные интересуют исследователей. Данный подход позволяет выявить наличие статистически значимых различий между отдельными территориями при контроле на прочие факторы.

Внутренняя миграция. Высокая доля внутренних мигрантов в выборке может зашумлять результаты и размывать социокультурные различия⁴. В некоторых случаях это приводит к необходимости пересчитывать результаты с учетом территории происхождения респондентов.

Результаты исследования межрегиональных социокультурных различий

С 2014 по 2016 г. Институтом национальных проектов (совместно с Тюнинг-центром экономического факультета МГУ) было проведено исследование ценностей и компетенций студентов экономических специальностей российских вузов из 27 регионов России, а также вузов из Донецка и Еревана, входивших в сеть ФУМО⁵ по экономике и управлению — всего 29 вузов.

Для проверки гипотезы о региональных различиях были использованы следующие подходы. *Во-первых*, анализировалась гомогенная выборка — студенты экономических специальностей. *Во-вторых*, данные были агрегированы до уровня федеральных округов, что позволило получить большие выборки и снизить вероятность смещения результатов из-за возможных проблем при сборе данных в отдельных вузах. *В-третьих*, был использован «экологический подход» — при выявлении различий между регионами учитывались пол, доход, курс респондента и год проведения опроса. *В-четвертых*, для устранения эффекта учебной миграции⁶ округ респондента определялся через место окончания школы, а не места текущего обучения⁷. Характеристики культуры измерялись с помощью методологии Хофстеде⁸. Описательная статистика выборки представлена в таблице 2⁹.

⁴ В некоторых работах показано, что, несмотря на интенсивность внутристрановой миграции, региональная специфика может оставаться устойчивой на протяжении десятилетий и вопреки внешним шокам (Fritsch et al., 2019).

⁵ ФУМО — Федеральное учебно-методическое объединение в сфере высшего образования по экономике и управлению.

⁶ В среднем в вузах 24% студентов оканчивали школу в другом регионе России, а в некоторых вузах (например, Казанском (Приволжском) федеральном университете) доля доходила до 50%. Кроме этого, большую часть выборки составляли первокурсники, которые вряд ли успели переять ценности нового места жительства.

⁷ Отметим, что несмотря на использованные методы и проверки результата на устойчивость (см. ниже), проблема самоотбора не решена полностью. Во-первых, выявленные различия между студентами из разных регионов могут быть обусловлены спецификой выборки и не совпадать с различиями в ценностях населения в целом. Во-вторых, остается возможность пропуска существенной переменной — мы можем говорить о наличии частной корреляции между регионом и ценностями, но не о наличии причинно-следственной связи. Низкий R^2 также свидетельствует о сохранении значительной доли необъясненной дисперсии — это характерно для больших выборок на индивидуальных данных.

⁸ Показатели Хофстеде были получены с помощью русской версии опросника VSM-2013, находящегося в открытом доступе на сайте Хофстеде. Вопросы были адаптированы под студенческую аудиторию (вместо «начальник» — «преподаватель» и т. д.; <https://geerthofstede.com/research-and-vsm/vsm-2013/>)

⁹ Всего за 2014–2016 гг. получено 5015 наблюдений. Однако в 2014 г. вопросы, измеряющие характеристики Хофстеде, не были включены в опросник. Методология опроса также предполагала лонгитюдный трекинг части студентов: если респондент участвовал в нескольких волнах, учитывались его ответы за более ранний год. Итоговая выборка составила 3814 студентов, из которых часть наблюдений была выброшена из-за пропусков.

Используемая выборка: описательная статистика

Характеристика	Категории	Количество опрошенных	Доля в выборке, %
Пол	Мужской	1184	32
	Женский	2571	68
Распределение респондентов по месту окончания школы	Сибирский федеральный округ	786	21
	Дальневосточный федеральный округ	87	2
	Приволжский федеральный округ	895	23
	Северо-Западный федеральный округ	443	12
	Северо-Кавказский федеральный округ	126	3
	Уральский федеральный округ	61	2
	Центральный федеральный округ	610	16
	Южный федеральный округ	485	13
	Украина	47	1
	Армения	57	1
	Казахстан	54	1
	Средняя Азия (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан)	63	2
Другие страны и пропуски	100	3	
Курс	Первый курс	2711	71
	Второй курс	131	3
	Третий курс	565	15
	Четвертый курс	347	10
	Магистратура, 1 курс	42	1
	Магистратура, 2 курс	10	0
Год опроса	2015	1765	46
	2016	2049	54
Ответили на вопрос о доходе	Да	3212	84
	Нет	602	16

Источник: опрос ИНП и Тюнинг-центра в 2014–2016 г.

В таблице 3 приведены результаты регрессий. Коэффициенты в таблице отражают различия округа относительно Сибирского федерального округа (СФО)¹⁰ — например, отрицательный знак при Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) по показателю дистанции власти (PDI) означает, что в СКФО дистанция власти ниже, чем в СФО. В скобках приведены робастные стандартные ошибки.

Выделим основные результаты. Во-первых, наибольшие различия в характеристиках культуры были обнаружены между студентами из России и студентами из Донецка и Еревана. Другими словами, *различия между странами оказались сильнее, чем межрегиональные различия* внутри одной страны, что соответствует результатам исследований по данной теме (Minkov, Hofstede, 2012). В частности, студенты из Донецкого государственного университета отличались более высокой дистанцией власти, а также более высоким уровнем коллективизма

¹⁰ Сибирский федеральный округ выбран референтным по причине его крайнего положения по сравнению с другими регионами по ряду характеристик Хофстеде: в частности, в СФО один из самых высоких уровней дистанции власти и индивидуализма и низких уровней избегания неопределенности.

Социокультурные различия между округами и странами

Округ, страна	PDI	IDV	MAS	LTO	UAI
Дальневосточный федеральный округ	-0,616 (1,516)	1,335 (1,283)	-0,999 (1,306)	-0,234 (1,619)	2,642 (1,819)
Приволжский федеральный округ	-0,861 (0,597)	-1,976*** (0,626)	0,375 (0,483)	-0,293 (0,633)	0,203 (0,746)
Северо-Западный федеральный округ	-1,025 (0,701)	-2,202*** (0,717)	0,010 (0,566)	1,014 (0,758)	0,278 (0,892)
Северо-Кавказский федеральный округ	-3,061*** (1,152)	-1,998 (1,391)	0,180 (1,092)	-0,263 (1,179)	0,290 (1,508)
Уральский федеральный округ	-2,646* (1,365)	-1,404 (1,698)	-0,131 (1,288)	-0,520 (1,663)	-0,739 (1,801)
Центральный федеральный округ	-0,547 (0,665)	-0,389 (0,680)	-0,365 (0,533)	-0,314 (0,731)	1,764** (0,767)
Южный федеральный округ	-0,472 (0,662)	-1,714** (0,699)	-0,433 (0,557)	0,272 (0,740)	3,641*** (0,879)
Украина	9,342*** (1,602)	-3,379** (1,612)	-0,997 (1,323)	-0,696 (1,911)	-0,856 (2,136)
Армения	-1,386 (1,703)	-3,662* (1,921)	0,809 (1,633)	-4,741** (2,152)	-5,373** (2,231)
Казахстан	-0,404 (1,521)	-2,800* (1,623)	-1,154 (1,153)	2,117 (1,887)	0,092 (2,157)
Средняя Азия (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан)	-2,277 (1,754)	-4,216*** (1,414)	-1,030 (1,277)	-0,755 (2,160)	-0,832 (2,009)
<i>N</i>	3048	3053	3050	3033	3065
<i>R</i> ²	0,030	0,019	0,008	0,022	0,088

Примечание. Контрольные переменные — год опроса, курс, доход, пол; *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Источник: расчеты авторов по данным опроса ИНП и Тюнинг-центра в 2014–2016 г.

(последний результат согласуется с данными самого Хофстеде¹¹, по дистанции власти Россия и Украина занимают, согласно его данным, одинаковые позиции¹²). Студенты из Еревана меньше избегают неопределенности, а также обладают более низким уровнем долгосрочной ориентации¹³. Студенты, окончившие школу в Казахстане и странах Средней Азии (Узбекистане, Таджикистане, Туркменистане), обладают более низким уровнем индивидуализма по сравнению со своими сверстниками из Сибири¹⁴.

Во-вторых, между российскими федеральными округами *не обнаружено статистически значимой вариации по показателю маскулинности и долгосрочной ориентации*, что позволяет говорить в том числе о схожести культуры регионов.

¹¹ <https://www.hofstede-insights.com/product/compare-countries/>

¹² Результаты могут несколько отличаться из-за преобладания в выборке студентов из восточных областей Украины.

¹³ База данных Хофстеде не содержит информацию об Армении.

¹⁴ В ходе опроса не проводился контроль на национальность респондента. Возможно, часть студентов, окончивших школу в других странах и обучающихся в России, русские по национальности — включение в выборку только представителей титульных этносов могло усилить различия.

В-третьих, Сибирский федеральный округ отличается достаточно высоким уровнем дистанции власти. Наибольшие различия наблюдаются с Северо-Кавказским федеральным округом: студенты из этого округа отличаются *наименьшим уровнем дистанции власти по сравнению с другими студентами*. Возможное объяснение — исторический самоотбор: распространение на части территории казачества, меньшее влияние крепостного права и т. д., большая культурная разнородность региона¹⁵.

В-четвертых, сильно выделяется *высокое избегание неопределенности у студентов из Южного федерального округа*. Студенты из Центрального федерального округа также оказались скорее склонны избегать неопределенных ситуаций (во всяком случае, по сравнению со студентами из Сибири), однако значение коэффициента для ЦФО более чем вдвое меньше коэффициента для ЮФО. Причины данного эффекта требуют дополнительного изучения. Среди возможных объяснений — относительно высокая доля сельского населения в ЮФО; последствия серьезного социально-экономического «слома» уклада региона в результате событий начала XX в. и др.

Наиболее яркие различия наблюдаются по показателю индивидуализма. Студенты из Сибирского федерального округа, наравне с Дальневосточным, оказываются гораздо *индивидуалистичнее* студентов из Приволжского, Северо-Западного, Северо-Кавказского и Южного федеральных округов. Еще более отчетливой становится картина при нанесении уровня индивидуализма по округам и регионам на карту (рис. 1). Наблюдается яркий паттерн: чем восточнее округ, тем более индивидуалистичны студенты. На уровне отдельных регионов виден равномерно низкий уровень индивидуализма в приволжских регионах — причем как в национальных республиках, так и в областях. По Северо-Западному, Южному и Северо-Кавказскому федеральным округам картина по регионам оказывается менее однородной — например, СЗФО оказывается коллективистским во многом из-за показателей Новгорода.

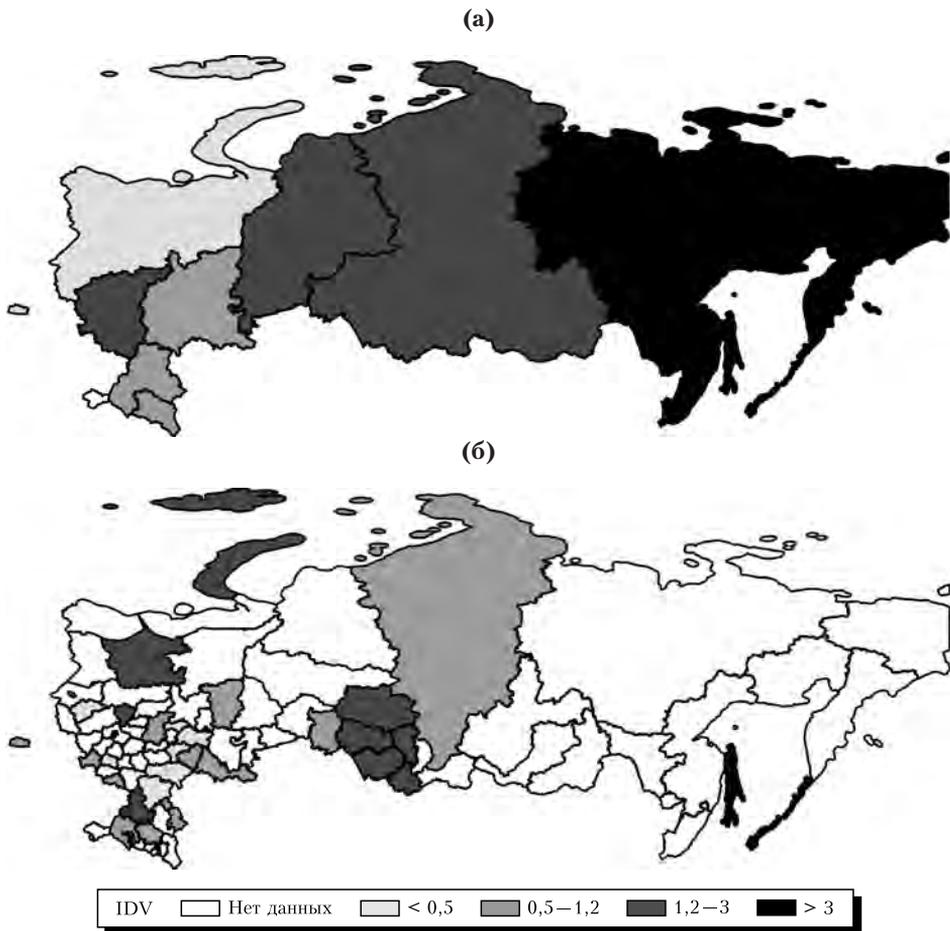
Полученный результат может быть следствием исторического отбора и укладывается в общие модели освоения территории (Bazzi et al., 2017). Исторически освоение территории России происходило с запада на восток, а колонизаторами оказывались наиболее предприимчивые и свободолюбивые люди. Более высокие значения коллективизма в Поволжье могут оказаться современным отражением исторического доминирования крестьянской общины.

Результаты устойчивы при построении альтернативных спецификаций. Во-первых, они воспроизводятся на выборке, состоящей только из студентов, обучающихся в том же округе, где они окончили школу.

Во-вторых, результаты сохраняются при добавлении новой контрольной переменной — размера населенного пункта респондента, в котором он окончил школу (до 50 тыс. жителей; от 50 до 500 тыс. жителей;

¹⁵ Среди дополнительных объяснений низкой дистанции власти в республиках Северного Кавказа может быть аномия, возникшая когда традиционные для сельской местности регуляторы разрушились, а новые городские еще не сформировались (Стародубровская, 2015).

Относительная выраженность индивидуализма
у респондентов из разных федеральных округов (а) и регионов (б)

Примечание. Цвет показывает значение коэффициента перед округом/регионом в регрессиях, где зависимой переменной является индивидуализм, контрольные переменные — пол, курс, доход, год опроса. Черный цвет означает относительно более высокое значение индивидуализма в округе/регионе относительно других территорий при контроле на социально-демографические факторы, светло-серый — относительно более низкое. Округа и регионы выделены по месту окончания школы респондента.

Источник: построено авторами по данным опроса ИНП и Тюнинг-центра в 2014–2016 гг.

Рис. 1

свыше 500 тыс. жителей). Данная переменная построена на основе концепции «Четыре России»¹⁶ (Зубаревич, 2012). Несмотря на то что ценности респондентов действительно связаны с размером населенного пункта, в котором респондент окончил школу (жители городов с на-

¹⁶ В концепции «Четыре России» четвертая группа выделена на основе иного по отношению к предыдущим трем классификационным признакам: в нее Н. Зубаревич включила республики Северного Кавказа и несколько регионов Сибири. Так как принадлежность к региону является отдельной переменной, ключевой для данного исследования, в качестве контроля использовалось только отношение респондентов к одной из первых трех групп в концепции «Четыре России».

селением выше 500 тыс. характеризуются более высокой дистанцией власти, более высоким индивидуализмом, более низкой долгосрочной ориентацией и избеганием неопределенности по сравнению с жителями населенных пунктов численностью менее 50 тыс.), региональные различия сохранились на статистически значимом уровне.

В-третьих, вывод о более низком индивидуализме в Поволжье и более высоком избегании неопределенности на Юге сохраняется при добавлении переменной качества вузов¹⁷. Результаты представлены в таблице 4.

Т а б л и ц а 4

Проверка устойчивости результата

Показатель	(1)		(2)		(3)	
	IDV	UAI	IDV	UAI	IDV	UAI
Дальневосточный федеральный округ	2,670* (1,517)	3,724* (1,976)	2,136 (1,314)	2,377 (1,853)	1,909 (1,335)	1,953 (1,861)
Приволжский федеральный округ	-1,852*** (0,636)	0,256 (0,763)	-1,854*** (0,629)	0,133 (0,751)	-1,568** (0,670)	-0,303 (0,794)
Северо-Западный федеральный округ	-2,156*** (0,731)	0,162 (0,917)	-1,379* (0,779)	0,312 (0,976)	-1,461* (0,823)	-0,701 (1,016)
Северо-Кавказский федеральный округ	-3,884** (1,517)	0,672 (1,780)	-1,297 (1,411)	0,014 (1,537)	-1,022 (1,498)	-1,166 (1,700)
Уральский федеральный округ			-0,686 (1,713)	-0,830 (1,817)	-1,076 (1,721)	-1,176 (1,823)
Центральный федеральный округ	-0,383 (0,695)	1,953** (0,782)	-0,160 (0,687)	1,614** (0,774)	0,123 (0,750)	1,119 (0,842)
Южный федеральный округ	-1,744** (0,710)	4,047*** (0,896)	-1,749** (0,703)	3,559*** (0,880)	-1,053 (0,803)	2,699*** (0,998)
Размер города окончания школы	Нет	Нет	Да	Да	Нет	Нет
Качество вуза	Нет	Нет	Нет	Нет	Да	Да
<i>N</i>	2,672	2,682	2,881	2,892	2,973	2,985
<i>R</i> ²	0,016	0,091	0,020	0,089	0,021	0,089

Примечание. Контрольные переменные – год опроса, курс, доход, пол; *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Источник: расчеты авторов по данным опроса ИНП и Тюнинг-центра в 2014–2016 г.

Значения показателей Хофстеде могут быть связаны с социально-экономическими характеристиками регионов, а также с уровнем культурного (в первую очередь, этнолингвистического) разнообразия в них¹⁸. Для проверки наличия связей был проведен регрессионный анализ на уровне регионов¹⁹. Зависимыми переменными выступили пять характеристик Хофстеде, объясняющими – социально-экономические показатели (логарифм ВРП на душу населения, уровень безработицы, индекс Джини) и показатели разнообразия (использо-

¹⁷ Вузы были поделены на три категории: входят в топ-50 рейтинга Эксперт РА, занимают место с 50-го по 100-е в рейтинге Эксперт РА, не входят в рейтинг Эксперт РА.

¹⁸ Авторы благодарят рецензента за предложенную идею для проверки.

¹⁹ По аналогии со спецификациями в таблицах 3 и 4, значения характеристик Хофстеде рассчитывались для регионов окончания школы респондентов. Регион включался в выборку при наличии минимум 30 наблюдений. В итоге были получены данные по 29 регионам.

вались показатель фракционализации²⁰ (Alesina et al., 2003; Вебер, Давыдов, 2017) и доля населения в регионе, идентифицирующего свою национальность как «русские»²¹.

Результаты регрессионного анализа показали отсутствие устойчивых связей между социально-экономическими показателями и характеристиками Хофстеде. Положительная связь между индивидуализмом и ВРП на душу населения оказалась преимущественно обусловлена двумя наиболее богатыми регионами в выборке — Москвой и Сахалинской областью. Обнаруженная связь между уровнем безработицы и индивидуализмом значима только на 10%-м уровне.

Связь с показателями этнолингвистического разнообразия оказалась гораздо сильнее. Доля населения в регионе, идентифицирующего свою национальность как «русские», оказалась положительно связана с уровнем индивидуализма и дистанцией власти, уровень фракционализации — отрицательно (во всех случаях связь значима на 1%-ном уровне). Это может свидетельствовать о том, что этнолингвистический состав — более значимый фактор в объяснении превалирующих ценностей и поведенческих установок в регионах, чем их социально-экономическое положение. Результат о более высоких значениях индивидуализма и дистанции власти в регионах с более высокой долей людей, идентифицирующих свою национальность как «русские» (рис. 2), подтверждается и в других исследованиях (Антонов и др., 2019). Изучение связей между социокультурными характеристиками, этнолингвистическим разнообразием и социально-экономическими результатами — перспективное направление дальнейших исследований.

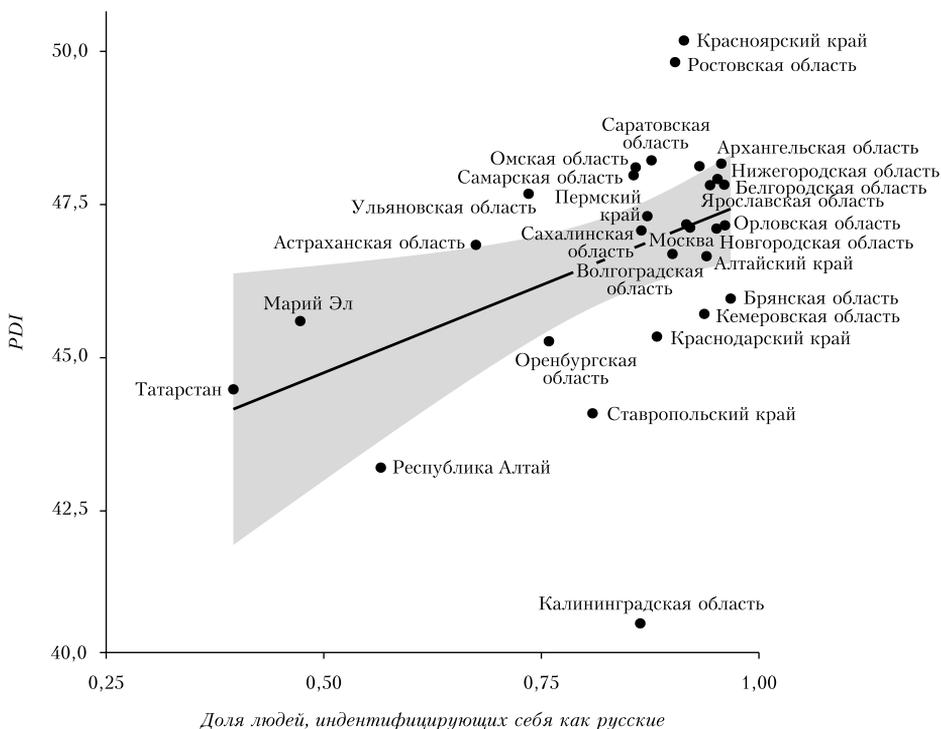
Как информацию о социокультурных различиях между регионами можно использовать в экономических целях?

При использовании результатов социокультурных исследований на практике необходимо учитывать несколько обстоятельств. Во-первых, на поведение человека, помимо ценностей, влияет множество иных факторов — материальные стимулы, действующее законодательство, доступность инфраструктуры и т. д. Другими словами, обладание определенным набором ценностей не предопределяет поведение человека (Аузан и др., 2017; Тамбовцев, 2018). Во-вторых, базовые социокультурные характеристики, оцениваемые при помощи методологии Хофстеде, могут обладать меньшей прогностической силой при предсказании поведения человека в конкретной ситуации по сравнению с более «частными» убеждениями о допустимости данного действия (Sun et al., 2014). В-третьих, знание социокультурных особенностей позволяет разработать или предложить корректировки программ

²⁰ Индекс фракционализации отражает вероятность того, что два случайно выбранных человека будут принадлежать к разным этнолингвистическим группам (Alesina et al., 2003).

²¹ Данные по социально-экономическим показателям взяты с сайта Росстата за 2013 г. (год, предшествующий опросу). Индекс фракционализации и доля населения, идентифицирующего свою национальность как «русские», рассчитаны по данным переписи населения 2010 г.

Связь между долей населения, идентифицирующего свою национальность как «русские», и уровнем дистанции власти

Примечание. Характеристики Хофстеде рассчитывались для регионов, в которых респонденты оканчивали школы. Регион включался в выборку при наличии минимум 30 наблюдений. Национальный состав субъектов РФ получен по данным переписи 2010 г. Показатель доли рассчитывался от общей численности населения региона, указавшего национальность.

Источник: построено авторами по данным опроса ИНП и Тюнинг-центра в 2014–2016 гг.

Рис. 2

и мероприятий, но оценить их эффективность могут только экспериментальные и квази-экспериментальные методы.

Тем не менее зафиксированные особенности позволяют сделать первичную оценку социокультурных «драйверов» и барьеров развития регионов и очертить круг возможных рекомендаций. Ниже приведены наиболее перспективные пути прикладного применения результатов о межрегиональных социокультурных различиях.

Использование преимуществ, обусловленных социокультурными особенностями региона. Социокультурные различия между регионами могут обуславливать специфические для региона барьеры и конкурентные преимущества, которые важно учитывать при осуществлении региональной политики. В частности, более высокий индивидуализм, при прочих равных условиях, может быть предпосылкой более успешного инновационного развития (Chen et al., 2017).

Выбор эффективного для данной социокультурной среды института. Эффективность конкретного института может варьировать в зависимости от среды (в том числе культурной), в которой он внед-

ряется (Полтерович, 2001). Гармонизация формальных и неформальных институтов может повысить эффективность их работы (Аузан, Никишина, 2013). Например, при низком уровне индивидуализма индивидуальные меры стимулирования работников могут работать хуже, чем коллективные. В некоторых случаях целесообразно использовать «второй наилучший» вариант (Rodrik, 2008), в российской традиции — «промежуточный» институт (Полтерович, 2007; Аузан и др., 2017): работоспособный при имеющихся ограничениях (в том числе социокультурных), способствующий их ослаблению и создающий тем самым условия для дальнейших преобразований.

Фактор культуры также может определять сравнительную эффективность мер борьбы с пандемией коронавируса. Например, жесткие социальные нормы (готовность подчиняться, ограничивать себя на благо других и т. д.) в азиатских странах обсуждаются как один из благоприятных факторов при борьбе с болезнью (Van Bavel et al., 2020). Культура раздельной жизни детей и родителей в сочетании с высоким институциональным доверием и следованием правилам были одной из причин «мягкого» ответа на коронавирус в Швеции²². Знание социокультурных особенностей позволяет выбрать оптимальный уровень жесткости мер (и контроля за их соблюдением) для достижения желаемого результата. Учитывая, что решения о карантинных мероприятиях принимались в России регионами самостоятельно, данные о социокультурном профиле могли бы помочь местным властям в принятии решений.

Повышение точности прогнозирования. Социокультурные факторы можно включать как объясняющие переменные в прогнозные модели. Наиболее перспективная область применения — маркетинговые исследования и моделирование распространения технологий и продуктов (Meade, Islam, 2006). Учет социокультурных факторов может повысить точность предсказания и иных показателей — например, предпринимательской активности в регионах (Obschonka et al., 2015).

Институциональное проектирование и повышение эффективности инструментов поведенческой экономики (например, фрейминга). Исследование возможностей «мягкого подталкивания» (nudging) на данный момент — одно из наиболее популярных прикладных направлений в поведенческой экономике²³. При этом один из важных вызовов — отсутствие системных знаний о том, какой инструмент окажется эффективнее в конкретной ситуации и на той или иной территории. Знание особенностей социокультурной среды позволяет сузить перечень потенциально эффективных инструментов.

Корректировка образовательных, информационных и просветительских программ. Знание социокультурного профиля региона и его воздействия на развитие позволяет определять приоритеты политики в области образования и просвещения. Например, в случае высокого уровня избегания неопределенности особое внимание должно уделяться программам и мероприятиям, повышающим принятие риска и неопределенных ситуаций, развитию культуры, дающей право на ошибку, и т. д.

²² <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-19/sweden-says-controversial-covid-19-strategy-is-proving-effective>

²³ Информацию о соответствующих практических применениях можно найти по адресу: <https://www.ideas42.org>

Дальнейшие исследования в сфере социокультурной экономики, в том числе основанные на экспериментальном тестировании (лабораторные и полевые эксперименты), позволят повысить точность рекомендаций.

* * *

В статье описан подход к проведению социокультурных исследований, позволяющий количественно оценить социокультурные различия между регионами. Ключевые особенности — использование экологического подхода для нивелирования влияния прочих факторов (в том числе для гомогенных выборок) и учет внутренней миграции.

Результаты сравнения социокультурных характеристик у студентов экономических специальностей — максимально гомогенизированных выборок — показывают, что отдельные региональные различия существуют. Наиболее устойчивые результаты: более высокий индивидуализм в Сибири и на Дальнем Востоке, более высокий коллективизм в регионах Поволжья, более высокое избегание неопределенности на Юге России.

Представляется перспективным проведение дальнейших исследований на региональном уровне. Во-первых, связанных с расширением географии исследований и проверкой выявленных закономерностей на других регионах России (особенно в национальных республиках). Во-вторых, направленных на экспериментальное тестирование причинно-следственных связей между социокультурной спецификой и эффективностью отдельных институтов. Дальнейшие исследования в этой области могут подтвердить необходимость дифференцированной региональной политики с учетом социокультурного фактора, а также дать больше достоверных данных для ее проведения.

Список литературы/References

- Антонов Е. В., Аузан А. А., Брызгалин В. А., Вороненко В. А., Золотов А. В., Никишина Е. Н., Припузова Н. А., Трухачев С. А. (2019). Социокультурные факторы инновационной активности населения. М.: Институт национальных проектов; Российская венчурная компания. [Antonov E. V., Auzan A. A., Bryzgalin V. A., Voronenko V. A., Zolotov A. V., Nikishina E. N., Pripuzova N. A., Trukhachev S. A. (2019). *Sociocultural factors of population innovation activity*. Moscow: Institute for National Projects; Russian Venture Company. (In Russian).]
- Аузан А. А., Авдиенкова М. А., Андреева Д. А., Бахтигараева А. И., Брызгалин В. А., Бутаева К. О., Вебер Ш., Давыдов Д. В., Золотов А. В., Никитин К. М., Никишина Е. Н., Припузова Н. А., Ставинская А. А. (2017). Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. М.: Центр стратегических разработок. [Auzan A. A., Avdienkova M. A., Andreeva D. A., Bakhtigaraeva A. I., Bryzgalin V. A., Butaeva K. O., Weber S., Davydov D. V., Zolotov A. V., Nikitin K. M., Nikishina E. N., Pripuzova N. A., Stavinskaya A. A. (2017). *Sociocultural factors of innovative development and successful implementation of reforms*. Moscow: Center for Strategic Research. (In Russian).]

- Аузан А. А., Никишина Е. Н. (2013). Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов // Журнал экономической теории. № 4. С. 48–57. [Auzan A. A., Nikishina E. N. (2013). Economic dynamics in the long run: The role of informal institutions. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii*, No. 4, pp. 48–57. (In Russian).]
- Вебер Ш., Давыдов Д. (2017). Социально-экономические эффекты языкового разнообразия // Вопросы экономики. № 11. С. 50–62. [Weber S., Davydov D. (2017). Societal and economic effects of linguistic diversity. *Voprosy Ekonomiki*, No. 11, pp. 50–62. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-11-50-62>
- Дубицкая В. (2015). Капитализм под копирку: Иллюзии эффективных менеджеров. М.: Альпина Паблшер. [Dubitskaya V. (2015). *Copied capitalism: Illusions of effective managers*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian).]
- Зубаревич Н. В. (2012). Современная Россия: география с арифметикой // Отечественные Записки. Т. 46. № 1. С. 55–64. [Zubarevich N. V. (2012). Contemporary Russia: Geography with arithmetic. *Otechestvennye Zapiski*, Vol. 46, No. 1, pp. 55–64. (In Russian).]
- Кузнецова О. (2013). Пирамида факторов социально-экономического развития регионов // Вопросы экономики. № 2. С. 121–131. [Kuznetsova O. (2013). Pyramid of factors of regional socio-economic development. *Voprosy Ekonomiki*, No. 2, pp. 121–131. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-2-121-131>
- Латов Ю. В., Латова Н. В. (2007). Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда // Мир России. № 4. С. 43–72. [Latov Yu. V., Latova N. V. (2007). Findings and paradoxes of ethnometric analysis of Russia's economic culture according to Hofstede. *Mir Rossii*, No. 4, pp. 43–72. (In Russian).]
- Латов Ю. В., Латова Н. В., Николаева С. И. (2005). Повседневная теневая экономика и национальная экономическая ментальность в современной России: взаимосвязь индексов Г. Хофстеда и индикаторов теневой экономической деятельности. М.: Директмедиа Паблшинг. [Latov Yu. V., Latova N. V., Nikolaeva S. I. (2005). *Routine shadow economy and national economic mentality in modern Russia: Relationship between Hofstede indices and indicators of shadow economy activities*. Moscow: Direktmedia Publishing. (In Russian).]
- Лебедева Н. М., Татарко А. Н. (2007). Ценности культуры и развитие общества. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ. [Lebedeva N. M., Tatarko A. N. (2007). *Cultural values and the society development*. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- Никишина Е. Н. (2015). Культурный капитал как фактор неопределенности и транзакционных издержек // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 5. С. 3–21. [Nikishina E. N. (2015). Cultural capital as a factor of uncertainty and transaction costs. *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya 6: Ekonomika*, No. 5, pp. 3–21. (In Russian).]
- Полтерович В. (2001). Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. № 3. С. 24–50. [Polterovich V. (2001). Transplantation of institutions. *Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoy Rossii*, No. 3, pp. 24–50. (In Russian).] <https://doi.org/10.1001/jama.285.12.1649>
- Полтерович В. М. (2007). Стратегии институциональных реформ, или Искусство реформ (Препринт WP10/2007/08). М.: ГУ–ВШЭ. [Polterovich V. M. (2007). *Institutional reform strategies or art of reforms*. (Preprint WP10/2007/08). Moscow: SU–HSE. (In Russian).] https://www.hse.ru/data/2010/05/06/1216457943/WP10_2007_08f.pdf
- Стародубовская И. В. (2015). Как бороться с радикализмом молодежи на Северном Кавказе? // Общественные науки и современность. № 6. С. 84–96. [Starodubovskaya I. V. (2015). How to fight with radicalism among young people in the North Caucasus? *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, No. 6, pp. 84–96. (In Russian).]

- Тамбовцев В. Л. (2018). Инновации и культура: важность методологии анализа // Вопросы экономики. № 9. С. 70–94. [Tambovtsev V. L. (2018). Innovations and culture: Importance of the analysis methodology. *Voprosy Ekonomiki*, No. 9, pp. 70–94. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-9-70-94>
- Ядов В. А. (2002). Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. Вып. 2. С. 349–363. [Yadov V. A. (2002). Sociological foundations for the forecast of the Russian future society. *Rossiia Reformiruyushchayasya*, Vol. 2, pp. 349–363. (In Russian).]
- Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. (2003). Fractionalization. *Journal of Economic Growth*, Vol. 8, No. 2, pp. 155–194. <https://doi.org/10.1023/A:1024471506938>
- Algan Y., Cahuc P. (2010). Inherited trust and growth. *American Economic Review*, Vol. 100, No. 5, pp. 2060–2092. <https://doi.org/10.1257/aer.100.5.2060>
- Bazzi S., Fiszbein M., Gebresilas M. (2017). Frontier culture: The roots and persistence of “rugged individualism” in the United States. *NBER Working Paper*, No. 23997. <https://doi.org/10.3386/w23997>
- Beugelsdijk S., Maseland R. (2010). *Culture in economics: History, methodological reflections and contemporary applications*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511761539>
- Carree M., Van Stel A., Thurik R., Wennekers S. (2007). The relationship between economic development and business ownership revisited. *Entrepreneurship & Regional Development*, Vol. 19, No. 3, pp. 281–291. <https://doi.org/10.1080/08985620701296318>
- Castellani M. (2018). Does culture matter for the economic performance of countries? An overview of the literature. *Journal of Policy Modeling*, Vol. 41, No. 4, pp. 700–717. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2018.06.006>
- Chen Y., Podolski E. J., Veeraraghavan M. (2017). National culture and corporate innovation. *Pacific-Basin Finance Journal*, Vol. 43, pp. 173–187. <https://doi.org/10.1016/j.pacfin.2017.04.006>
- Dincer O. C., Uslander E. M. (2010). Trust and growth. *Public Choice*, Vol. 142, Article number 59. <https://doi.org/10.1007/s11127-009-9473-4>
- Eberhard D. M., Simons G.F., Fennig C. D. (eds.) (2020). *Ethnologue: Languages of the world*. 23rd ed. Dallas, TX: SIL International.
- Fritsch M., Sorgner A., Wyrwich M., Zazdravnykh E. (2019). Historical shocks and persistence of economic activity: Evidence on self-employment from a unique natural experiment. *Regional Studies*, Vol. 53, No. 6, pp. 790–802. <https://doi.org/10.1080/00343404.2018.1492112>
- García-Cabrera A. M., García-Soto M. G. (2008). Cultural differences and entrepreneurial behaviour: An intra-country cross-cultural analysis in Cape Verde. *Entrepreneurship and Regional Development*, Vol. 20, No. 5, pp. 451–483. <https://doi.org/10.1080/08985620801912608>
- Gennaioli N., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. (2014). Growth in regions. *Journal of Economic Growth*, Vol. 19, No. 3, pp. 259–309. <https://doi.org/10.1007/s10887-014-9105-9>
- Gorodnichenko Y., Roland G. (2011). Individualism, innovation, and long-run growth. *PNAS*, Vol. 108, Suppl. 4, pp. 21316–21319. <https://doi.org/10.1073/pnas.1101933108>
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2004). The role of social capital in financial development. *American Economic Review*, Vol. 94, No. 3, p. 526–556. <https://doi.org/10.1257/0002828041464498>
- Hofstede G. (2001). *Culture's consequences: Comparing values, behaviors and organizations across nations*. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Hofstede G., Garibaldi de Hilal A. V., Malvezzi S., Tanure B., Vinken H. (2010). Comparing regional cultures within a country: Lessons from Brazil. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 41, No. 3, pp. 336–352. <https://doi.org/10.1177/0022022109359696>
- House R. J., Hanges P. J., Javidan M., Dorfman P. W., Gupta V. (2004). *Culture, leadership and organizations: The GLOBE study of 62 societies*. Thousand Oaks, CA: Sage.

- Inglehart R. (1990). *Culture shift in advanced industrial society*. Princeton University Press.
- Licht A. N., Goldschmidt C., Schwartz S. H. (2007). Culture rules: The foundations of the rule of law and other norms of governance. *Journal of Comparative Economics*, Vol. 35, No. 4, pp. 659–688. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2007.09.001>
- Meade N., Islam T. (2006). Modelling and forecasting the diffusion of innovation—A 25-year review. *International Journal of Forecasting*, Vol. 22, No. 3, pp. 519–545. <https://doi.org/10.1016/j.ijforecast.2006.01.005>
- Minkov M. (2018). A revision of Hofstede's model of national culture: Old evidence and new data from 56 countries. *Cross Cultural and Strategic Management*, Vol. 25, No. 2, pp. 231–256. <https://doi.org/10.1108/CCSM-03-2017-0033>
- Minkov M., Hofstede G. (2012). Is national culture a meaningful concept? Cultural values delineate homogeneous national clusters of in-country regions. *Cross-Cultural Research*, Vol. 46, No. 2, pp. 133–159. <https://doi.org/10.1177/1069397111427262>
- Obschonka M., Stuetzer M., Gosling S. D., Rentfrow P. J., Lamb M. E., Potter J., Audretsch D. B. (2015). Entrepreneurial regions: Do macro-psychological cultural characteristics of regions help solve the “knowledge paradox” of economics? *PloS One*, Vol. 10, No. 6, e0129332. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0129332>
- Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. Y. (1994). *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton University Press.
- Rajh E., Budak J., Anić I.-D. (2016). Hofstede's culture value survey in Croatia: Examining regional differences. *Drustvena Istrazivanja*, Vol. 25, No. 3. <https://doi.org/10.5559/di.25.3.02>
- Rodrik D. (2008). Second-best institutions. *American Economic Review*, Vol. 98, No. 2, pp. 100–104. <https://doi.org/10.1257/aer.98.2.100>
- Schwartz S. H. (1994). Beyond individualism/collectivism: New cultural dimensions of values. In: U. Kim, H. C. Triandis, Ç. Kâğıtçıbaşı S.-C. Choi, G. Yoon (eds.). *Cross-cultural Research and Methodology Series, Vol. 18: Individualism and collectivism: Theory, method, and applications*. Sage Publications. pp. 85–119
- Schwartz S. H. (2012). An overview of the Schwartz theory of basic values. *Online Readings in Psychology and Culture*, Vol. 2, No. 1 pp. 1–20. <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116>
- Schwartz S. H. (2014). National culture as value orientations: Consequences of value differences and cultural distance. In: V. A. Ginsburgh, D. Throsby (eds.). *Handbook of the economics of art and culture*, Vol. 2, pp. 547–586. Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53776-8.00020-9>
- Semian M., Chromý P. (2014). Regional identity as a driver or a barrier in the process of regional development: A comparison of selected European experience. *Norsk Geografisk Tidsskrift-Norwegian Journal of Geography*, Vol. 68, No. 5, pp. 263–270. <https://doi.org/10.1080/00291951.2014.961540>
- Shane S. (1993). Cultural influences on national rates of innovation. *Journal of Business Venturing*, Vol. 8, No. 1, pp. 59–73. [https://doi.org/10.1016/0883-9026\(93\)90011-S](https://doi.org/10.1016/0883-9026(93)90011-S)
- Sun G., D'Alessandro S. W., Johnson L., Winzar H. (2014). Do we measure what we expect to measure? Some issues in the measurement of culture in consumer research. *International Marketing Review*, Vol. 31, No. 4, pp. 338–362. <https://doi.org/10.1108/IMR-03-2012-0055>
- Tabellini G. (2010). Culture and institutions: Economic development in the regions of Europe. *Journal of European Economic Association*, Vol. 8, No. 4, pp. 677–716. <https://doi.org/10.1111/j.1542-4774.2010.tb00537.x>
- Taras V. (2008). *Catalogue of instruments for measuring culture*. Calgary, AB: University of Calgary.
- Van Bavel J. J. et al. (2020). Using social and behavioural science to support COVID-19 pandemic response. *Nature Human Behaviour*, Vol. 4, pp. 460–471. <https://doi.org/10.31234/osf.io/y38m9>

Is there a regional culture in Russia? Opportunities of using a sociocultural approach in economics

Viktor A. Bryzgalin^{1,2,*}, Elena N. Nikishina^{1,2}

Authors affiliation: ¹ Institute for National Projects (Moscow, Russia);

² Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

* Corresponding author, email: v.bryzgalin@inp.ru

The paper investigates cross-cultural differences across Russian regions using the methodology of G. Hofstede. First, it discusses the most common approaches in measuring culture and the application of the Hofstede methodology in subnational studies. It identifies the critical issues in measuring culture at the regional level and suggests several strategies to address them. Secondly, the paper introduces subregional data on individualism and uncertainty avoidance using a survey of students across 27 Russian universities. The data allow to establish geographical patterns of individualism in Russia. It is demonstrated that collectivism is most prevalent in the Volga region, while individualism characteristic becomes stronger towards the Far East. The findings are robust to the inclusion of various controls and different specifications of the regression model. Finally, the paper provides a discussion about the potential of applying the sociocultural approach in economics.

Keywords: culture, values, Russian regions, Hofstede.

JEL: B410, D910, Z100, Z130.

Воспроизводство социальных норм в России*

А. В. Золотов¹, Н. А. Припузова^{1,2}

¹ *Институт национальных проектов (Москва, Россия)*

² *МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)*

В статье рассматривается неэффективное равновесие российских неформальных институтов, блокирующее экономическое развитие. Возможности выхода из неэффективного равновесия ограничены спецификой социальных норм, которые воспроизводятся в том числе в системе высшего образования. Высшее образование — один из наиболее эффективных каналов трансляции социальных норм. Согласно гипотезе о социализации Р. Инглхарта и гипотезе о «впечатлительных годах» П. Джулиано и А. Спилемберго, период, когда формируются ценности и поведенческие установки, приходится на раннюю взрослость — с 18 до 25 лет. В статье на основании данных лонгитюдного социологического исследования студентов российских вузов, проведенного в 2014–2016 гг. в 10 регионах России, продемонстрировано изменение социальных норм по мере обучения в университете. Показано, что у российских студентов за время этого обучения повышается лояльность к оппортунизму и нарушению правил.

Ключевые слова: институты, гражданская культура, институциональная ловушка.

JEL: O43, Z10, Z13.

В общественном и академическом дискурсах распространено мнение, что экономическое положение разных стран относительно друг

Золотов Антон Владимирович (azolotov@arett.ru), руководитель отдела прикладных исследований Института национальных проектов; *Припузова Надежда Анатольевна* (n.pripuzova@inr.ru), ген. директор Института национальных проектов, аспирант экономического факультета МГУ.

* Авторы выражают благодарность администрации и представителям вузов ФУМО, Тьюнинг-центру ЭФ МГУ за содействие в проведении исследования ценностей и общекультурных ценностей российских студентов экономических специальностей, а также А. А. Лузану, А. И. Бахтигараевой, В. А. Брызгалину, Е. Н. Никишиной и А. А. Ставинской за совместную работу и обсуждения в ходе исследования.

друга не меняется значительно в силу стабильности институциональной среды (Acemoglu et al., 2001; Easterly, Levine, 2003; Rodrik et al., 2004). Предполагается, что для каждой страны существует определенная траектория развития — «колея», заданная устройством институтов (Аузан, Никишина, 2013). Этот тезис обосновывается высокой корреляцией показателей дохода на душу населения в Европе начала XX в. и аналогичных показателей конца XX в., что объясняется долгосрочными институциональными эффектами (Guiso et al., 2016; Acemoglu et al., 2001). Формирование и упрочение экстрактивных (направленных на получение ренты, а не создание благ) институтов, происходившее в начале XX в. и ранее, в ряде стран до сих пор сдерживает рост экономики.

Применительно к России институты также показывают высокую степень стабильности — это отражает, в частности, динамика показателя верховенства права (Rule of Law¹). В 1996–2017 гг. российские показатели индекса верховенства права менялись незначительно: в интервале от $-1,09$ до $-0,73$, при возможной амплитуде показателя от $-2,5$ до $2,5$. В целом на протяжении 20 лет Россия оставалась в группе 30% стран с наименьшими показателями (наряду, например, с Пакистаном и Непалом). В странах — лидерах по показателю верховенства права (Швеция, Норвегия, Финляндия, Швейцария, Новая Зеландия, Дания, Нидерланды, Канада) тоже низкая амплитуда колебаний индекса на протяжении 20 лет. Однако в ряде стран наблюдаются и значительные изменения индекса: например, в Венесуэле с 2000 г. устойчиво снижается верховенство права с $-0,86$ в 2000 г. до $-2,18$ в 2016 г. Снижение индекса объяснимо на фоне реформ Уго Чавеса и его преемника Николаса Мадуро, ограничивающих свободы населения, а также реформ, которые привели к усилению зависимости экономики от ресурсов, к институциональному кризису в стране. Эксперты называют Венесуэлу сегодня «аномией», подчеркивая отсутствие социальных норм и институтов (Gan, 2020).

Есть примеры положительной динамики. Например, в Грузии показатель неизменно рос с $-0,71$ в 2005 г. до $0,36$ в 2016 г. (в 1996 г. индекс был равен $-1,26$, и далее его значения разнонаправленно колебались до 2005 г.). Такая динамика коррелирует со значительным изменением положения Грузии в рейтинге Doing Business: в 2019 г. Грузия занимала 7-е место². Индексы институциональной среды показывают, что институциональные демократические реформы (реформы полиции, налоговые реформы, приватизация) имели положительный эффект. Системные реформы не только улучшили качество формальных институтов, но и способствовали укреплению социальных норм в Грузии: по сравнению с 2005 г. увеличилась доля людей, порицаю-

¹ Показатель верховенства права отражает качество институциональной среды в стране, поскольку показывает, в какой степени население доверяет правилам в целом и соблюдает их. Верховенство права отражает восприятие обществом следующих институциональных аспектов: уровня исполнения контрактов, степени защиты прав собственности, качества работы полиции и судов, а также вероятности насилия и преступлений. World Bank, World Governance Indicators, <http://databank.worldbank.org/data/metadataglossary/worldwide-governance-indicators/series>

² <https://russian.doingbusiness.org/ru/data>

щих неуплату налогов, проезд зайцем в общественном транспорте, получение взяток³.

Описанные примеры быстрых изменений показателей в Венесуэле и Грузии — скорее исключения, чем правило. В чем же причина статичности показателя качества институциональной среды, особенно на разных полюсах рейтинга верховенства права (в странах-лидерах и аутсайдерах по показателю)?

Существует несколько концепций, в рамках которых объясняются стабильность показателей качества институтов и сложности перехода от низкого качества институтов к высокому. Эти концепции не противоречат, а скорее дополняют друг друга, описывая ситуацию с разных сторон.

Концепции неэффективного равновесия

Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст объясняют устойчивость институтов с помощью моделей общественной организации, или социальных порядков (Норт и др., 2011). Установившийся социальный порядок устойчив, поскольку это не просто набор институтов, а «двойной взаимный баланс» экономической и политической систем, или «фундаментальный способ организации общества», который поддерживается соглашением внутри доминирующей коалиции.

Авторы выделяют два современных социальных порядка — порядок ограниченного доступа и порядок открытого доступа. В рамках порядка ограниченного доступа элиты, не заинтересованные в потере ренты, ограничивают доступ населения к ресурсам (в том числе к образованию как ключевому ресурсу развития), тем самым блокируя развитие институтов и экономики. Это, в свою очередь, ограничивает возможности формирования гражданского общества, которое предъявляло бы спрос на эффективную работу государства. Без общественного контроля за работой государства элиты имеют возможность сохранять ренту, ограничивать политический и экономический плюрализм и конкуренцию. Таким образом, в порядках ограниченного доступа слабо развиты институты гражданской кооперации, которые позволили бы изменить неэффективное равновесие; ограничены возможности консолидации общества. Ключевая черта порядка открытого доступа, напротив, способность общества консолидироваться и оказывать независимое влияние на политический процесс.

На рентоориентированное поведение элит как ключевой фактор неэффективного общественного равновесия также указывают Д. Аджемоглу и Д. Робинсон в концепции экстрактивных (направленных на «эксплуатацию одной части общества для обогащения другой») и инклюзивных (стимулирующих «участие больших групп населения в экономической активности») институтов.

При доминировании экстрактивных институтов элиты поддерживают функционирование институтов, направленных на получение

³ Согласно данным World Values Survey. <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

максимальной ренты, и ограничивают доступ населения к ресурсам, что также блокирует развитие (Аджемоглу, Робинсон, 2015). Экономические и политические экстрактивные институты во взаимодействии образуют устойчивый «порочный круг», или неэффективное равновесие. Инклюзивные институты, напротив, поддерживают консолидацию общества — объединение населения в группы и участие в экономической и политической деятельности, обеспечивающих подотчетность государства.

В третьей концепции первопричиной стабильности институциональной среды считается баланс неэффективных формальных и неформальных институтов (Alesina, Giuliano, 2015; Полтерович, 1999). Такой баланс называют институциональной ловушкой в терминах В. Полтеровича (Полтерович, 1999).

Институциональная ловушка характеризуется состоянием, когда отдельный агент или малая группа несут потери, отклоняясь от некоторой неэффективной нормы. Выход из институциональной ловушки гипотетически возможен при одновременном переходе всех агентов к альтернативным эффективным институтам, что в реальной жизни практически невозможно в силу затрудненной координации. Так, без возможности скоординированного быстрого выхода из неэффективного равновесия, институциональная ловушка ведет к поддержанию стабильности неэффективных институтов (Полтерович, 1999) — например, неформальных процедур принятия (согласования) решений, выхолащивающих институты формальные, рентоориентированных моделей поведения, клиентелизма. Как и в рассмотренных случаях, наличие в стране гражданского общества, способного к консолидации и координации, рассматривается в качестве условия выхода из институциональной ловушки.

Все три концепции неэффективного институционального равновесия применимы при анализе российского опыта. Институциональная среда в России, безусловно, характеризуется порядком ограниченного доступа, доминированием экстрактивных институтов, существованием институциональных ловушек, затрудняющих кардинальное изменение качества институциональной среды. Норт, Уоллис и Вайнгаст говорят о наличии в России типичных признаков порядка ограниченного доступа: жесткой вертикали власти, контроля над СМИ и ослабления институтов гражданского общества (Норт и др., 2011). Институциональные ловушки в России послужили основой для формирования концепции Полтеровича — прежде всего, бартерная ловушка, ловушки неуплаты налогов, неплатежей и др.

Пути выхода из неэффективного равновесия

Несмотря на устойчивость неэффективных равновесий, авторы всех концепций указывают на возможные пути перехода к равновесию с высоким качеством институтов:

— Норт, Уоллис и Вайнгаст выделяют три «пороговых» условия для перехода к обществу открытого доступа: верховенство права для элит («законы для всех одинаковы»), постоянство форм организаций

(«организации переживают своих создателей»), консолидированный контроль над насилием (над вооруженными силами). Выполнить эти условия можно в обществе с развитой гражданской культурой, в котором возможны свободное объединение граждан в организации, поддержка конкуренции и безличность отношений (Уэйнгаст, 2009);

— Аджемоглу и Робинсон считают главной предпосылкой перехода к инклюзивным институтам наличие широкой коалиции разнородных сил, которое возможно при общественной консолидации (Аджемоглу, Робинсон, 2015);

— Полтерович выделяет микроэкономические (санкции, механизмы репутации) и макроэкономические (эволюция гражданского общества) меры выхода из институциональной ловушки (Полтерович, 2004). При этом микроэкономические меры (например, введение смертной казни за взятки в Китае в 1990-х годах) могут привести к нежелательным последствиям и в целом нацелены на точечные, а не системные изменения. Пример нежелательного последствия: замещение одной неэффективной нормы другой (например, при введении санкций за неплатежи фирмы уходят в теневой сектор экономики).

Ключевым условием выхода из институциональной ловушки является развитая *гражданская культура*. В данной работе гражданская культура определяется как способность общества к кооперации для создания общественных благ (отстаивания своих интересов, требования достоверности обязательств от власти и т. д.).

Например, ключевой «импульс к изменениям» в «хлопковых» штатах США (Алабама, Луизиана, Миссури) в 1960-е годы, когда началось движение в сторону инклюзивных институтов, был обеспечен гражданской культурой — консолидацией чернокожего населения для отстаивания своих прав (Аджемоглу, Робинсон, 2015). Впоследствии разрыв в экономических показателях южных штатов и средних показателей по США был сокращен с 50% практически до нуля к 1990 г.

Славная революция в Англии, результатом которой стала система инклюзивных институтов, состоялась в силу существования широкой коалиции, способной ограничить власть монарха и министров (Аджемоглу, Робинсон, 2015). Создание инклюзивных институтов повлекло за собой промышленную революцию и, как следствие, качественный скачок экономического развития.

Если гражданская культура — ключевой фактор перехода к новому социальному порядку, то закономерен вопрос: какой уровень гражданской культуры в России и есть ли возможности перехода?

Гражданскую культуру как способность общества к кооперации для создания общественных благ можно оценить разными способами:

— с помощью вторичных статистических данных — например, количества некоммерческих организаций на душу населения (Guiso et al., 2016; Weil, 1994);

— с помощью социологических опросных данных — показателей норм гражданской кооперации или более широко — социальных норм;

— с помощью социологических экспериментальных данных, например эксперимента «Диктатор», позволяющего оценить кооперативные намерения участников (Engel, 2011).

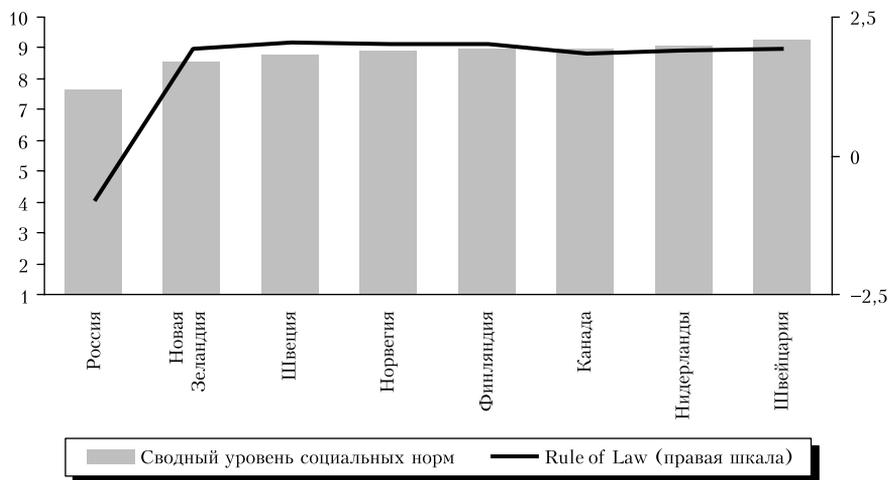
В нашей работе используются социологические данные. Для описания социальных норм используются вопросы, характеризующие отношение в обществе к оппортунизму — нарушению правил игры в собственных интересах. Они показывают, насколько допустимым люди считают нарушение правил. При лояльном отношении к оппортунизму снижаются стимулы к кооперации для создания общественных благ.

Во Всемирном исследовании ценностей⁴ ряд вопросов позволяют оценить социальные нормы. К классическим вопросам можно отнести следующие (Knack, Keefer, 1997):

- насколько заслуживает оправдания получение государственных пособий, на которые человек не имеет права?
- насколько заслуживает оправдания проезд зайцем в общественном транспорте?
- насколько заслуживает оправдания неуплата налогов, если есть такая возможность?
- насколько заслуживает оправдания получение взятки с использованием служебного положения?

Дескриптивный анализ указанных индикаторов показывает, что в странах с развитой институциональной средой (высоким уровнем индекса верховенства права) относительно более развиты социальные нормы (рис. 1). Это значит, что в странах — лидерах по качеству институтов общество отрицательно относится к нарушению правил, социальные нормы развиты, имеет место эффективное институциональное равновесие (Aghion и др., 2010).

Уровень социальных норм* в России в сравнении со странами-лидерами по индексу Rule of Law, за исключением Дании**

* Чем выше показатель, тем выше уровень развития социальной нормы: 1 = «Всегда заслуживает оправдания», 10 = «Никогда не заслуживает оправдания».

** Дания не участвовала в опросе 5-й волны World Values Survey.

Источник: WGI, 2017 ; WVS, 5 волна, 2005–2009. <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

Рис. 1

⁴ World Values Survey. <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

Неэффективное равновесие в России поддерживается слабо развитой гражданской культурой. Возможно ли развитие гражданской культуры в российском обществе путем формирования и распространения эффективных социальных норм?

Основным механизмом формирования и распространения норм может быть *система образования*, это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, согласно «гипотезе о социализации» Р. Инглхарта, неформальные институты в большей степени подвержены изменениям в период «ранней взрослости» (с 16 до 25 лет) (Inglehart, 2008). Во-вторых, согласно «гипотезе о впечатлительных годах» (impressionable years hypothesis), период наибольшей ментальной пластичности приходится на возраст с 18 до 25 лет. Это доказано на примере поколений, чей период ранней взрослости пришелся на экономические кризисы и потрясения: представители таких поколений в последующем предъявляют более высокий спрос на справедливость и равенство⁵, чем другие когорты (Giuliano, Spilimbergo, 2013). В-третьих, система высшего образования и институциональная среда взаимозависимы: качество институтов отрицательно связано со спросом на специальности, в которых возможна «борьба за ренту» (юридические, экономические специальности) (Polishchuk, Natkhov, 2012). Привлекательность образования по рентоориентированным специальностям обусловлена институциональной средой, а рост числа специалистов в этой сфере увеличивает борьбу за ренту и делает экстрактивные институты более устойчивыми.

Показатели социальных норм, распространенных в образовательной системе, могут быть индикаторами возможности изменить гражданскую культуру в обществе в целом (его наиболее прогрессивной части). Например, распространенность списывания на экзаменах по математике высоко коррелирует со статистическими показателями гражданской культуры (количества НКО и донорских организаций на душу населения) (Guiso et al., 2016). Предполагается, что социальные нормы, связанные с отношением к списыванию, — своего рода индикаторы и одновременно предпосылки формирования неэффективных для общества в целом социальных норм, поскольку списывание — это своего рода «микромодель» более масштабного экстрактивного института, когда агент получает выгоду за счет эксплуатации окружающих.

Исследования феномена списывания показывают, что отношение к списыванию различается в зависимости от качества институциональной среды в стране, где живет респондент. Например, в Нидерландах — лидере по индексу верховенства права в большей степени порицают списывающих студентов, чем в России. Более того, если в Нидерландах порицают студентов, давших списать (таких же нарушителей правил, как и списавшие студенты), то в России таких студентов оправдывают и относятся к ним положительно (Magnus et al., 2002).

⁵ Представители таких поколений чаще согласны с утверждением, что «нужно уменьшить разницу доходов» (vs. «Нужно увеличить разницу доходов, чтобы люди прилагали больше усилий»), вопросы из World Values Survey. <http://www.worldvaluessurvey.org>.

Система образования (в первую очередь, высшего, поскольку период ранней взрослости приходится главным образом на время обучения в вузе) может быть важным механизмом распространения гражданской культуры в обществе. На это указывают исследования эффектов реальных программ гражданского обучения в Нидерландах, Бельгии, Франции (D'Agostino, 2006). Однако помимо специальных программ, направленных на гражданское обучение, на развитие социальных норм влияет обучение как таковое (Аузан, 2013). Так, получение высшего образования в целом показывает положительную связь с уровнем доверия в странах с качественной институциональной средой (Charron, Rothstein, 2016).

Возможности образования в России

Закономерно предположить, что система высшего образования способствует распространению социальных норм, которые доминируют в данном обществе. Для России это позволяет предположить, что в российских вузах воспроизводятся неэффективные социальные нормы, ведущие к упрочению институциональной ловушки и блокирующие развитие.

Для проверки этой гипотезы проведен анализ динамики социальных норм студентов российских вузов. Анализ основан на количественных опросных данных. В 2014–2016 гг.⁶ Институтом национальных проектов совместно с Тюнинг-центром Экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова было проведено исследование ценностей и компетенций студентов экономических специальностей российских вузов в 27 регионах России, а также вузов в Донецке и Ереване, входивших в сеть ФУМО по экономике и управлению, — всего 29 вузов⁷.

⁶ В ходе исследования получены панельные данные за три года.

⁷ ФУМО — Федеральное учебно-методическое объединение в сфере высшего образования по экономике и управлению. Вузы, принявшие участие в опросе: Астраханский государственный университет, Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Белгородский государственный университет, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, Волгоградский государственный университет, Горно-Алтайский государственный университет, Донецкий государственный университет, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Ереванский государственный университет, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Новосибирский государственный университет, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Оренбургский государственный университет, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Поволжский государственный технологический университет, Самарский национальный исследовательский университет имени С. П. Королева, Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Сахалинский государственный университет, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Северо-Кавказский федеральный университет, Сибирский федеральный университет, Томский государственный университет, Ульяновский государственный университет, Южный федеральный университет, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова.

Описание выборки

Анализ панельных данных позволяет оценить «эволюцию» социальных норм студентов в процессе их обучения в университете (по мере взросления). Для анализа из 5025 наблюдений по студентам, обучавшимся на 1–4-м курсах очных отделений вузов по экономическим специальностям, были отобраны 314 студентов в 10 вузах, участвовавших хотя бы в двух волнах опроса (на 1, 3 и 4 курсах). Респонденты представляли 10 регионов России⁸, в каждом регионе за все время исследования было опрошено от 14 до 84 человек (см.: Бахтигараева, Ставинская, 2020. С. 99, табл. 1).

Результаты, полученные на данной выборке респондентов, были верифицированы на выборке студентов, участвующих в трех волнах опроса (71 студент из 8 вузов, 203 наблюдения) для большей точности результатов.

Описание модели

В основу анализа положена гипотеза о том, что *по мере взросления уровень развития социальных норм студентов российских вузов снижается*. Предполагается, что у студентов повышается лояльность по отношению к оппортунизму. Уровень социальных норм в анализе отражен с помощью семи показателей, измеряемых с помощью вопросов.

Насколько заслуживает оправдания:

1) получение государственных пособий, на которые человек не имеет права?⁹

2) проезд зайцем в общественном транспорте?

3) неуплата налогов, если есть такая возможность?

4) получение взятки с использованием служебного положения?

Представьте себе следующую ситуацию: кто-то из студентов сообщил в учебную часть, что один студент списал на экзамене у другого с разрешения последнего. Используя шкалу от 1 — «очень отрицательно» до 5 — «очень положительно», скажите, как Вы отнесетесь к каждому из этих студентов?

5) к студенту, который списал экзамен;

6) к студенту, который дал списать у него экзамен;

7) к студенту, который сообщил об этом в учебную часть.

⁸ Москва (МГУ имени М. В. Ломоносова); Астраханская область (Астраханский государственный университет); Волгоградская область (Волгоградский государственный университет); Красноярский край (Сибирский федеральный университет); Новгородская область (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого); Новосибирская область (Новосибирский государственный университет); Омская область (Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского); Республика Марий Эл (Поволжский государственный технологический университет); Ульяновская область (Ульяновский государственный университет); Ярославская область (Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова).

⁹ Для вопросов 1–4 использована шкала от 1 до 10, где 10 — индикатор развитых эффективных социальных норм (нарушения правил порицаются, «никогда не заслуживают оправдания», а 1 — индикатор неразвитых эффективных социальных норм, нарушения правил «всегда заслуживают оправдания»).

Зависимые переменные — уровень социальных норм респондента, шкала которых устроена следующим образом:

— для вопросов об отношении к нарушению правил¹⁰ — по шкале от 1 до 10, где 10 — индикатор развитых качественных социальных норм (нарушение правил порицается, «никогда не заслуживают оправдания»), а 1 — индикатор неразвитых качественных социальных норм (нарушения правил «всегда заслуживают оправдания»). В анализе использованы средние;

— для вопросов об отношении к списыванию — по шкале от 1 до 5, где 1 — индикатор развитых качественных социальных норм (отношение к студенту «очень отрицательное»), а 5 — индикатор неразвитых качественных социальных норм (отношение к студенту «очень положительное»). В анализе использованы средние.

Независимая переменная в модели — год проведения опроса (показатель также отражает курс обучения студента, поскольку данные панельные).

Контрольная переменная — доля самостоятельно заработанных доходов в общей структуре расходов респондента. Предполагается, что этот показатель косвенно отражает наличие работы у респондента в момент опроса, а этот фактор также влияет на формирование ценностей. При этом базовые социально-демографические характеристики не выступают контрольными, поскольку анализируются панельные данные.

Результаты

Результаты анализа показали, что по мере взросления у студентов российских вузов увеличивается лояльность к различным видам оппортунизма (таб.):

— к проезду зайцем в общественном транспорте (результат статистически значим на уровне 5%);

— к неуплате налогов, если есть такая возможность (результат статистически значим на уровне 1%);

— к списывающим студентам (результат статистически значим на уровне 1%).

Для других социальных норм (отношение к получению пособий, на которые человек не имеет права; к получению взятки с использованием служебного положения) также наблюдается рост лояльности к правонарушениям, однако результаты статистически не значимы.

Рост лояльности к нарушению правил показывает, что в ходе обучения в университете у студентов формируются неэффективные для общества социальные нормы, служащие барьерами к кооперации и конкуренции. Другими словами, выдвинутые гипотезы подтверждаются.

Похожие выводы показывает дескриптивный анализ результатов исследования списывания (Magnus et al., 2002). В России студенты лояльнее относятся к списыванию, чем школьники: они в меньшей степени порицают нарушение правил. Обратная картина наблюдается в Нидерландах: студенты более отрицательно относятся к списыванию, чем школьники.

¹⁰ Согласно данным World Values Survey. <http://www.worldvaluessurvey.org>

Результаты регрессионного анализа

Показатель	Зависимые переменные		
	негативное отношение к проезду «зайцем» в общественном транспорте	негативное отношение к неуплате налогов	положительное отношение к списавшему студенту
Опрос 2015 г. (2 курс)	-0,514** (0,244)	-0,731*** (0,227)	0,245*** (0,093)
Опрос 2016 г. (3 курс)	-0,625** (0,259)	-0,802*** (0,236)	0,248** (0,100)
Доля самостоятельно заработанных доходов в общей структуре расходов	0,009 (0,007)	-0,013 (0,008)	-0,005* (0,003)
Константа	4,713*** (0,795)	6,511*** (0,793)	2,169*** (0,488)
N	211	211	211
R ²	0,695	0,656	0,657
Adjusted R ²	0,532	0,472	0,474
Residual Std. Error	1,749 (df = 137)	1,722 (df = 137)	0,684 (df = 137)
F-statistic	4,269*** (df = 73; 137)	3,573*** (df = 73; 137)	3,597*** (df = 73; 137)

* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Источник: расчеты авторов на основе данных опроса ИНП и Тюнинг-центра в 2014–2016 гг.

Образование или взросление?

Закономерен вопрос о том, выступает ли причиной такой динамики именно система образования или по мере взросления, сталкиваясь с разными жизненными ситуациями, люди «воспитывают» в себе лояльность к нарушению правил. Для исследования этого вопроса проведен анализ данных Всемирного исследования ценностей, использованы данные об уровне социальных норм людей с высшим образованием и без него в странах с разной институциональной средой.

Для ответа на этот вопрос проверялись две гипотезы.

Первая: *в странах с качественной институциональной средой наличие высшего образования положительно связано с уровнем развития социальных норм.*

Вторая: *в странах с некачественной институциональной средой, в том числе в России, наличие высшего образования не связано с уровнем развития социальных норм.*

Для проверки гипотез построены две регрессионные модели для разных типов стран с использованием международных данных на индивидуальном уровне.

Страны с качественной институциональной средой в рамках данного исследования — это 30% стран с наиболее высокими значениями индекса верховенства права (Rule of Law¹¹). Страны с некачественной институциональной средой — это 30% стран с наиболее низкими значениями индекса верховенства права.

¹¹ Согласно данным World Bank, World Governance Indicators, <http://databank.worldbank.org/data/metadataglossary/worldwide-governance-indicators/series>

Зависимые переменные в модели — уровень социальных норм респондента¹² по шкале от 1 до 10, где 10 — индикатор развитых эффективных социальных норм (нарушения правил порицаются, «никогда не заслуживают оправдания», а 1 — индикатор неразвитых эффективных социальных норм, нарушения правил «всегда заслуживают оправдания»).

Независимая переменная — параметр наличия высшего образования у респондента¹³ (бинарная переменная). Контрольные переменные — пол, возраст, уровень дохода, семейное положение, статус занятости.

Результаты регрессионного анализа данных Всемирного исследования ценностей показывают, что в странах с качественной институциональной средой наличие высшего образования положительно связано с уровнем развития социальных норм. В этих странах люди с высшим образованием в большей степени, чем люди без высшего образования, порицают нарушение следующих правил:

- получение государственных пособий, на которые человек не имеет права (результат статистически значим на уровне 5%);
- проезд зайцем в общественном транспорте (результат статистически значим на уровне 5%);
- неуплату налогов, если есть такая возможность (результат статистически значим на уровне 1%);
- получение взятки с использованием служебного положения (результат статистически значим на уровне 1%).

Система образования в таких странах способствует развитию социальных норм, гражданской культуры, которые в дальнейшем обеспечивают развитие гражданского общества, требующего подотчетности власти и развития инклюзивных институтов.

В странах с низким качеством институциональной среды наличие высшего образования не связано с формированием эффективных для общества социальных норм на статистически значимом уровне. В таких странах образование как один из основных институтов трансляции ценностей (Аузан, 2013) как минимум не способствует развитию социальных норм, поддерживающих консолидацию общества. Это значит, что для развития гражданской культуры в странах с некачественной институциональной средой необходимы целенаправленные изменения в системе высшего образования. При условии эффективного изменения дизайна высшего образования возможно развитие гражданской культуры, способствующей экономическому росту.

* * *

Неэффективное институциональное равновесие, сложившееся в России, поддерживается воспроизводством некачественных социальных норм в системе высшего образования. Самовоспроизводящаяся институциональная ловушка, когда общество оправдывает нарушение правил, ведет к тому, что люди не соблюдают правила сами, не ожи-

¹² Согласно данным World Values Survey, <http://www.worldvaluessurvey.org>

¹³ Там же.

дают соблюдения правил от окружающих и вследствие этого не готовы вкладывать ресурсы в общественное благо. Пока неуплата налогов будет оправдываться, общество будет продолжать их игнорировать; если списывание будет оправдываться, то люди будут лояльно относиться к рентоориентированному поведению, когда одна часть общества получает выгоды за счет другой. Вследствие этого укрепляются экстрактивные институты и порядок ограниченного доступа, блокирующие развитие.

Решением этой проблемы может быть постепенное развитие гражданской культуры путем стимулирования общества к консолидации и конкуренции. Международный опыт показывает, что для развития гражданской культуры через образование целесообразны следующие меры.

1. Введение и реализация специальных программ гражданского обучения. Такие программы реализуются в школах и университетах в Нидерландах, Бельгии, Франции на государственном уровне и нацелены на обучение гражданским правам и кооперации (Аузан и др., 2017). Ярким примером может быть программа CASE (Citizenship and Service Education), реализуемая в США в Ратгерском университете. Исследования, основанные на опросах студентов, показали, что такие программы значительно воздействовали на социальные нормы и доверие участников программы (по сравнению с контрольной группой) (D'Agostino, 2006).

2. Корректировка процесса и форматов обучения в целом, например, повышение значимости дискуссионных практик в занятиях, изменение систем оценки, процедур отбора, способствующих созданию внутриуниверситетских ценностей. В частности, крайне отрицательное отношение к списыванию в США связывают с наличием «кодекса чести» в американских вузах.

3. Естественная «трансплантация» неформальных институтов с помощью программ обмена студентами с зарубежными вузами в странах, где качество социальных норм выше. Так, опыт реализации казахстанской программы «Болашак» (международной стипендии, по которой казахстанские студенты проходят стажировку в ведущих компаниях и университетах мира) показал рост социального капитала ее участников (Dairova et al., 2013).

Более конкретные меры по корректировке дизайна российской системы высшего образования могут стать темой отдельного исследования и обсуждения в профессиональной среде. Задача данной статьи — указать на возможность влияния образовательной системы на институциональную среду.

Список литературы / References

- Аджемоглу Д., Робинсон Д. А. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ. [Acemoglu D., Robinson J. A. (2015). *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. Moscow: AST. (In Russian).]
- Аузан А. А. (2013). Миссия университета: взгляд экономиста // Вопросы образования. № 3. С. 266–286. [Auzan A. A. (2013). University mission: An economist's perspective. *Voprosy Obrazovaniya*, No. 3, pp. 266–286. (In Russian).] <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-3-266-286>

- Аузан А. А., Авдиенкова М. А., Андреева Д. А., Бахтигараева А. И., Брызгалин В. А., Бутаева К. О., Вебер Ш., Давыдов Д. В., Золотов А. В., Никитин К. М., Никишина Е. Н., Припузова Н. А., Ставинская А. А. (2017). Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. М.: Центр стратегических разработок. [Auzan A. A., Avdienkova M. A., Andreeva D. A., Bakhtigaraeva A. I., Bryzgalin V. A., Butaeva K. O., Weber S., Davydov D. V., Zolotov A. V., Nikitin K. M., Nikishina E. N., Pripuzova N. A., Stavinskaya A. A. (2017). *Sociocultural factors of innovative development and successful implementation of reforms*. Moscow: Center for Strategic Research. (In Russian).]
- Аузан А. А., Никишина Е. Н. (2013). Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов // Журнал экономической теории. № 4. С. 48–57. [Auzan A. A., Nikishina E. N. (2013). Economic dynamics in the long run: The role of informal institutions. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii*, No. 4, pp. 48–57. (In Russian).]
- Бахтигараева А. И., Ставинская А. А. (2020). Сможет ли доверие стать фактором роста экономики? Динамика уровня доверия у российской молодежи // Вопросы экономики. № 7. С. 92–107. [Bakhtigaraeva A. I., Stavinskaya A. A. (2020). Can trust become a factor of economic growth? Dynamic changes in the level of trust of Russian youth. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 92–107. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-92-107>
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Институт Гайдара. [North D., Wallis J., Weingast B. (2011). *Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (In Russian).]
- Полтерович В. (2004). Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность, № 3. С. 5–16. [Polterovich V. (2004). Institutional traps: is there a way out? *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, No. 3, pp. 5–16. (In Russian).]
- Полтерович В. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. Т. 35, № 2. С. 3–19. [Polterovich V. (1999). Institutional traps and economic reforms. *Economics and Mathematical Methods*, Vol. 35, No. 2, pp. 3–19. (In Russian).]
- Уэйнгаст Б. Р. (2009). Почему развивающиеся страны так сопротивляются верховенству закона? // Прогнозис. № 2. С. 135–163. [Weingast B. R. (2009). Why developing countries prove so resistant to the rule-of-law. *Prognosis*, No. 2, pp. 135–163. (In Russian).]
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. (2001). The colonial origins of comparative development: An empirical investigation. *American Economic Review*, Vol. 91, No. 5, pp. 1369–1401. <https://doi.org/10.1257/aer.91.5.1369>
- Aghion P., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A. (2010). Regulation and distrust. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 125, No. 3, pp. 1015–1049. <https://doi.org/10.1162/qjec.2010.125.3.1015>
- Alesina A., Giuliano P. (2015). Culture and institutions. *Journal of Economic Literature*, Vol. 53, No. 4, pp. 898–944. <https://doi.org/10.1257/jel.53.4.898>
- Charron N., Rothstein B. (2016). Does education lead to higher generalized trust? The importance of quality of government. *International Journal of Educational Development*, Vol. 50, pp. 59–73. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2016.05.009>
- D'Agostino M. J. (2006). *Social capital: Lessons from a service-learning program*. Parkville: Park University International Center for Civic Engagement.
- Dairova K., Jumakulov Z., Ashirbekov A. (2013). Government support for student mobility: The case of Kazakhstan's international scholarship program "Bolashak". In: *Global trends in higher education and their impact on the region: Conference proceedings*. Astana: Eurasian Higher Educations Leaders Forum, pp. 92–100.
- Easterly W., Levine R. (2003). Tropics, germs, and crops: How endowments influence economic development. *Journal of Monetary Economics*, Vol. 50, No. 1, pp. 3–39. [https://doi.org/10.1016/S0304-3932\(02\)00200-3](https://doi.org/10.1016/S0304-3932(02)00200-3)

- Engel C. (2011). Dictator games: A meta study. *Experimental Economics*, Vol. 14, No. 4, pp. 583–610. <https://doi.org/10.1007/s10683-011-9283-7>
- Gan N. (2020). Rule of law crisis, militarization of citizen security, and effects on human rights in Venezuela. *European Review of Latin American and Caribbean Studies*, No. 109, pp. 67–86. <https://doi.org/10.32992/erlacs.10577>
- Giuliano P., Spilimbergo A. (2013). Growing up in a recession. *Review of Economic Studies*, Vol. 81, No. 2, pp. 787–817. <https://doi.org/10.1093/restud/rdt040>
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2016). Long-term persistence. *Journal of the European Economic Association*, Vol. 14, No. 6, pp. 1401–1436. <https://doi.org/10.1111/jeea.12177>
- Inglehart R. (2008). Changing values among western publics from 1970 to 2006. *West European Politics*, Vol. 31, No. 1–2, pp. 130–146. <https://doi.org/10.1080/01402380701834747>
- Knack S., Keefer P. (1997). Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 112, No. 4, pp. 1251–1288. <https://doi.org/10.1162/003355300555475>
- Magnus J. R., Polterovich V. M., Danilov D. L., Savvateev A. V. (2002). Tolerance of cheating: An analysis across countries. *Journal of Economic Education*, Vol. 33, No. 2, pp. 125–135. <https://doi.org/10.1080/00220480209596462>
- Polishchuk L., Natkhov T. (2012). Institutions and the allocation of talent. *Higher School of Economics Research Paper*, No. WP BRP 15.
- Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F. (2004). Institutions rule: The primacy of institutions over geography and integration in economic development. *Journal of Economic Growth*, Vol. 9, No. 2, pp. 131–165. <https://doi.org/10.1023/B:JOEG.0000031425.72248.85>
- Weil F. D. (1994). Book Review of Putnam’s “Making democracy work: Civic traditions in modern Italy”. *Contemporary Sociology*, Vol. 23, No. 3, pp. 373–374. <https://doi.org/10.2307/2075319>

Reproduction of social norms in Russia

Anton V. Zolotov¹, Nadezhda A. Pripuzova^{1,2,*}

Authors affiliation: ¹ Institute for National Projects (Moscow, Russia);

² Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

* Corresponding author, email: n.pripuzova@inp.ru

The article considers the ineffective balance of Russian informal institutions, which is blocking economic development. The possibilities of overcoming the inefficient equilibrium are limited by social norms, which are reproduced, among other things, in the system of higher education. Higher education is one of the most effective channels for transmitting social norms. According to the hypothesis of socialization by R. Inglehart and the hypothesis of “impressionable years” by P. Giuliano and A. Spilimbergo, the period of greatest mental plasticity, when values and behavioral attitudes are formed, falls on the period of early adulthood – from 18 to 25 years. The change in social norms in Russian universities was demonstrated on the basis of a longitudinal sociological survey of students of Russian universities conducted in 2014–2016 in 10 regions of Russia. It is proved that Russian students increase their loyalty to opportunism and violation of the rules as they grow older – there is a reproduction of inefficient social norms.

Keywords: institutions, civic culture.

JEL: O43, Z10, Z13.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Практики инициативного бюджетирования в российских регионах*

Н. В. Гаврилова

*Научно-исследовательский финансовый институт
Минфина России (Москва, Россия)*

В статье представлен анализ практик инициативного бюджетирования в пяти регионах РФ — Алтайском и Ставропольском краях, Кировской, Тверской и Тульской областях. Инициативное бюджетирование — технология вовлечения граждан в принятие решений о расходовании бюджетных средств — находится на стыке формальных и неформальных институтов: оно включено в систему государственных и муниципальных финансов и опирается на социальные связи и механизмы коммуникаций в местных сообществах. В статье показано, что инициативное бюджетирование стало системной управленческой практикой в исследуемых регионах, которая используется для распределения средств между муниципальными образованиями на конкурсной основе. Выявлены особенности программ с участием граждан, сделаны выводы о зависимости между типами проектов и софинансированием, о специфике стимулирования вовлечения сообществ в процесс принятия общественных решений.

Ключевые слова: инициативное бюджетирование, партисипаторное бюджетирование, государственно-частное партнерство.

JEL: D02, H40, H80.

Введение

Инициативное бюджетирование — относительно новый для России управленческий подход, который предполагает, что граждане сами определяют приоритетность проблем и осуществляют выбор проектов на местном

Гаврилова Надежда Владимировна (gavrilova@nifi.ru), PhD in Science of Communication Римского университета Ла Сапиенца (Италия), вед. н. с. Центра инициативного бюджетирования НИФИ.

* Автор благодарит коллектив Института институциональных исследований НИУ ВШЭ и лично Л. И. Полищука за поддержку в проведении настоящего исследования, М. А. Шевелева и М. В. Титоренко — за возможность включить в анализ данные по Кировской области и помощь в типологизации региональных проектов, коллектив Всемирного банка и НИФИ — за содержательные комментарии в ходе работы.

<https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-142-155>
© НП «Вопросы экономики», 2020

или региональном уровне, после чего их реализация финансируется из бюджета. Понятие «инициативное бюджетирование» (ИБ) можно считать аналогом зарубежного термина «партисипаторное бюджетирование», под которым понимается совокупность разнообразных, основанных на гражданской инициативе практик по решению вопросов местного значения при непосредственном участии граждан в определении и выборе объектов расходования бюджетных средств, а также в последующем контроле за реализацией отобранных проектов. Инициативное бюджетирование фигурирует в ряде стратегических документов¹, однако его окончательного закрепления в российском законодательстве пока не произошло, соответствующий законопроект находится на рассмотрении в Государственной думе РФ². Согласно мониторингу Министерства финансов за 2019 г., 68 регионов России уже реализуют подобные практики или находятся на стадии их запуска. Доля средств, распределяемых с участием жителей, составляет не более 1% региональных бюджетов (Минфин России, 2019).

Существующие исследования инициативного бюджетирования посвящены преимущественно описанию опыта отдельных регионов и методологий, оценке эффективности реализации программ либо сравнительному анализу. В их числе отметим: Вагин, 2016; Вагин, Шаповалова, 2018; Анцыферова, 2016; Шульга и др., 2017; Shulga et al., 2019; Цуркан, 2017.

В рамках настоящего исследования мы анализировали опыт реализации практик инициативного бюджетирования в ряде регионов (табл. 1). В них эти практики реализуются по схожим принципам, основанным на технологии Программы поддержки местных инициатив (ППМИ), что делает сравнение методологически возможным. Методология ППМИ была разработана специалистами Всемирного банка и оказала существенное влияние на формирование практик ИБ и в других регионах, включая Тульскую область, где программа получила название «Народный бюджет» (Шульга и др., 2017). В рамках ППМИ муниципалитеты конкурируют за получение средств из регионального бюджета. Финансирование направляется в населенные пункты, которые больше других нуждаются в средствах и готовы обеспечить качественную реализацию проекта. Таким образом, программа представляет собой механизм выявления и решения проблем в муниципалитетах, которые сильнее других мотивированы решать их. Как правило, ежегодно в конкурсах побеждают 70–80% заявок, что предполагает высокую вероятность победы, при этом сохраняется дух конкуренции. Весь цикл ППМИ — от первого собрания граждан до открытия объекта — обычно не превышает одного года. Реализуемые проекты относятся к сфере компетенции местного самоуправления.

В рамках ППМИ предусмотрен следующий механизм отбора проектов: 1) проектные идеи выдвигаются и обсуждаются жителями на общих собраниях, где они принимают решение о сумме вклада, который готовы внести в случае победы в конкурсе; 2) сотрудники муниципального образования и/или консультанты в сотрудничестве с инициативной группой придают выбранным идеям формат проектной заявки; 3) проектные заявки ранжи-

¹ Государственная программа Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков», утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 320; Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года, утвержденные 29 сентября 2018 г.

² Законопроект № 893063-7 «О внесении изменений в Федеральный закон „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“ (в части правового регулирования вопросов инициативного бюджетирования)».

Регионы, включенные в сравнительный анализ

Показатель	Алтайский край	Ставропольский край	Тверская область	Кировская область	Тульская область
Население, млн человек	2,3	2,8	1,3	1,3	1,5
Городское население, %	57	59	76	77	75
Сельское население, % ^а	43	41	24	23	25
Название программы	Проект поддержки местных инициатив ^б	Губернаторская программа поддержки местных инициатив ^в	Программа поддержки местных инициатив ^г	Проект по поддержке местных инициатив ^д	Народный бюджет ^е
Годы	2017–2019	2007–2012, 2014–2015, 2017–2018	2014–2018	2010–2019	2016–2019
Минимально необходимый уровень софинансирования со стороны сообщества ^ж	5%	—	3–5% в зависимости от типа проекта	5–10% в зависимости от территории реализации	8–25% в зависимости от типа и стоимости проекта

^а По данным Росстата на 1 января 2019 г.

^б алтайпредлагай.рф

^в <https://pmisk.ru/>; Министерство экономического развития Ставропольского края, Поддержка проектов развития территорий муниципальных образований Ставропольского края, основанных на местных инициативах: <http://www.stavinvest.ru/work/sub19/support-for-local-initiatives>

^г ppmi.tverfin.ru

^д socialkirov.ru – портал социальных услуг Кировской области. Карта проектов ППМИ: <http://socialkirov.ru/scripts/dataMaps.jsp?y=2018&t=0&r=0&np=>. На портале представлены данные за 2010, 2017 и 2018 гг., данные за остальные годы были получены от представителей проектного офиса в личной переписке.

^е <http://or71.ru> – портал «Открытый регион» Тульской области. Народный бюджет: победители: http://or71.ru/primi_uchastie/narodniy_budjet_new/winners/

^ж По состоянию на октябрь 2019 г.

Источник: составлено автором.

руются и отбираются на основании формализованных и заранее известных всем участникам критериев; 4) проекты реализуются через стандартные процедуры закупок работ и услуг подрядчиков.

Одним из важных элементов институционального дизайна ППМИ выступает софинансирование со стороны жителей. Проекты финансируются за счет не только региональных и местных бюджетов, но и личного участия заинтересованных лиц посредством внесения добровольных платежей. В некоторых случаях граждане, индивидуальные предприниматели и организации могут предложить имущественное или трудовое участие. Небольшой добровольный взнос со стороны граждан оказывается не столько финансовым подспорьем, сколько лакмусовой бумажкой для определения приоритетов и выбора сообществ с высокой готовностью участвовать в коллективных начинаниях. Уровень обязательного софинансирования, как и веса других критериев, определяется регионами самостоятельно. В числе других критериев конкурсного отбора, как правило, оцениваются численность участников собрания граждан, количество благополучателей проекта, наличие информационной кампании на местном уровне.

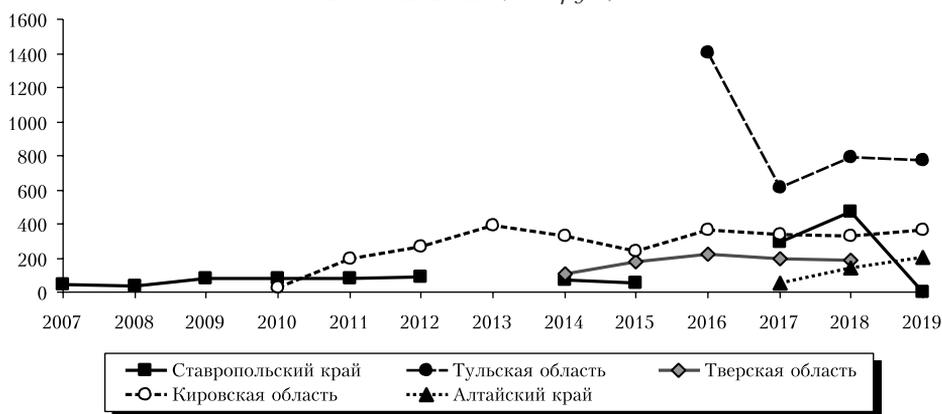
Основной массив данных для анализа был получен с помощью веб-парсинга скриптами Python с открытых порталов органов государственной власти. Динамика поисковых запросов была выгружена с сервиса «Подбор слов» Яндекса (wordstat.yandex.ru). Поскольку в каждом регионе используется свой подход к типологизации, для проведения межрегионального сравнения потребовалось унифицировать эти подходы. Была разработана единая система классификации, затем каждый из 7208 выявленных проектов из 5 регионов был отнесен к одному из 13 типов: водоснабжение, дороги и тротуары, детские и спортивные объекты, объекты культуры, места захоронения, благоустройство, пожарная безопасность, уличное освещение, зоны отдыха, учреждения образования, мусор, ремонт многоквартирных домов (МКД), бытовое обслуживание и др.

Сравнительный анализ параметров региональных программ

Средняя стоимость проектов, реализуемых в пяти регионах, существенно варьирует: в Ставропольском крае она составила 2,3 млн руб. и оказалась почти в три раза выше, чем в Алтайском — 901 тыс. руб. Эта разница объясняется разными лимитами максимальной стоимости проектов, которые определяются правилами на уровне региона. Решение о том, какой будет верхняя планка, принимают региональные органы исполнительной власти. Существенная разница в стоимости накладывает серьезные ограничения на возможность межрегионального сравнения, поскольку лимит стоимости во многом обуславливает типологию осуществляемых проектов. Рекордсменом по количеству и общей стоимости реализованных проектов оказалась программа Тульской области (рис. 1).

Во всех анализируемых регионах более половины стоимости проектов финансировалось за счет поступлений из областного бюджета, а остальное — с помощью средств местных бюджетов и внебюджетного софинансирования.

Общая стоимость проектов инициативного бюджетирования, 2007–2019 гг. (млн руб.)

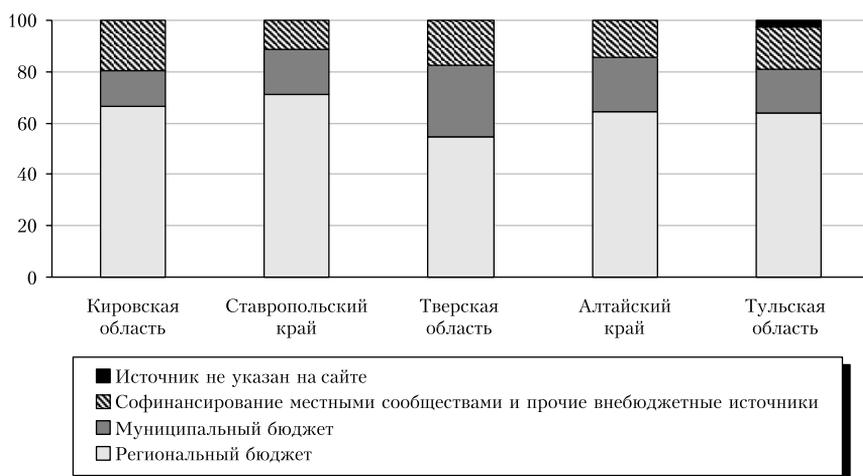

Примечание. Разрывы в графике Ставропольского края обусловлены тем, что в реализации программы были сделаны перерывы: в 2013 г. — в связи с передачей полномочий от Министерства экономического развития Министерству финансов, в 2016 г. — в связи с перезапуском программы.

Источник: расчеты автора по региональным данным.

Рис. 1

Структура источников финансирования проектов (в %)

Источник: расчеты автора по региональным данным.

Рис. 2

Последнее складывается преимущественно из взносов местных жителей и бизнеса, но иногда может включать другие виды поступлений (рис. 2).

Сравнительный анализ выявил существенный разброс по типологии проектов. В Кировской области наиболее популярным за все годы оказался ремонт дорог и тротуаров, в Тульской — ремонт учреждений образования и прилегающих территорий, строительство детских и спортивных объектов, в Ставропольском крае — ремонт домов культуры, в Алтайском — ремонт домов культуры, возведение и ремонт детских и спортивных объектов, в Тверской области — вопросы водоснабжения и водоотведения.

Сфинансирование как индикатор востребованности проектов

Ключевым индикатором субъективной важности выбираемых проектов для граждан выступает наличие софинансирования жителями и бизнесом. Сравнительный анализ выявил, что уровень поступлений из внебюджетных источников наиболее высокий в Кировской области — 19,3%. За ней следуют Тверская область — 17,5%, Алтайский край — 14,3, Тульская область — 16,3, Ставропольский край — 11,4%. Данные показатели существенно превышают минимальный уровень, который требуется по условиям программ. Это означает, что отбор заявок на получение региональных субсидий проходит достаточно конкурентно.

В Ставропольском крае софинансирование бизнесом всех типов проектов было в 2–7 раз выше, чем отдельных жителей, а в других регионах, наоборот, оно существенно уступает вкладу граждан. Наиболее высок вклад бизнеса в проекты по благоустройству, самые дорогие в рамках ставропольской программы. Частично высокую активность бизнеса можно объяснить правилами отбора, но, возможно, за ними стоят исторические особенности более плотного взаимодействия власти и бизнеса в регионе. Кроме того, ставропольские села отличаются от пустеющих деревень средней полосы

России: это достаточно густонаселенные образования, в которых есть условия для развития предпринимательства.

В четырех регионах³ в числе самых софинансируемых оказались два типа проектов — общее благоустройство и зоны отдыха: парки, скверы, набережные, пляжи, досуговые площадки. Возможно, подобное единодушие можно объяснить тем, что эти пространства касаются всех жителей. Таким образом, проекты, обеспечивающие общественные блага для населения в целом, могут успешнее собирать софинансирование.

Отметим, что в Кировской области на втором месте по софинансированию за десять лет реализации программы оказались проекты по благоустройству кладбищ. Это отражает особенности общественной психологии. Для деревенского сообщества (исторически программа создавалась для сельских территорий) кладбище играет гораздо более важную роль, чем для городского, что часто не замечают традиционные институты принятия решений.

Зависимость между количеством жителей и их предпочтениями

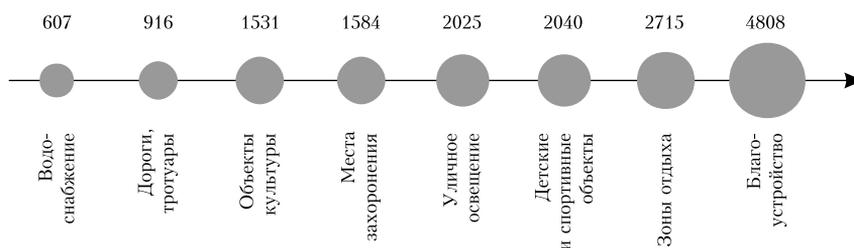
Информация о количестве людей, проживающих в населенном пункте, может быть косвенным предиктором состояния инфраструктуры и приоритетности для граждан тех или иных общественных проблем. В общем случае, чем меньше людей живет в поселении, тем ниже там качество инфраструктуры, тем более базовыми и простыми будут их запросы касательно благоустройства; чем больше живет людей, тем более развита существующая инфраструктура. Очевидно, эти параметры влияют друг на друга. Данные по Алтайскому краю, которые содержат дополнительную метастатистику по проектам (количество жителей, участников собраний и благополучателей), показывают, что в населенных пунктах с числом жителей около 600 человек людей чаще волнуют вопросы организации водоснабжения и дорожной сети, а жителей крупных поселений, в среднем около 5 тыс. человек, чаще заботят вопросы благоустройства (рис. 3), что свидетельствует о решении базовых проблем.

Кажется, что эта картина типична для России в целом. Движение слева направо на рисунке 3 — это «путешествие из села в город». Левый конец спектра — самые неблагополучные поселения, в которых есть проблемы с наличием базовой инфраструктуры. Число жителей там и далее будет падать, а острота базовых проблем расти: чем хуже качество среды и условия для жизни, тем меньше желания оставаться, а чем меньше людей остается, тем дороже обходятся строительство и ремонт в пересчете на одного жителя.

По пути движения справа налево появляется запрос на детские площадки: по всей видимости, это поселения, где есть работа для экономически активных молодых людей, которые создают семьи и формируют спрос на инфраструктуру для детей. В правом конце спектра — достаточно крупные населенные пункты, где проживают несколько тысяч человек. Запрос на проекты по благоустройству и зонам отдыха объясняется именно уровнем урбанизации территории: чем более «городской» населенный пункт, тем больше там живет людей, тем больше благополучателей затрагивает проект

³Тулльская область не включена в сравнение по этому параметру, поскольку данные о софинансировании проектов на портале «Открытый регион» некорректны: стоимость проектов во многих случаях не соответствует арифметической сумме вклада из разных источников.

Среднее количество жителей в населенных пунктах Алтайского края, реализовавших проекты соответствующего типа (человек)

Источник: расчеты автора по региональным данным.

Рис. 3

благоустройства общественных зон и тем проще им совместно обеспечить необходимый финансовый вклад.

**Благополучатели проектов:
от сообщества к отдельным социальным группам**

На данных по Алтайскому краю выявлено, что чем меньше поселение, тем чаще проекты отражают потребности всего сообщества. Коэффициент корреляции между количеством благополучателей и числом жителей максимальный в самых маленьких селах, где живет от 37 до 150 человек. С увеличением размеров населенного пункта количество благополучателей начинает отставать от общего числа жителей, коэффициент корреляции снижается (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

**Коэффициент корреляции на 444 проектах
в 300 поселениях Алтайского края**

Число жителей в населенном пункте, человек	Количество населенных пунктов	Коэффициент корреляции между числом жителей и количеством благополучателей проекта
До 150	15	0,85
От 151 до 500	96	0,60
До 501 до 1000	154	0,35
От 1001 до 2000	96	0,41
От 2001 до 5000	49	0,49
От 5001	34	0,48

Источник: расчеты автора.

Примечательно, что условный порог 150 жителей соответствует так называемому числу Данбара (Dunbar, 1998. Р. 77), который вывел зависимость между развитием неокортекса (новой коры головного мозга человека) и размером сообщества. Основываясь на закономерностях развития человеческого мозга, он предложил оценку оптимального размера сообщества, в котором участники могут поддерживать социальные связи между собой. Коллективное обсуждение и принятие решения о том, какой проект реализовать, — это сложная интеллектуальная и социальная задача. С увеличением размера группы растет

разнообразии запросов, сообщество становится более рассредоточенным территориально, достичь консенсуса оказывается сложнее. Чем более рассредоточены по разным улицам жители деревни, тем сложнее им договориться о том, где класть асфальт, проводить освещение или бурить колодец. Безусловно, данное наблюдение относится прежде всего к сельским сообществам, где люди лично знакомы и обсуждают проекты лицом к лицу. Но из зарубежного опыта известны примеры крупных проектов городского масштаба, где обсуждения и голосования проходят дистанционно, — в таких практиках механизмы принятия решений на индивидуальном и коллективном уровнях будут иными.

Участники собраний и процедура принятия решений

По всей видимости, формат обсуждения и способ принятия решений также влияют на выбираемые проекты. В России в силу преимущественно сельской специфики поселений, где реализуется инициативное бюджетирование, решения чаще всего принимают на очных собраниях. В ходе таких обсуждений люди узнают мнения друг друга, их позиции сдвигаются от крайних, более эгоистичных, к более центристским. На собрания приходят не все представители сообщества, а его самая активная часть, которая затем выступает проводником «сарафанного радио» для остальных членов сообщества и посредником между муниципальными органами власти и остальными жителями в организации софинансирования.

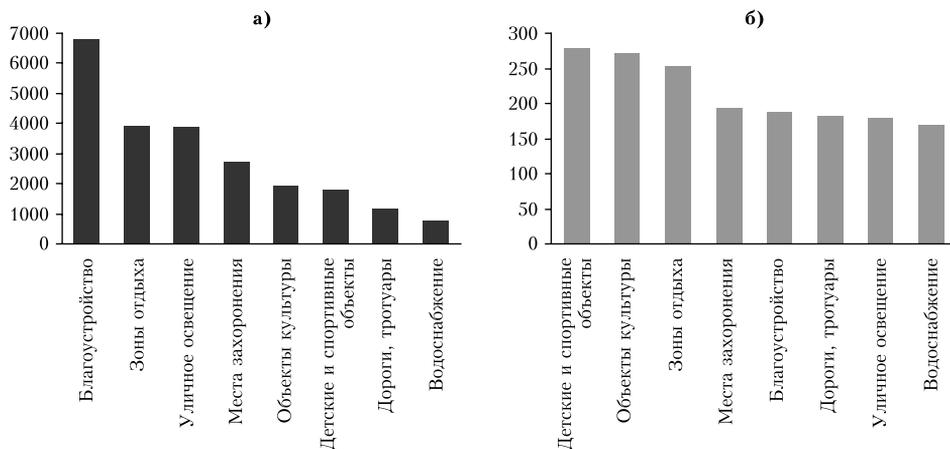
Существуют отдельные наблюдения о влиянии используемого метода коллективного принятия решений на результат выбора в программах с участием жителей. Так, в Потсдаме в 2011 г. репрезентативный социологический опрос выявил необходимость построить приют для бездомных животных, а участники онлайн-голосования выступили за ремонт бассейнов (Masser, 2013). Метод выявления коллективных предпочтений влияет на то, какие проекты будут поддержаны, во-первых, задавая аудиторию, для которой он наиболее удобен (голосующие на сайте и участники очных собраний — разные социальные группы); во-вторых, создавая или исключая возможность дискуссии. Вероятно, чем более независимо жители делают свой выбор, тем более эгоистичным он будет.

В России отсутствует системная практика общественных обсуждений, поэтому нередко на собрании жители впервые за долгие годы получают возможность коллективно обсудить насущные проблемы. Известны примеры того, как выявленные жителями проблемы впоследствии решаются, даже если проект не побеждает в региональном конкурсе.

По всей видимости, разные типы проектов обладают различным потенциалом вовлечения жителей в участие в собраниях и обсуждениях. Данные по 444 проектам Алтайского края иллюстрируют, что, вопреки интуиции, проекты с наибольшим количеством благополучателей не обязательно получают поддержку большинства жителей (рис. 4).

Хотя наибольшее количество благополучателей затрагивают проекты общего благоустройства, наиболее посещаемыми оказались собрания, на которых принимаются решения создавать детские и спортивные площадки, ремонтировать дома культуры, организовывать зоны отдыха, то есть проекты, подразумевающие развитие сообщества, укрепляющие горизонтальные связи. Хотя вариации в численности таких собраний не велики (от 170 до 280 человек), скорее всего, есть зависимость между численностью собрания и склонностью его участников голосовать за более «социальные» инициативы.

**Среднее количество благополучателей (а)
и среднее число людей, принявших участие
в обсуждении и уточнении проекта (б) в Алтайском крае**

Источник: расчеты автора.

Рис. 4

**Поисковые запросы
как индикатор общественного участия**

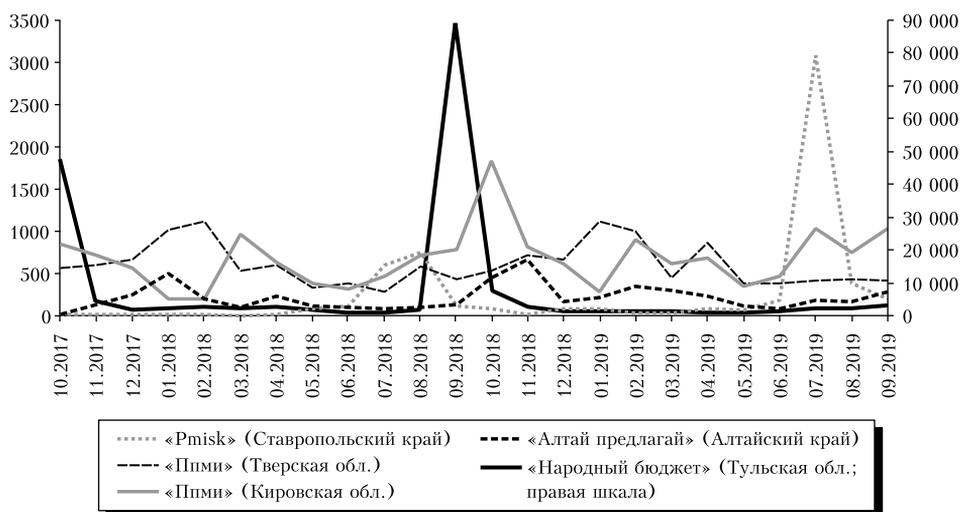
Помимо размеров софинансирования, одним из косвенных способов оценить участие общественности в программах инициативного бюджетирования может быть анализ динамики поисковых запросов в Интернете. Логично предположить, что если жители получают приглашение поучаствовать в отборе проектов и софинансировать их, то они захотят больше узнать о программе, а впоследствии — следить за ходом реализации своих инициатив, особенно если выбор подкреплен личным финансовым вкладом.

На сервисе Яндекса «Подбор слов» (wordstat.yandex.ru) была проверена частотность поиска по различным запросам: развернутые названия и аббревиатуры, орфографически и морфологически отличающиеся написания, официальные и лаконичные брендовые названия, имена доменов региональных порталов инициативного бюджетирования. На рисунке 5 сравниваются запросы, которые оказались наиболее частыми по каждому региону: «народный бюджет» в Тульской области, «рmisk» (название регионального сайта, которое продвигается в телевизионной рекламе) в Ставропольском крае, «пшми» в Тверской и Кировской областях, «алтай предлагай» в Алтайском крае.

Доминирование Тульской области можно объяснить рядом обстоятельств. Во-первых, там программа имеет наибольший масштаб с точки зрения бюджета и количества проектов по сравнению с другими регионами. Во-вторых, она во многом ориентирована на города, где доля интернет-покрытия и количество активных интернет-пользователей статистически выше. Наконец, третье — в числе критериев отбора в Тульской области, в отличие от других регионов, учитываются голоса, отданные за проекты в Интернете. Два пика на графике приходятся на октябрь 2017 и сентябрь 2018 гг., когда проходило интернет-голосование.

Динамика общественного интереса в остальных четырех регионах чуть более распределена во времени, хотя его пики также присутствуют и объяс-

Число поисковых запросов в исследуемых регионах

Источник: расчеты автора.

Рис. 5

няются тем, что на эти месяцы приходятся активные фазы процедур по выдвижению и отбору проектов. Можно констатировать наличие определенного уровня осведомленности жителей о них, что выражается в десятках тысяч поисковых запросов ежегодно.

Голоса «за» и стоимость проектов

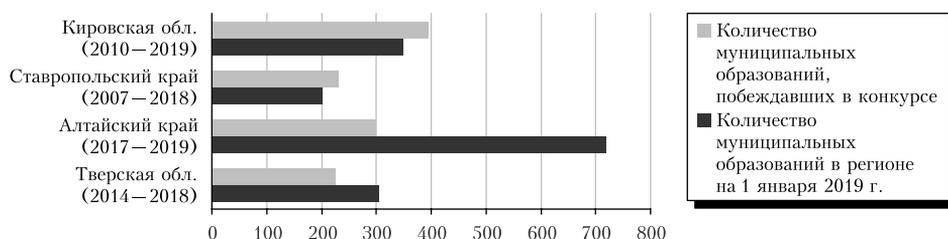
Как было отмечено выше, тульская практика «Народный бюджет», в отличие от остальных региональных программ, подразумевает учет результатов интернет-голосования при распределении субсидий. Сравнительный анализ показывает, что с огромным отрывом по количеству отданных голосов здесь лидируют проекты, связанные с ремонтом школ и детских садов. Причем разрыв по количеству голосов не пропорционален разнице в стоимости: эти проекты лишь не намного дороже остальных, а голосуют за них несоразмерно чаще.

Здесь следует учитывать, что программа Тульской области во многом ориентирована на города, в частности на г. Тулу, где есть экономически активное молодое население, много детей и подростков, нуждающихся в детских садах и школах, которые благоустраиваются в рамках программы инициативного бюджетирования. Еще одно важное обстоятельство заключается в том, что школьные и родительские сообщества хорошо организованы. Повсеместной практикой в России становятся родительские чаты в мессенджерах, где обсуждают детсадовские и школьные дела. Сами дети и подростки находятся в ежедневном офлайн и онлайн контакте в социальных сетях. В случае организации интернет-голосования такие сообщества могут быстро мобилизоваться и обеспечить необходимое количество голосов. Можно предположить, что инвестиции в образовательные учреждения — это хороший способ для органов власти мобилизовать сообщества, улучшить осведомленность о своей работе, получить ее одобрение и повысить доверие к себе.

Устойчивость участия муниципальных образований

Практики инициативного бюджетирования подразумевают нетривиальный для российской административной системы способ принятия решений о расходовании бюджетных средств. С одной стороны, руководители муниципальных образований понимают, что, участвуя в программе, они могут получить дополнительные деньги из бюджета на решение местных проблем, с другой стороны, сделать это непросто: нужно организовать собрание, выслушать накопившиеся вопросы и критику, объяснить необходимость финансирования, а также то, что участие в конкурсе еще не гарантирует победу. Поэтому важен вопрос о том, насколько устойчиво участие муниципальных образований в подобных программах, смогли ли они стать системным институциональным решением или это механизм ограниченного применения. Чтобы ответить на него, мы проанализировали соотношение числа победителей и общего количества муниципальных образований в регионах (рис. 6).

Муниципальные образования: побеждавшие в конкурсе и общее количество в регионе (ед.)

Примечание. Тульская область не включена в анализ, поскольку информация о муниципальных образованиях — победителях программы «Народный бюджет» на сайте «Открытый регион» представлена фрагментарно.

Источник: расчеты автора по региональным данным.

Рис. 6

Учитывая, что в последние годы идет непрерывный процесс реформы местного самоуправления, создаются новые типы муниципальных образований, укрупняются и изменяются в границах прежние, можно лишь примерно проследить преемственность участия территориальных сообществ в этих программах. В 2008 г. в России, по данным Росстата, насчитывалось 24 151 муниципальное образование, в 2019 г. их осталось 21 501. Поэтому общее количество победителей иногда превышает число муниципальных образований в регионе на текущий момент. В Ставропольском крае, Кировской и Тверской областях (за 12, 10 и 5 лет реализации соответственно) программы инициативного бюджетирования были реализованы хотя бы один раз во всех муниципальных образованиях. В Алтайском крае, где программа запущена недавно, за три года реализации субсидии уже получила примерно половина таких образований. Можно сделать вывод, что программы инициативного бюджетирования в анализируемых регионах стали устойчивой системной практикой.

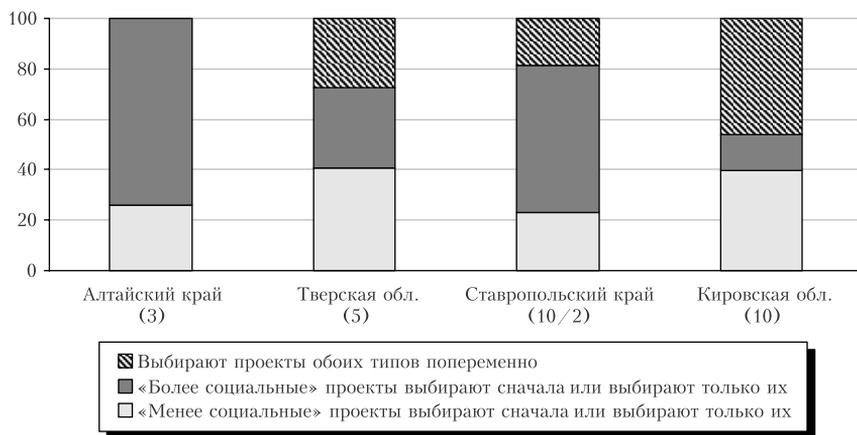
Сравнительный анализ частоты, с которой муниципальные образования выигрывают в конкурсе, показал, что наибольшую долю (от 37 до 58% в разных регионах) составляют те, кто побеждал 2–5 раз. Лишь немногим удалось выигрывать 6 раз и больше. Вероятность повторных побед, по всей видимости, зависит от ряда факторов: принципиальной возможности подавать

на конкурс несколько заявок, уровня бюджетной обеспеченности, желания муниципальных служащих приглашать жителей к диалогу и готовить сопроводительную документацию для участия в конкурсе, уровня активности местного сообщества и остроты волнующих его проблем.

Эволюция предпочтений жителей

Поскольку проекты в рамках инициативного бюджетирования выбирают жителями и отражают их представления о приоритетных проблемах, интересно выяснить, существует ли эволюция предпочтений сообществ относительно выбираемых проектов по аналогии с иерархией потребностей отдельного индивида (см.: Maslow, 1954), и если да, то как она выглядит. В качестве самого простого подхода все типы проектов были поделены на две макрогруппы. К первой группе «менее социальных» были отнесены проекты физической инфраструктуры (дороги и тротуары, водоснабжение, пожарная безопасность, уличное освещение, благоустройство, бытовое обслуживание и др.), которые сводятся к базовым потребностям, изменению материальной среды и практически не затрагивают социальные отношения. Ко второй макрогруппе «более социальных» были отнесены проекты, которые содержат некоторое социальное измерение, отражают сложившиеся в обществе отношения и могут воздействовать на них, удовлетворяют не только материальные, но и социальные потребности сообществ (детские и спортивные объекты, объекты культуры, места захоронения и зоны отдыха). Далее по каждому региону⁴ была проанализирована эволюция предпочтений в муниципальных образованиях, которые выигрывали в конкурсе не менее двух раз (рис. 7).

Очередность выбора проектов муниципальными образованиями (в %)

Примечание. В скобках указано количество циклов реализации программы инициативного бюджетирования. В Ставропольском крае Программа поддержки местных инициатив формально реализуется уже больше 10 лет, однако до 2015 г. она охватывала только восточные районы, которые составляют меньшую часть региона, и лишь позднее была распространена на весь край.

Источник: расчеты автора по региональным данным.

Рис. 7

⁴ За исключением Тульской области, на сайте которой не по всем проектам указаны муниципальные образования, реализовавшие их.

Оказалось, что чем менее продолжительна эта практика в регионе, тем проще там увидеть некоторую направленность выбора. С каждым следующим годом картина меняется: оба типа проектов выбираются попеременно. Выбор, по всей видимости, обусловлен различным качеством исходной инфраструктуры. Кроме того, для выявления изменения предпочтений сообществ, вероятно, нужно спуститься с уровня муниципальных образований на более низкий уровень инициативных групп, поскольку при превышении количеством жителей поселения условной отметки 150 человек проекты все чаще «распадаются» и начинают отражать пожелания не всего сообщества, а его отдельных подгрупп. Однако и тогда может оказаться, что универсальные траектории при выборе проектов отсутствуют, то есть привести их к единому алгоритму и заменить инициативное бюджетирование программами централизованного планирования невозможно.

* * *

Проведенный анализ показал, что практики инициативного бюджетирования в исследуемых регионах стали действенным способом выявить потребности сообществ для решения вопросов местного значения. Неясно, обусловлено распространение данных практик низовой демократизацией или огосударствлением местного самоуправления в России в последние годы, что выражается в укрупнении муниципалитетов и встраивании местного самоуправления в единую систему государственной власти.

Учитывая наличие большого разрыва между объемом полномочий муниципальных образований и их скромными финансовыми возможностями, вероятно, они участвуют в конкурсах во многом вынужденно, не имея возможности получить средства альтернативным способом. Однако правила предоставления субсидий в конечном счете запускают диалог, вовлекают жителей в обсуждение местных приоритетов, что позволяет учитывать их мнения при принятии решений на низовом уровне.

Список литературы / References

- Анцыферова И. С. (2016). Исследование факторов, возможностей и ограничений развития инициативного бюджетирования в субъектах РФ методом экспертных интервью // Азимут научных исследований: педагогика и психология. Т. 5, № 4. С. 446–449. [Antsyferova I. S. (2016). A study of the factors, opportunities and constraints development initiative budgeting in Russia by the expert interview method. *Azimuth of Scientific Researches: Pedagogy and Psychology*, Vol. 5, No. 4, pp. 446–449. (In Russian).]
- Вагин В. В. (2016). Теоретические аспекты развития инициативного бюджетирования в России // Финансовый журнал. № 3. С. 105–114. [Vagin V. V. (2016). Theoretical aspects of initiative budgeting development in Russia. *Financial Journal*, No. 3, pp. 105–114. (In Russian).]
- Вагин В. В., Шаповалова Н. А. (2018). Состояние инициативного бюджетирования в Российской Федерации: новые тренды и возможности развития // Финансовый журнал. № 1. С. 110–122. [Vagin V. V., Shapovalova N. A. (2018). Current state of initiative budgeting in the Russian Federation: New trends and opportunities for development. *Financial Journal*, No. 1, pp. 110–122. (In Russian).] <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2018-1-110-122>

- Минфин России (2019). Доклад о лучшей практике развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. Москва. [Ministry of Finance of the Russian Federation (2019). *Report on the best practices of initiative budgeting in regions and municipalities of the Russian Federation*. Moscow. (In Russian).]
- Цуркан М. В. (2017). Анализ региональных практик инициативного бюджетирования // Финансовый журнал. № 3. С. 119–129. [Tsurkan M. V. (2017). The analysis of regional practices of initiative budgeting. *Financial Journal*, No. 3, pp. 119–129. (In Russian).]
- Шульга И. Е. и др. (2017). Инициативное бюджетирование. Российский опыт в области участия граждан в решении вопросов местного значения. М.: Алекс. [Shulga I. E. et al. (2017). *Initiative budgeting. Russian experience in the field of citizens participation in addressing issues of local importance*. Moscow: Aleks. (In Russian).]
- Dunbar R. (1998). *Grooming, gossip, and the evolution of language*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Maslow A. H. (1954). *Motivation and personality*. New York: Harper & Row.
- Masser K. (2013). Participatory budgeting as its critics see it. *Burgerhaushalt*, 30.04. <https://www.buergerhaushalt.org/en/article/participatory-budgeting-its-critics-see-it>
- Shulga I., Shilov L., Sukhova A., Pojarski P. (2019). Can local participatory programs enhance public confidence: Insights from the local initiatives support program in Russia. *Social Protection and Labor Discussion Paper*, No. 1931. Washington, DC: World Bank. <https://doi.org/10.1596/31810>
-

Analysis of initiative budgeting practices in Russian regions

Nadezhda V. Gavrilova

Author affiliation: Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation (Moscow, Russia). Email: gavrilova@nifi.ru

The article contains the analysis of initiative budgeting practices in five Russian regions: Altay, Stavropol, Kirov, Tver and Tula regions. Initiative (participatory) budgeting — the practice of engaging citizens into decision making on budget funds allocation, which is at the junction of formal and informal institutions: it is included in the system of state and municipal finances and is based on social ties and communication mechanisms in local communities. The article reveals that initiative budgeting has become a systemic managerial practice in the analyzed regions, which is used to distribute funds between municipalities on a competitive basis. The regularities of citizen participation, changes in the structure of their preferences regarding public infrastructure during the implementation of initiative budgeting programs have been identified, conclusions on the relationship between types of projects and co-financing by citizens, on the specifics of stimulating community involvement in public decision-making are drawn.

Keywords: initiative budgeting, participatory budgeting, public-private partnership.

JEL: D02, H40, H80.

Ассоциация независимых центров экономического анализа (АНЦЭА) — некоммерческая организация, учрежденная в ноябре 2002 г. пятнадцатью ведущими российскими аналитическими центрами в области исследования экономической политики. На сегодняшний день АНЦЭА объединяет *36 аналитических институтов* из Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Екатеринбурга и Владивостока. Президентом Ассоциации с октября 2019 г. является О. В. Буклемишев (Центр исследования экономической политики экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова).

Главной целью АНЦЭА является содействие устойчивому экономическому развитию и росту общественного благосостояния России посредством взаимодействия сети независимых центров экономического анализа и развития профессионального сообщества.

Основные проекты АНЦЭА

- *Диспут-клуб АНЦЭА* — ежемесячное мероприятие в формате дискуссии, направленное на содействие профессиональному обсуждению актуальных тем экономической политики.
- *Школа экономического анализа* — площадка для взаимодействия ведущих экспертов-экономистов страны с региональными экспертами, студентами и преподавателями по проблемам социально-экономического развития регионов. В рамках Школы проходит конкурс студенческих работ, позволяющий участникам получить доступ к профессиональной экспертизе от лучших экономистов России.
- *Медаль АНЦЭА и Премия «Новое поколение»* ежегодно вручаются лучшим экономистам России за выдающийся вклад в развитие экономического анализа и перспективным исследователям до 30 лет соответственно.

ARETT website: www.aret.ru

YouTube channel: <https://www.youtube.com/channel/UCk7rXLlw7tDRQZeikmEe1tA>

Facebook: <https://www.facebook.com/aret.moscow/>

Russian Journal of Economics

ISSN 2405-4739 (online) | ISSN 2618-7213 (print)

Учредители журнала:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
- Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара
- Некоммерческое партнерство «Вопросы экономики»

Главный редактор: *Алексей Кудрин*
(Институт Гайдара, Санкт-Петербургский государственный университет)

Russian Journal of Economics (RuJE) призван стать важным источником информации для международного экономического сообщества о российской экономике и экономической науке. Приоритетными темами публикаций являются институциональные реформы, макроэкономические исследования, анализ экономической политики, экономическая социология, иные актуальные темы. Журнал рассчитан на профессиональных экономистов, заинтересованных в качественной и правдивой информации об экономических процессах и явлениях современной России.

Журнал издается с 2015 г. ежеквартально на английском языке. Все материалы проходят обязательное рецензирование. Индексируется в Scopus, RSCI, eLibrary, DOAJ, EBSCO и других международных базах данных.

RuJE выходит в электронной и печатной версиях. Электронная версия журнала находится в открытом доступе и с 2018 г. размещается на платформе *ARPHA*. Печатная версия распространяется по подписке через каталог агентства «Роспечать» (индекс 80649).

Приглашаем авторов подавать в *RuJE* оригинальные, ранее нигде не публиковавшиеся статьи, по формату и структуре отвечающие международным стандартам. Статьи принимаются на английском языке через онлайн-систему подачи рукописей на сайте журнала. Подробное руководство для авторов см. там же в разделе *Authors Guidelines*.

Сайт журнала www.rujec.org

Email: rujec@rujec.org
Twitter [@RuJEconomics](https://twitter.com/RuJEconomics)

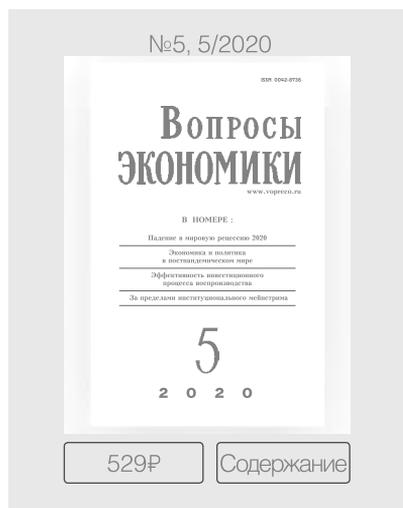
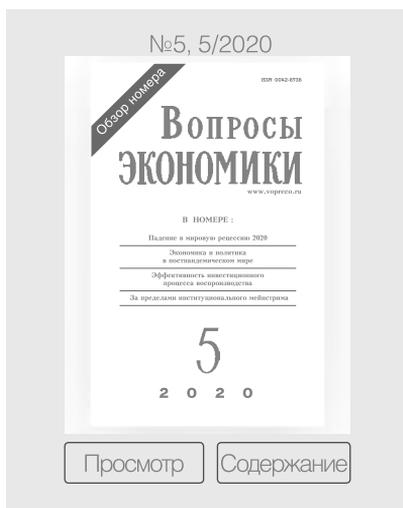
Мобильное приложение

Вопросы экономики

«Вопросы экономики» теперь доступны в *App Store* и *Google Play*

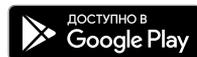
В нашем мобильном приложении вы найдете все номера, начиная с 2015 г. Каждый номер журнала доступен в двух видах:

- бесплатная версия (Обзор номера) — содержание, аннотации к статьям, информация об авторах, фрагменты статей;
- платная версия — весь номер с интерактивным содержанием и активными ссылками.

Вы также можете оформить подписку в приложении — на полгода или год в *App Store* и на год в *Google Play*. После оплаты подписки вам сразу станет доступен текущий номер.

Чтобы установить приложение на свой планшет или смартфон, зайдите в *App Store* на устройствах *Apple* или в *Google Play* на устройствах *Android* и введите в строке поиска **Вопросы экономики**. Вы также можете воспользоваться баннерами на нашем сайте www.vopreco.ru или QR-кодами (если на вашем устройстве установлено приложение для их считывания).

ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА ДЛЯ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Извещение	НП «Вопросы экономики» ИНН 7727071670, КПП 772701001, р/с 40703810687900000002 в ПАО «Росбанк» г. Москва, к/с 30101810000000000256, БИК 044525256 Ф.И.О.: _____ Адрес доставки (с индексом): _____ _____ <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <thead> <tr> <th style="width: 70%;">Назначение платежа</th> <th style="width: 30%;">Сумма</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Подписка на журнал «Вопросы экономики» II полугодие 2020 г. (для подписчиков из РФ)</td> <td style="text-align: center;">4800—00</td> </tr> </tbody> </table> С условиями приема банком указанной суммы ознакомлен и согласен _____ « ____ » _____ 2020 г. (подпись плательщика) (дата платежа)	Назначение платежа	Сумма	Подписка на журнал «Вопросы экономики» II полугодие 2020 г. (для подписчиков из РФ)	4800—00
Назначение платежа	Сумма				
Подписка на журнал «Вопросы экономики» II полугодие 2020 г. (для подписчиков из РФ)	4800—00				
Кассир					
Квитанция Кассир	НП «Вопросы экономики» ИНН 7727071670, КПП 772701001, р/с 40703810687900000002 в ПАО «Росбанк» г. Москва, к/с 30101810000000000256, БИК 044525256 Ф.И.О.: _____ Адрес доставки (с индексом): _____ _____ <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <thead> <tr> <th style="width: 70%;">Назначение платежа</th> <th style="width: 30%;">Сумма</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Подписка на журнал «Вопросы экономики» II полугодие 2020 г. (для подписчиков из РФ)</td> <td style="text-align: center;">4800—00</td> </tr> </tbody> </table> С условиями приема банком указанной суммы ознакомлен и согласен _____ « ____ » _____ 2020 г. (подпись плательщика) (дата платежа)	Назначение платежа	Сумма	Подписка на журнал «Вопросы экономики» II полугодие 2020 г. (для подписчиков из РФ)	4800—00
Назначение платежа	Сумма				
Подписка на журнал «Вопросы экономики» II полугодие 2020 г. (для подписчиков из РФ)	4800—00				

На II полугодие 2020 г. Вы можете оформить подписку на наш журнал через Редакцию. (Сравните! Это должно быть вдвое дешевле обычной подписки через местное почтовое отделение.) Для этого:

- вырежьте бланк квитанции (или распечатайте его с нашего сайта в Интернете www.vopresco.ru, где выложены также квитанции **для подписчиков из стран СНГ и на годовую подписку**);
- **разборчиво** заполните графы «Ф.И.О» и «Адрес доставки (с индексом)»;
- предъявив паспорт, оплатите квитанцию в любом банке или воспользуйтесь указанными в ней реквизитами для оплаты банковской картой. Оплаченная квитанция (электронный чек) является документом, подтверждающим заключение Вами договора подписки;
- копию оплаченной квитанции (электронный чек) пришлите в Редакцию по факсу, электронной или обычной почте, укажите свой телефон для связи.

Журналы будут доставляться Вам заказной бандеролью по указанному в квитанции адресу. Доставка включена в стоимость подписки.

E-mail: mail@vopresco.ru. Телефон для справок: +7 (499) 956-01-43

Льготная подписка для физических лиц

ЗАПОЛНИТЕ БЛАНК НА ОБОРОТЕ	ПОДПИСКА 2020 II полугодие
ЗАПОЛНИТЕ БЛАНК НА ОБОРОТЕ	ПОДПИСКА 2020 II полугодие

Технический редактор, компьютерная верстка — **Т. Скрыпник**
Корректор — **Л. Пущаева**

Учредители: НП «Редакция журнала „Вопросы экономики“»; Институт экономики РАН.
Издатель: НП «Редакция журнала „Вопросы экономики“». Журнал зарегистрирован в Госкомитете РФ по печати, рег. № 018423 от 15.01.1999. **Адрес издателя и редакции:** 119606, Москва, просп. Вернадского, д. 84. **Тел./факс:** (499) 956-01-43. **E-mail:** mail@vopreco.ru

Индекс журнала: в каталоге агентства «Роспечать» — 70157; в каталоге «Подписные издания» Почты России — П6302. Цена свободная.

Подписано в печать 06.07.2020. Формат 70 × 108^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,00. Уч.-изд. л. 12,4. Тираж 700 экз.

Отпечатано в АО «Красная Звезда». Адрес: 125284, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38. Тел.: (495) 941-34-72, (495) 941-28-62. www.redstarph.ru. Заказ № 2342-2020.

Перепечатка материалов из журнала «Вопросы экономики» только по согласованию с редакцией. Редакция не имеет возможности вступать с читателями в переписку.

© НП «Вопросы экономики», 2020.